

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Москва 2015

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

Е.В. Барабанов

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертеc (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)»,
М.М.Задорнова, группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 4 (69) 2015

К читателю

Интеллектуальная альтернатива кризису 5
Юрий Сенокосов

Семинар

«Мы должны взять ответственность на себя» 7
Альваро Хиль-Роблес
Дискуссия 13

Тема номера

Гражданский универсализм в глобальном мире 21
Дмитрий Горин

Вызовы и угрозы

Траектории глобальной экономики 30
Фредрик Эрикссон
Насколько универсальны гражданские ценности Европы? 40
Михаэль Мертес

Верховенство права

Свобода и право 49
Вадим Клювгант

Точка зрения

Перспективы глобализации и демократии 57
Роберт Скидельски

Гражданское общество

Гражданское образование в контекстах мировой истории 65
Александр Согомонов

Россия и Европа

Необходимый и неизбежный выбор 79
Василий Жарков

Дискуссия

Банальность зла и «гибридность» морали

Дмитрий Шевчук

Аревик Маркарян

Юлия Счастливицева

88

Образование XXI века

Интеграция и свободные искусства: исторический обзор

Леон Конрад

96

Книги

Куда плывет корабль «Россия»?

Андрей Захаров

108

Региональное книжное обозрение

Денис Греков

110

Контрапункт

Владимир Рыжков

112

Nota bene

Справедливость

Джордж Акерлоф

Роберт Шиллер

121

*В оформлении этого номера журнала
использованы работы авторов из России, США, Франции.*

Интеллектуальная альтернатива кризису

Юрий Сенокосов
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

Есть такое латинское выражение, которое наверняка многим знакомо — «homo faber» — человек творящий, делающий. Думаю, буду прав, если скажу: обычно мы хорошо понимаем только то, что делаем сами, своими руками и головой, конечно. А как можно понять гражданское общество, которое не делается руками?

Спрашиваю об этом, чтобы напомнить: быть свободным значит придерживаться тех принципов — защиты естественных прав человека, экономической свободы, частной собственности, равенства всех перед законом, разделения властей, легальной оппозиции, которые изобретались когда-то и продолжают изобретаться, потому что просвещение продолжается, ценой риска и упрямства и затем на уровне физического навыка, методом проб и ошибок, как показывает исторический опыт, массово личностно осваиваются. Только так возникает общество граждан, способных мыслить критически, преодолевая соблазны и искушения культурного фундаментализма, популизма, политического насилия и безразличия, индифферентности к качеству социальной сферы.

Так что же мешает нам быть счастливыми, успешными, свободными? Патернализм? Идеология? Отсутствие таланта, образования?

Среди провозглашенных в Евангелии известных эмпирических заповедей «не убий», «не укради», «не лжесвидетельствуй» и др., есть, в том числе и метафизический завет апостола Павла: «К свободе призваны вы, братия... любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: «Люби ближнего твоего, как самого себя». Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. 5, 13–15).

Имеют эти слова апостола Павла из Послания к галатам сегодня отношение к нам? Безусловно. Мы живем в эпоху глобализации и одновременно в период глобаль-

ного кризиса, когда все известные подходы — экономические, политические, культурные — для преодоления кризисных явлений и порождаемых ими конфликтов и войн практически не эффективны. Идет ли речь о кризисе в финансовой сфере, беженцах, экологии, гонке вооружений. Возможна ли в этих условиях интеллектуальная альтернатива существующему кризису в Европе — на родине практически всех научно-технических достижений и общественных преобразований? Возможна, если не забывать, что быть европейцем, значит, быть свободным, и что свобода напрямую соотносится с правом и, конечно, с законом.

Хочу подчеркнуть: именно эти понятия — свобода, право, закон — определяли во многом развитие европейского общества. Естественно, в разные эпохи по-разному. Если в эпоху, которую можно условно назвать эпохой универсализма веры, горизонт их восприятия и понимания был задан религией, то есть связью (от лат. *re-ligo* — связывать) человека с Богом и с Церковью, как живым телом Христовым, то в эпоху универсализма разума их смысл стал восприниматься исторически, в зависимости от тех социально-экономических условий, которые вызывали эти понятия к жизни. Скажем, в СССР они воспринимались, согласно школьным и вузовским учебникам, в контексте «марксистско-ленинского учения о классовой борьбе как движущей силе развития общества». И при этом считалось, что свобода — продукт исторического развития общества. А право сводилось — цитирую 4-е издание «Краткого философского словаря» 1954 года — к «совокупности государственных установлений и законов, определенным образом регулирующих общественные отношения между людьми».

Между тем, наша жизнь, когда мы ее чувствуем и переживаем, не сводится к праву, экономике, политике или к безопасности; мы не воспринимаем ее в терминах экономических или политических теорий, как результат работы существующих институтов. Реальную жизнь мы воспринимаем как события, явления, повседневность самой жизни или, как сказал бы философ, в терминах человеческих возможностей, которым сопутствует «смысл» и которые можно ассоциировать с такими понятиями, как «любовь», «совесть», «покаяние», «возрождение», «просвещение», «собранность». Поскольку известно, что мы либо собираем свою жизнь в нечто осмысленное, либо бессмысленно ее тратим.

«Мы должны взять ответственность на себя»*

*Альваро Хиль-Роблес,
комиссар по правам человека
Совета Европы (1999–2006)*

Какой смысл сегодня говорить о правовом государстве? Я думаю, ответ на этот вопрос очевиден. Даже те страны, где такое государство существует, сейчас переживают кризис идентичности; кризис созданных после Второй мировой войны международных институтов на основе демократических ценностей, которые были ориентиром строительства единой Европы. Демократия, экономическое развитие и социальная солидарность определяли на протяжении десятилетий содержание европейской модели общественного развития.

Но начиналось все с экономики. А именно с Европейского объединения угля и стали — международной организации, объединившей каменноугольную, железорудную и металлургическую промышленности Франции, ФРГ, Италии и других стран, и затем появився экономический рынок. Но при этом несколько раньше был запущен также второй процесс, вторая составляющая демократического содержания европейского проекта — создание Совета Европы. Совет Европы является старейшей в Европе международной организацией. Все страны, которые входят в Совет Европы, придерживаются принципов демократии и верховенства права.

Совет Европы разрастался и сейчас в эту организацию входит сорок семь стран. Критерием идентичности для транзитной страны является вступление в Совет Европы. Такие страны, как Испания и Португалия, когда пали диктатуры, первое, что сделали — вошли в Совет Европы прежде, чем они вошли в Европейский союз. То есть прежде, чем войти в общий рынок, надо было стать членом Совета Европы. А когда пала Берлинская стена, то же самое сделали бывшие соц-

* Выступление на семинаре Ассоциации школ политических исследований Совета Европы в г. Баэса, Испания 25 мая 2015 г.

страны, включая Российскую Федерацию; в 2016 году она отметит 20-летнюю годовщину своего вступления в Совет Европы.

Но все не так просто. Одно дело форма и другое — содержание, реальность. В странах-членах Совета Европы, к сожалению, до сих пор существуют различия в том, как в них понимается, что такое форма и что такое суть соблюдения прав и свобод человека. Я имею в виду при этом не только Россию, где эти права и свободы нарушаются, но и другие европейские страны.

После 11 сентября 2001 года западная Европа погрузилась в состояние паники, вводя серьезные ограничения индивидуальных прав и гарантий правового государства, чтобы бороться с мировым терроризмом. Европа, всегда имевшая иное видение, приняла многие вещи, навязанные Соединенными Штатами в том, что касалось коммуникаций, в том, что касалось соблюдения приватности, частной жизни людей. И такие страны как Великобритания откатились назад, приняли репрессивные законы, которые потом пришлось отменить. На европейской территории были подпольные тайные тюрьмы, где агенты ЦРУ пытали людей. У нас были случаи совершенно негативного и осуждаемого поведения. Но в Европе мы можем говорить об этом публично, можем критиковать нарушения прав человека в европейском и национальном парламентах, поскольку демократия это позволяет делать.

Но есть у нас и другие опасности. Например, опасность националистического толка, которая подвергает сомнению европейский проект. В Европе есть очень серьезные ультраправые объединения против эмиграции, такое как движение «Национальный фронт» Марин Ле Пен. Не только во Франции, но и в Венгрии, в Дании, в Швеции, в Великобритании. Иными словами, Европа это не курорт с

тихими водами. Здесь много проблем, но мы пытаемся их решать, мы видим их и реагируем.

И важным является то, что есть система в каждой из стран и в целом на европейском континенте, позволяющая создавать независимые общественные организации, свободно выражать гражданам свое мнение, критиковать, не боясь преследований или репрессий. Эти основные ценности уважаются в Европе до такой степени, что мы позволяем тем, кто против демократии или против европейского проекта свободно выражать свое мнение при условии, что они не прибегают к насилию.

Почему сегодня у нас наблюдается кризис ценностей в Европе? Почему мы не смогли противостоять террористической угрозе в более демократической и в более твердой манере? Потому что перестали обращать внимание на демократические ценности в наших странах. Когда эти ценности существовали, и мы противопоставляли их идеалам коммунизма, мы видели разницу. Но когда коммунизм пал, демократы подумали, что все уже сделано, что ценности демократии являются теперь общими, универсальными, поэтому нет необходимости продолжать борьбу.

Что мы предлагаем нашей молодежи? Мы ставим личный успех на первое место: зарабатывать много денег, следовать буржуазному либерализму. И поскольку нет противников в лице коммунистов, практически полностью полагаемся на игру рынка, что приводит к существенным потерям государственного благосостояния. Потому что те, кто думают, что капитал будет регулировать сам себя, мечтают о невозможном. Капитал никогда не регулировал себя сам. Либо его надо регулировать извне, либо он становится хищническим, занимающим все свободное пространство, включая социальное. И теперь понимаем в условиях

экономического кризиса, что позволили появиться своего рода чудовищу, которое подвергает опасности модель государства всеобщего благосостояния и политическое развитие Европы. И зываем к большему участию государства для контроля экономических сил и лучшего распределения богатства для всех. Так как увидели, что создали несправедливое общество, где различия слишком значительны. Богатые становятся богаче, а бедные — беднее, в результате чего социальная напряженность, которую мы пытались преодолеть, создавая государство благосостояния, вновь стала на повестку дня. И мы видим соответствующую реакцию населения во время выборов.

К сказанному добавлю также, что возник новый мир — исламский, который был нам незнаком. И Запад допускает ошибку, считая, что исламизм и терроризм одно и то же. Ислам как таковой не имеет ничего общего с терроризмом, с политизированными группами, которые создают каналы определенных настроений и сеют войну, отчаяние и страх.

Сошлюсь на книгу Тарика Рамадана «Мусульмане стран Запада и будущее ислама», социолога и политолога, живущего в Швейцарии, он египтянин по происхождению; он пишет об этике ислама, подчеркивая, что это иной мир, с которым мы должны находить взаимопонимание. Мир, который нельзя огульно осуждать, его надо понять. Нам, мусульманам, проживающим в странах западного мира, крайне важно понимать, говорил он в одном из своих интервью, что когда мы называем себя *мусульманами на Западе*, получается, что мы ощущаем окружающую нас действительность как чужеродную, как будто мы живем там, где нет ничего нашего. Но, называя себя *мусульманами стран Запада*, мы напротив, подчеркиваем, что мы одновременно при-

надлежим и к исламской, и к западной цивилизации.

Что я хочу этим сказать? Что мы живем, когда необходимо восстанавливать и воссоздавать демократию. Потому что демократия это единственная система, когда мы можем защищать наши свободы, нашу идентичность, наши идеи, и продолжать обеспечивать экономический и политический прогресс.

Я говорю об этом, являясь гражданином Европы, и говоря о Европе, конечно, имею в виду и Россию, так как интеллектуально и политически она продолжает быть частью Европы. Хотя кому-то нравится говорить, что Россия это иной мир. Но Европа не может повернуться к России спиной, как и Россия к Европе. Это ошибка.

Что нам нужно делать, чтобы восстановить подлинную демократию? Я думаю, главное, чтобы население, граждане, все мы поняли, что если не станем ответственными за нашу политическую судьбу, никто не сделает это за нас. Мы должны взять ответственность на себя. Надо участвовать в жизни общества, иначе мы все проиграем. Поэтому первое — это участие. Не надо думать, что кто-то принесет нам демократию на тарелочке с голубой каемочкой или аист в корзиночке. Демократия — это уважение и защита собственных идей без насилия.

Но, дорогие друзья, демократия — это не только участие. Демократия это и борьба с коррупцией. Коррупция как экономическая, так и политическая — великое зло, от которого страдают все наши страны. В Испании мы ведем серьезную борьбу с коррупцией. Но для этого необходимы независимые суды. Это еще одна важная ценность демократии. Суды, которые не зависят от политической власти. Необходимо публичный контроль за всеми злоупотреблениями, потому что будущее демократии зависит от того, насколько честно работают институты.

Ман Рэй. Само по себе II. 1918

И необходимо перераспределение богатства, не экспроприация и не принудительное отчуждение собственности (важно говорить об этом), а контроль за сбоями и излишествами капиталистической системы, которые привели нас к

кризису. Невозможно примириться с тем, когда миллионы граждан, как это произошло в Испании, попали в экстремальную экономическую ситуацию, теряя работу, потому что не сработала банковская система, не сработал круп-

ный капитал. Государство спасло систему. Но нельзя спасти систему, вернувшись к порокам той же системы. Исправлять экономическую систему нужно коллективными усилиями, чтобы покончить с нарушениями многонациональных компаний, с нарушениями фискальных режимов в международном, европейском масштабе. Потому что многонациональная Европа зарабатывает деньги по всей Европе, а ее «штаб-квартира» вдруг оказывается в Ирландии, поскольку там не платят налоги. Однако это недопустимо с точки зрения глобальной солидарной системы.

Мы не обращали на это внимание, когда был хороший экономический цикл, все зарабатывали много денег, и никто об этом не думал. Но теперь мы видим, что надо навести в доме порядок. Повторяю, речь идет не о принудительном отчуждении собственности, а об уходе от налогов.

Поэтому надо усиливать роль гражданского общества. Политика ведь не только дело политических партий. Когда я был комиссаром по правам человека, я посещал европейские страны и в первую очередь встречался с неправительственными организациями. Многие из них были частично политически ангажированными. Но когда я выслушивал всех, уверяю вас, я намного четче понимал реальность проблем страны, чем официальное государственное видение. И после этого диалог с правительственными учреждениями был, по сути, намного богаче.

Без усиления гражданского общества демократия хромает. Правительства должны это понять, это важно для них, чтобы они не уснули, чтобы принимали критику, чтобы исправлялись, когда это необходимо. А также могли сказать

«нет», когда надо говорить «нет», но не преследовали никого. Гражданское общество является сутью демократии, это жизнь демократии.

Дорогие друзья, и нам надо еще кое-что сделать. Нам надо заняться преподаванием демократических ценностей в

*У демократии много дефектов.
Мы будем продолжать ошибаться,
но у нас есть свобода сказать, что мы
ошибались*

школах. Потому что любому обществу и любой стране нужны не только хорошие инженеры, историки, математики, будущие педагоги, но прежде всего и главным образом хорошие граждане. А гражданин это тот, кто знает свои права, свои обязанности, и поэтому готов их отстаивать и защищать свободу, потому что знает, что такое демократия. Мы должны преподавать это в школах, важно объяснить, что такое свобода, справедливость, солидарность, согласие, уважение другого.

Некоторые говорят в этой связи о толерантности. Мне не нравится это слово. Когда я его слышу, то невольно представляю, что тот, кто об этом говорит, вроде как в особом положении находится, терпит того, кто ниже. Получается, что одни толерантнее других. Это неправильно. Не важно, кто вы — католик, православный, протестант или иудей. Я признаю и уважаю его право как человека верить иначе или думать иначе, я не толерантно к нему отношусь. Или кто-то, например, имеет сексуальную ориентацию другую, я не толерантно к нему отношусь, а признаю его человеческое состояние. Или если у кого-то кожа другого цвета, или он другого этнического

происхождения — просто надо уважать другого. А когда он ошибается, сказать ему об этом. Не надо его преследовать. Вот ценности демократического, гражданского общества, в котором есть место всем. Всем нам есть место, кто уважает и соблюдает права. А кто использует оружие или насилие, конечно, находится за рамками такого общества. И этому надо учить в школе, в семье, об этом надо говорить, спорить, потому что только так рождается и из этого вырастает демократическое общество.

Мы должны следовать по этому пути не только на национальном уровне, но и европейском. Поскольку мы передали наш суверенитет на уровень Европейского союза, у нас есть право требовать, чтобы работа демократических институтов, парламентов, комиссий была более эффективной. Свободу нам никто не подарит, мы должны отстаивать ее ежедневно. А иначе всегда найдется кто-то, кто захочет ее отобрать.

Я всегда привожу пример: в Испании мы боролись с терроризмом, с вооруженным насилием. Это была серьезная война. Баскский терроризм появился еще при Франко, и мы думали, что в условиях демократии все это закончится, поскольку страна басков имеет свой парламент, свое правительство, свою автономию с признанной свободой. Нет, не закончилось. Стало еще хуже, серьезнее, тяжелее. Сотни убитых, многие мои друзья погибли от выстрела в затылок, от взорванного автомобиля.

Как бороться с этим? Были демократические правительства, которые ошибались. Они использовали адекватные методы. Во всяком случае, это были методы, явно противоречащие правовому государству. Чего они добились? Они только усилили террор, число жертв стало больше. Но это изменилось, когда было сказано: «Нет, с терроризмом надо бороться иначе. Никакого насилия, все в

границах правового государства». Юстиция, информированная полиция, международное сотрудничество, взаимопомощь политических партий — и мы победили, когда стали использовать правовые институты, когда население поверило в это. Терроризм проиграл битву и, по сути, ему пришлось это признать. Боль, скорбь, страдание, но в итоге мы победили с помощью правового государства, повторяю, и уважая тех, кто до сих пор выступает за независимость страны басков. У них есть цивилизованная партия, которая не использует насилие, требуя независимости, и никто не ограничивает их права.

Поэтому, дорогие друзья, я хочу сказать, что когда в стране есть твердые ценности, и страна живет этими ценностями, отстаивает их, она идет вперед. Но этот путь мы должны пройти вместе. Стоит и надо работать в этом направлении. Демократия — хрупкая ценность. Многие этого не понимают. Многие думают, что главное это сила, власть. Нет, более важным является то, что сила в нашей поддержке демократии. Именно в этом ее сила и в этом ее власть.

Вот все, что я хочу сказать про основы правового государства. Это не просто государство каких-то правовых норм, а государство, где люди понимают и уважают демократические ценности. Ибо без уважения и понимания это будет демократия по форме, а не по сути и содержанию. Но граждане, взяв на себя обязательства, могут изменить форму, могут поменять парламент во время выборов. Это нелегко, но это не невозможно. Вот месседж Совета Европы, несмотря на все дефекты европейской модели.

Не забывайте, что у демократии много дефектов. Мы будем продолжать ошибаться, но у нас есть свобода сказать, что мы ошибались. И мы будем продолжать говорить это не из тюрьмы, а на свободе.

Дискуссия

Анастасия Вализада, образовательный центр «Премьер+», преподаватель, г. Ярославль:

— В вашем докладе прозвучала очень важная идея о том, что основы демократии надо преподавать в школе. В России десятиклассная, одиннадцатиклассная система школьного образования. Как вы думаете, с какого возраста, и в какой форме это можно и нужно делать? Потому что сейчас это дополнительные занятия, это могут не все себе позволить.

Альваро Хиль-Роблес:

— Вообще для всего есть свой возраст. Маленьким детям просто примером личным нужно показывать, они так лучше понимают. Но я думаю, что в четырнадцать, пятнадцать лет можно уже начинать объяснять — юношам и девушкам — что именно они изучают. И почему они должны учиться, и учатся в школе, что это определенная социальная привилегия, что общество живет по определенным правилам и нормам, законам.

И очень важная тема — этика. Ведь о том, чтобы не воровать, нет специального закона в виде «не укради». Просто большинство людей считает, что воровство недопустимо. Так же, как нельзя подкупать другого. Мы все знаем, что это коррупция, что это осуждается обществом. И вот об этом нужно говорить, это нужно объяснять, начиная с любого возраста. Это не обсуждается, а воспринимается в какой-то момент как нечто естественное.

И о политических партиях дети должны знать, что существуют разные политические партии. Они должны верить, что есть солидарность, судебная система, что их защитит суд. Что нужна взаимопомощь.

Но, конечно, это не только работа школы. Об этом не должно забывать правительство, не говоря уже о семье. И, конечно, гражданское общество должно вносить свой вклад в эту работу. Мне кажется, это базовые, наиболее важные вещи. Мы не можем, конечно, на плечи учителей переложить весь груз ответственности. Но нужно, чтобы было больше школ, которые бы говорили о сути и смысле гражданских ценностей, будь это на экологическом поле, социальном, в плане рабочих мест и т.д. Это очень важно. Мне кажется, очень важно понимать это с детства.

Михаил Зелёв, научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета, старший научный сотрудник:

— Я хочу спросить о людях в лодках из Ливии. Вот смотрите, фактически ни экономической, ни социальной, ни культурной пользы сегодня от политики «открытых дверей» Евросоюзу нет. Да, в Испании безработица более

двадцати процентов. Но ведь можно решать проблему нехватки рабочих рук за счет повышения производительности труда. Культурный, человеческий капитал эмигрантов из стран Африки и Азии очень низкий. У них крайне низкая квалификация. Они прибывают из стран, где чаще всего ничего не знают о демократии. Они садятся на пособия и не включаются в общественно-полезный труд. И нередко совершают террористические акты против того общества, ценности которого не разделяют. Мы все помним 11 марта 2004 года в Мадриде. Помним лето 2005 года в Англии. Ну, и еще одно негативное последствие такой политики — это усиление таких партий, как, например, Национальный фронт во Франции, которые помимо антииммиграционной политики предлагают крайне евроскептический проект.

У меня вопрос: почему Евросоюз не может пойти по австралийскому пути и прекратить австралийскими методами массовые заплывы эмигрантов из Ливии?

Альваро Хиль-Роблес:

— Потому что Евросоюз не Австралия. Но вопрос, который вы ставите, очень важен.

Дело в том, что в Европе всегда существовала иммиграция и эмиграция. Есть внутренняя миграция. Без нее Европы просто не было бы. В пятидесятые годы прошлого века, например, испанцы и португальцы мигрировали по всей Европе. Мы, испанцы, были эмигрантами, теперь нет. Но когда были бедными, уезжали работать в Германию, потому что немцы не хотели работать там, где работали мы. Потом в Германии появились турки. Это было важно для промышленного экономического развития Германии. Сегодня в этой стране значительное интегрированное турецкое население. Во Францию на протяжении многих лет приезжали эмигранты из Магриба, Марокко, Туниса, Алжира, потому что Франция была колониальной державой, и надо было их принимать. Это было частью экономического развития Франции.

Великобритания — яркий пример иммиграции. Когда вы приезжаете в Лондон, вы видите, что там много индусов, пакистанцев, африканцев. В Великобритании долгие годы наблюдался крупнейший иммиграционный процесс. Сейчас правительство пытается затормозить этот процесс.

Что я хочу сказать? Европа всегда была открытым континентом, но сейчас у нас проблема — европейское население стареет — и встает вопрос: можем ли мы обеспечить наше экономическое развитие? Скажем, в Испании контролируемая эмиграция, без этого наша структура сервиса не работала бы. И часть нашей промышленности тоже не работала, потому что испанцы не хотят заниматься определенными видами труда. И если у нас не было бы эмиграции рабочей, вполне возможно, что подвергалась бы опасности система государственного благосостояния, система соцстрахования, будущих пенсий.

Разумеется, некоторые приезжающие в Европу эмигранты имеют специальность, образование и проблем у них нет. И точно также, например, испанские медсестры не имеют никаких проблем, чтобы работать в

Великобритании или Ирландии. Их сразу берут на работу, это квалифицированный персонал. А те, кто не имеет подготовки, сталкиваются с проблемами.

Кроме того, добавлю к сказанному, есть люди и их не мало, которые, будучи мигрантами не первого поколения, восстановили свою идентичность, а есть те, кто родились в стране происхождения, продолжают бороться за свою идентичность. Скажем, молодежь из Магриба гордится тем, что они марокканцы, тунисцы или алжирцы, помимо того, что они французские граждане, то есть у них есть гражданство. Это столкновение культур. И, вероятно, надо навести здесь порядок.

Я долго жил, когда был комиссаром по правам человека, в Эльзасе — это регион Франции на востоке, где находится Страсбург. Эльзас почти весь голосует за ультраправых. Они говорят, что голосуют за них из опасения перед арабской эмиграцией. Но в Эльзасе нет арабов ни в одном населенном пункте. Нет, потому что в Эльзасе нет для них работы. Это чисто политическая пропаганда. Но эта проблема существует.

Не совсем верно, что иммиграция создает проблемы преступности и терроризма. Смотрите, одной из причин преступности в Испании и в Европе были очень жестокие группы из Болгарии и Румынии. Это были вооруженные банды, которые грабили и нападали на людей. И до сих пор в Испании вы каждый день читаете новости о группах румын, которые воруют электрический кабель, провода. Они обесточивают больницы, железнодорожные линии, то есть бессмысленные какие-то кражи. Это ведь не магрибцы, не африканцы, это европейские люди.

И более осторожно, на мой взгляд, надо говорить, чтобы не стать расистом, о цыганах. Да кто-то из них преступники, но они ведь не приехали из Африки или из Азии, они живут здесь, в Европе... Так же, кстати, и те, кто воюет в так называемом исламском государстве, значительная их часть тоже европейцы. Они родились в Лондоне, в Париже — кто-то из мусульманских семей, кто-то из не мусульманских. Это меньшинство, но это серьезное дело. Это означает, что наше мажоритарное общество не поняло этого феномена. Мы должны хорошенько подумать над этим.

Я иду к тому, о чем вы сказали, что пребывают люди с другой стороны Средиземного моря. Надо разделять очень четко вот что: процесс эмиграции, который мы называем подпольным, это люди, которые пребывают на плотках или суденышках. До недавнего времени это была чисто экономическая эмиграция. Люди бежали от отчаяния, бедности, нищеты в Африке. Они терпели бедствия, пересекая море, пустыню, платили мафиозным группам, чтобы достичь побережья Сенегала, добраться до Канарских островов или Испании. Это феномен очень жесткий, очень сложный. Нельзя говорить, что преступник тот человек, который бежит от голода или нищеты. Но действительно Европа не может открыть границу для всех, это невозможно. У нас возникли фундаментальные политические проблемы. Поэтому нам надо пробовать бороться с этими явлениями, искать решение проблемы в том, чтобы экономическое развитие позволяло им оставаться в своей стране, а не бежать из страны. Я всегда говорю, что никто не оставляет свою семью, не переходит пустыню

и не переплывает море из удовольствия. Это от отчаяния. И к этому надо относиться уважительно. Но понятно, мы должны их возвращать. И ежемесячно мы тысячи людей возвращаем в Южную Америку и Африку.

Но есть и другая группа, с которой мы не можем обращаться подобным образом — это политические беженцы. Война в Сирии, другие военные действия. Из Сирии уже более двух миллионов перемещенных лиц. Соседние страны переполнены этими беженцами. Существуют международные соглашения, которые мы должны выполнять — Устав ООН о беженцах. Мы не можем их возвращать, если они действительно бегут от войны. Мы должны уважать международные соглашения и принцип солидарности по отношению к этим людям. Дискуссия идет сейчас в Европейском союзе — как нам реагировать на это, сохраняя уважение к праву на убежище тех, кто бежит от диктатуры, войны или репрессий. Именно так родились международные организации. Поэтому мы должны помогать этим людям. Многие из них врачи и инженеры, не думайте, что они хотят остаться в Европе, а не вернуться в свою страну, например, в Сирию.

Конечно, проблема очень сложная. Но правительства должны помогать людям, гражданское общество должно помочь понять, что солидарность существует. Вот все, что я могу сказать по этому поводу. Все очень сложно, но Европа всегда была землей миграции.

Павел Викнянский, *всеукраинская студенческая конференция «Студ-республика», руководитель, Украина:*

— Я руковожу одной из молодежных организаций и, прежде всего, хочу поблагодарить Школу за то, что нахожусь среди столь замечательных людей.

Доктор Альваро, хотел бы также выразить слова уважения вам, как политику. Мой вопрос, конечно же, касается Украины. А именно, что европейцы могут сделать для достижения мира в Украине? Конечно, украинцы во многом инфантильно надеялись на то, что их евровыбор обеспечивает и евробезопасность. Каким образом можно преодолеть кризис европейских правовых институтов, институтов безопасности, выйти из этого кризиса? Что Европа могла бы сделать для Украины?

Что мы видим? Как вы говорили, есть разница между формой и содержанием. Вот у нас есть документы (Минское соглашение — 1, Минское соглашение — 2), которые по форме позитивны, но по содержанию они не соблюдаются. Что необходимо в этой ситуации сделать?

Альваро Хиль-Роблес:

— Я не специалист в этом вопросе, но думаю, нам следует исходить из определенных реалий. Одна из них — Украина очень важная страна в Европе. Важная, как для тех, кто живет в Европейском союзе, так и для соседей Украины, включая Российскую Федерацию. Украина — это не страна, чье будущее можно рассматривать и анализировать, игнорируя географический и экономический контекст, в котором она находится, это невозможно.

Фернанд Леже. Детский сад. 1954

Я думаю, то, что происходит в Украине — результат многих ошибок и заблуждений. И украинский народ очень страдает из-за этого. Я думаю, европейцы ошибались, следуя позиции, которую я назвал бы ястребиной. Ястребы есть в Евросоюзе, и они продолжают думать, что Россия это средоточие всех мировых зол, что надо бороться с Россией, как будто там еще господин Сталин правит. Некоторые еще не сменили чипы в голове. Я могу их понять. Но то, что Евросоюз попал в эту ловушку, мне кажется серьезной ошибкой.

Идея заставить Украину разорвать отношения с Россией и подписать соглашение с Евросоюзом, отказаться от политической и экономической кооперации с Россией — безумие. Это просто не знать Украину, не знать Европу и не знать Россию. Это политическая глупость. Мы поддерживали Украину, но не должны были требовать от нее невозможного поведения. Мы должны были работать с Украиной, чтобы интегрировать ее в европейский проект, уважая также ее обязательства с другими странами, не помещая ее перед выбором «черное или белое». Этого нельзя было делать, это неуважение к Украине и к украинскому населению. Надо было работать в долгосрочной перспективе, покончить с коррупцией в Украине и постепенно приближать ее к европейскому проекту, не стоя на антироссийских позициях. Не надо быть анти чем-то. Надо уважать идентичность Украины и работать солидарно с Украиной.

Мы не будем анализировать все вопросы, но мы совершили ошибку. И теперь платим за это, потому что есть президент Российской Федерации, который нарушает международные нормы и принимает критикуемые решения, но эмоционально российским населением это принимается. Я согласен, что колыбель России в Киеве. Это история, а историю нельзя изменить с оружием в руках. И нельзя подпитывать сепаратистские движения оружием, чтобы создавать проблемы и говорить потом: «А теперь вы, западные люди, должны понять, что я здесь команду. Я президент Российской Федерации и ключ от войны и мира у меня в руках». Еще одна ошибка, потому что все мы не должны строить международные отношения на основе конфронтации.

Поэтому на Западе мы должны оставить антироссийскую риторику и политику, а в России должны, на мой взгляд, оставить антизападную риторику и политику, потому что между этим находится Украина, как жертва во всей этой ситуации.

Сейчас больше, чем когда либо, надо вести диалог, надо постараться вернуться к нормальности. Надо помогать создавать гражданское общество через такие организации как Школа, и дать шанс украинскому населению сохранить солидарность с европейцами и с россиянами, но не с оружием в руках. Нельзя быть солидарным с оружием в руках, это противоречит всем нашим ценностям и принципам. Вот моя позиция.

Мы должны работать над контекстом, благоприятным для демократии. Это не случится завтра. Впереди большая работа. И должны забыть о мире холодной войны. Мы не должны попадать в эту ловушку и в подобные ситуации, потому что это ошибка. Ястребам это очень нравится и на западе, и на востоке. И те, и другие с удовольствием принимают эту ситуацию, а страдают простые граждане. Вы хозяева своей страны и вы должны решать, я так думаю, а мы должны помочь вам в этом.

Эмиль Паин, генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований, Москва:

— У меня вопрос по поводу терминологии, по поводу двух терминов, которые вы использовали.

Первый термин — толерантность. Вы высказали свое как бы неприятие этого термина в связи с тем, что он излишне патерналистский. И в России отвергают толерантность, это официальная позиция, в частности, Русской православной церкви, но совсем с других позиций. Не потому, что он отражает неравенство, а потому что он слишком широкий. Церковь готова принимать веру и терпимость, но не готова принимать терпимость к другим явлениям, особенно к сексуальным.

Так вот вопрос: стоит ли отказываться от термина «толерантность» в условиях, когда нет другого термина. Равноправие — не адекватно толерантности. И учитывая, что отказ от него будет воспринят другой стороной, отнюдь не демократической, как своей победой.

И второй вопрос о термине «исламизм». Вы сказали, что не нужно путать исламизм и терроризм. Но в экспертных кругах различают ислам и исламизм. Ислам — это религия. А исламизм это такое ее проявление, когда

его сторонники исповедуют идею джихада, то есть войны. И эта идея всегда связана с терроризмом, потому что у нее нет другой формы выражения.

Так вот, нужно ли отрицать существование исламизма если этот самый исламизм действительно реализуется через терроризм?

Альваро Хиль-Роблес:

— На мой взгляд, ни у кого нет монополии на истину, ни у одного человека. В религиозном плане тоже каждый, кто хочет, верит в своего бога и свою религию, будь то христианство — католики, протестанты, православные — будь

то иудаизм или ислам. Все имеют одни истоки — это религии Книги. Истоки одни.

Как европейский комиссар я ежегодно встречался с представителями религий при закрытых дверях, без свидетелей. И мы говорили о правах человека, потому что религии, церкви могут быть очагом мира, но могут быть и очагом нарушения прав человека. Религиозный фанатизм приводил к миллионам жертв в христианстве, католичестве. Мы убивали, сжигали, уничтожали. Это прецедент отнюдь не блестящий с точки зрения идеи толерантности. Поэтому очень важно, чтобы церкви присоединились к процессу мира, признанию инаковости и к уважению прав человека. Когда я уходил с поста Комиссара СЕ, группа церковью сотрудничала с Советом Европы и принимала ценности Совета Европы.

Вы совершенно правы. Нельзя отождествлять ислам с терроризмом. Это, конечно, варварство. Ислам — это исконная религия, великая культура. Здесь, в Андалусии, где мы находимся, есть примеры великой исламской культуры, начиная с Кордовской мечети, Гранада, Севилья. В нашей стране восемь веков продолжалась мусульманская оккупация. У нас есть у всех немного мусульманской крови, иудейской крови, римской крови. У нас великолепный микс, отличного качества!

Ислам породил таких мыслителей, как Аверроэс, известных врачей, философов с посланием мира, но и фанатиков, конечно. Фанатиков джихада, фанатиков смерти. Таких же, как и среди христиан. И иудеи-фанатики тоже были.

Мы не должны ошибаться и смешивать патологию с фундаментальными принципами. Фундаментально то, что ислам — религия, заслуживающая абсолютного уважения, которую практикуют миллионы мирных людей. Мы знаем об этом. Я думаю, что это должно быть абсолютно ясно и четко выражено.

Что касается толерантности. Почему мне не нравится слово «толерантность»? Потому что когда я терплю, мне кажется, что я обладаю истиной, а кто-то там заблуждается. И я ему позволяю заблуждаться дальше.

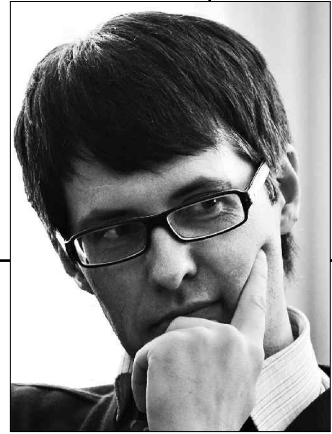
*Надо открыть глаза и увидеть,
какой мир разнообразный
и забыть об абсурдном, нелепом
фанатизме*

Бедняжечка, я не буду его бить, не буду его арестовывать, не буду его сжигать, не отрублю ему руку, буду его терпеть. Нет, я не мусульманин, но он имеет право на уважение его религии с моей стороны, чтобы я уважал его верования, а он должен уважать мои верования, даже если у меня нет никакой религии. Будь я атеист, агностик, кто угодно. Поэтому я не должен терпеть, я должен уважать его верования при условии, что он мирно будет их осуществлять, и не будет заставлять меня обратиться в ислам. Я должен это уважать, и он должен уважать мои верования. И для этого он должен признать, что у меня может быть часть истины, а я должен признавать, что у него может быть тоже часть истины, почему нет? Это и есть признание инаковости и различий, которое ведет к системе уважения. Я не свысока его терплю, а в равноправии его уважаю.

Я знаю, что есть проблема в этом вопросе. Прежний патриарх, я с ним вел долгие дискуссии. Это был замечательный, потрясающий человек. Я восхищался им и до сих пор восхищаюсь. И у меня всегда сложная была роль, я должен был говорить Патриарху всея Руси: «Послушайте, ваше святейшество, есть ряд священников-католиков, которые находятся в некомфортной ситуации в таком-то российском регионе, в таком-то городе. Им не позволяют построить храм или проповедовать свою веру». Я говорил, чтобы дали им визы, чтобы они могли вести свою работу и так далее. Он мне всегда отвечал: «Конечно, я ничего против не имею, чтобы священники-католики были в России и приезжали в Россию. Но я против того, чтобы они прозелитизмом занимались». Но ведь это противоречие! Какой священник своей религии не будет заниматься прозелитизмом? Это просто невозможно! Если вы философ, то вы будете рассказывать о своих идеях. Если вы священник какой-то религии, вы будете вести богослужение и постараетесь, чтобы люди обратились в вашу религию, это естественно. Он говорил: «Ну, понимаете. Социальные службы, которые они организуют, приюты для престарелых, это ведь вовлечение!» Но ведь это так, это надо принять, что кто-то другой пропагандирует свою религию. Ничего страшного! Пусть будут другие миноритарные религии. Должен признаться, что я эту битву не выиграл. Было нелегко, но я не выиграл битву, но кое в чем мы продвинулись в этом общем размышлении.

Сексуальные меньшинства, то же самое. Даже Ирландия недавно проголосовала за однополые браки! Ирландия — это же колыбель католической реакции. Но молодежь сказала, что нельзя преследовать людей и объявлять охоту за их гомосексуальность. Мир не рухнет из-за этого в тартарары. Если мы проведем анализ того, сколько поэтов, сколько музыкантов, сколько политиков, сколько врачей, сколько исследователей были гомосексуалистами в мире, мы просто остолбенеем. Если бы их всех убили, мы бы еще жили в эпоху кроманьонцев. Это просто невозможно! Надо же открыть глаза и увидеть, какой мир сейчас вокруг. Этот мир очень разнообразный, богатый, и забыть об абсурдном, нелепом фанатизме.

Гражданский универсализм в глобальном мире

Дмитрий Горин,
доктор философских наук

Мировая история часто рассматривается как история самобытных культур, каждая из которых стремилась осознать свою уникальность среди многих других. В некотором смысле это справедливо, однако не следует забывать, что развитие человечества двигалось силами, пронизывающими весь мир и преодолевающими границы между народами. Природа универсализма является предметом философских и научных споров более двух с половиной тысячелетий. Первый шаг философии, сделанный античными мыслителями, был спровоцирован именно проблемой соотношения общего и особенного: если мир столь многообразен, то как возможна универсальная основа его бытия и как мы можем мыслить о нем в общих категориях? С того времени фокус интереса к универсализму постепенно смещался от общефилософских и теологических вопросов к поиску его социально-антропологического, экономического и общественно-политического определения. А в последние десятилетия XX века наблюдался явный рост внимания к теме культурных универсалий*.

Драматичное начало третьего тысячелетия заставляет искать в проблематике универсализма вполне прагматичное значение: глобальные вызовы требуют глобальных ответов. Но имеют ли наши многообразные уникальные культуры универсальные основания, и как мы можем договариваться об общих ценностях и избе-

* Одним из примеров масштабного исследования универсальных оснований разнообразных культур является изданный более полувека назад трехтомник об универсальных основаниях восточных культур под редакцией Чарльза Мура: *The Chinese Mind. Essential of Chinese Philosophy and Culture* // Ed. by Charles A. Moore. Honolulu: University of Hawaii Press, 1967; *The Indian Mind. Essential of Indian Philosophy and Culture* // Ed. by Charles A. Moore. Honolulu: University of Hawaii Press, 1967; *The Japanese Mind. Essential of Japanese Philosophy and Culture* // Ed. by Charles A. Moore. Honolulu: University of Hawaii Press, 1967.

Ман Рэй. Нью-Йорк. 1917

гать войн в столь противоречивом мире? О роли гражданских усилий в возрождении духа универсализма речь шла на

Берлинском форуме «В поисках утраченного универсализма» и на площадке «Глобальные вызовы и гражданский диа-

лог» Общероссийского гражданского форума (осень 2015 года)*.

Очевидно, что дискуссия об универсализме будет продолжена. Поэтому в обсуждение этой темы имеет смысл включить общие представления о тех силах, которые в мировой истории поддерживали разнообразные основания универсализма. Речь идет, по меньшей мере, о семи волнах универсализма. Избранный для их описания хронологический порядок весьма условен, поскольку каждая из них поднималась вместе с другими на протяжении столетий и в той или иной мере продолжает свое воздействие сегодня. Разумеется, влияние универсализма на ход мировой истории имело не только положительные следствия. Но проблема сегодня определяется не противопоставлением универсального уникальному, а тем, какие именно основания универсализма могли бы сегодня способствовать гражданам разных стран в их поиске взаимопонимания, разрешения конфликтов и минимизации глобальных рисков.

Первая волна

Первая волна универсализма поднимается в период, названный Карлом Ясперсом «осевым временем». Это время между 800 и 200 гг. до н.э., когда разрозненные миры локальных культур впервые получили возможность преодолеть свои границы и увидеть в ином не только чужое и чуждое, но и таинственное другое — возвышающее и увлекающее к новым духовным горизонтам. В Китае это время Лао-цзы и Конфуция. В Индии возникли Упанишады и буддизм. В Персии проповедовал Заратустра. В Палестине пророчествовали Илия, Исая, Иеремия, Второисая. В Греции

новую традицию мышления создавали Гомер, Гераклит, Парменид, Платон, Фукидид и Архимед. Связанный с этими именами духовный переворот состоял в том, что человек впервые осознавал свою открытость огромному и незнакомому миру. Начиная с «осевого времени», определение «своего» требует обращения к «чужому», наделение смыслом видимого мира апеллирует к невидимому, а понимание присутствующего — невозможно без обращения к отсутствующему. По словам Иосифа Бродского, «...человеку всюду мнится та перспектива, в которой он пропадает из виду»**. Стремление человека преодолеть границы самого себя определяет теперь его сущность.

Возникшая в «осевое время» напряженность между конечностью земной жизни человека и открывшейся перед ним бездной бытия нашла свое разрешение в рождении высокой духовности, сокрушившей местные культы и выразившейся в мировых религиях. «В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности», — писал Карл Ясперс***. Универсалистский дух «осевых» религий интегрирует огромные сообщества, преодолевая раздробленность, изоляционизм и этнокультурную замкнутость. Поэтому «осевое время» провоцирует создание крупных цивилизационно-культурных систем, объединяющих многообразные малые традиции. На смену прежним общностям, основанным на естественных и предписанных по рождению связях, приходят новые группы, объединенные универсальными смыслами. «Нет уже Иудея,

* В обоих случаях основным текстом для обсуждения стал доклад Юрия Сенокосова «Культур много, цивилизация — одна» // <http://www.schoolsofpoliticalstudies.eu/files/Культур много, цивилизация — одна.pdf>

** Бродский И. Примечания папоротника / Бродский И. Избранное. М.: Третья волна, 1993. С. 286.

*** Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 33.

ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе», — говорит апостол Павел (Гал.3:28).

Универсальный дух мировых религий подвергается сегодня серьезным испытаниям. Ренессанс этничности и этнизация религиозной сферы подрывают «осевой» смысл религии с одной стороны, а религиозно-нравственный релятивизм довершает дело с другой. Если религия не объединяет людей, а разделяет их, то это говорит о кризисе веры.

Вторая волна

Еще одной силой, создававшей универсальные основания различных культур, было стремившееся к постоянному расширению пространство власти. Военные походы и завоевания, создание огромных империй и их борьба друг с другом способствовали укреплению универсальных оснований изолированных прежде культур. Одним из первых и наиболее ярких примеров являются походы Александра Македонского. Его империя просуществовала совсем недолго. Но стоит ли напоминать, что огромное пространство, объединенное Александром всего лишь на несколько лет, открывает тот самый универсализм, который на многие столетия станет примером символического стягивания и парадоксального сосуществования в обширном пространстве самых разных и, кажется, несовместимых культурных измерений — греко-римских, персидских, египетских, индийских, иудейских, христианских, исламских. Образ Александра/Искандара отделился от исторической конкретики и стал транскультурным и

трансисторическим. Он вошел в фольклор многих народов, мотивы рассказов о нем часто теряли главного героя и проявлялись в сказочных биографиях разных царей. А Зуль-Карнайн, о котором Мухаммед рассказывает в суре «Пещера», является примером метаантропологического переосмысления образа Александра в Коране*. Образ Зуль-Карнайна (Двурогого), отражает открытую «осевым временем» двойную природу человека, его «двурогость» — одновременную принадлежность двум мирам: человек проживает свою уникальную конкретно-историческую жизнь, но он всегда стремится к универсальному духу. Поэтому трансформация рассказов об Александре/Искандаре — пример не просто «гуляющих» сюжетов и образов. Это пример прочтения иного как своего, когда свое уже не может быть определено без того, что прежде считалось иным. Любопытно, что именно в Исламе образ Александра наиболее ясно интерпретируется в метаисторическом и метаантропологическом плане**. Спустя несколько столетий после походов Александра Македонского, в результате арабских завоеваний был объединен огромный поликультурный регион. Исламская элита арабского халифата вынуждена была приспосабливаться к разным культурным моделям — неарабским и неисламским по происхождению. Более того, она сумела сохранить и транслировать в завоеванные арабами земли существенные элементы античного, индийского, персидского, византийского наследия, которые в результате такой трансляции обретали универсальное значение.

В новое время мощное влияние империй вовлекало самобытные культуры Азии,

* Существуют разные интерпретации образа Зуль-Карнайна, в том числе и сопоставление его с образом из видения Даниила и отождествление его с Дарием или Киrom. Однако связь Зуль-Карнайна с рассказами об Александре Македонском представляется вполне обоснованной. См. напр.: Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М.: Наука, 1991. С. 147–149.

** Шукуров Ш.М. Александр Македонский: метаистория образа // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М.: Алетей, 1999. С. 33–61.

Африки и Латинской Америки в общее культурное пространство. Многочисленные приключенческие романы рассказывают о просветительской миссии колонизаторов. Однако имперская и колониальная политика связаны с угнетением покоренных народов, и миссия Просвещения рано или поздно вступала в жесткое противостояние с силами поддержания не-свободы и несправедливости. И важно понимать, что национально-освободительная борьба против колониальной политики Запада была основана на привнесенных с того же Запада идеалах гуманизма, а колониальные режимы были разрушены, именно когда колонии освоили язык прав и свобод человека. И теперь в самом центре Лондона можно увидеть памятники Махатме Ганди, освободившем Индию от колониальной зависимости, или Нельсону Манделе — символу борьбы с апартеидом.

Если раньше военные походы и создание огромных империй, при всех трагических следствиях завоевательной политики, способствовали расширению связей между культурами, то сегодня, когда мир изменился, остаточные имперские комплексы подрывают универсальный дух, порождая многочисленные конфликты, разрушая доверие и способность к диалогу даже между исторически и культурно близкими народами.

Третья волна

В последние несколько столетий одной из наиболее мощных сил универсализма становится научно-технический прогресс, проникающий во все сферы жизни

и меняющий их до неузнаваемости. Президент Всемирного экономического форума в Давосе швейцарский экономист Клаус Шваб заявил недавно о четвертой промышленной революции*, которая сотрет грани между материальными, цифровыми и биологическими сфе-

*Универсализм прав и свобод человека
не может утвердиться насильственно,
он не привносится автоматически
вместе с гуманитарной помощью
и благами современной
цивилизации*

рами и радикально ускорит перемены в самых разных областях — искусственный интеллект, робототехника, автономный транспорт, 3D-печать, нанотехнологии, квантовые компьютеры.

Разумеется, научно-технический прогресс не всегда ведет к позитивным изменениям, он способствует закату целых отраслей экономики, возникновению нового неравенства, ставит сложные морально-нравственные, ценностные и политические проблемы. Научные знания и технические изобретения возникают в разных культурах. Но именно в Европе, начиная с конца Средневековья, пробуждается универсальная сила науки и техники. Она рождается из натурфилософии, соединявшей жажду познания природы с высшими духовными смыслами и нравственными ориентирами. Когда научно-технический прогресс становится универсальным, его духовные истоки часто утрачивается. В разных странах и культурах люди с легкостью увлекаются теми инновациями, которые делают их жизнь комфортнее, не желая думать о своей ответ-

* Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution. What It Means and How to Respond* // <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution>

ственности за издержки техногенной цивилизации. Неслучайно романтически оптимистичное отношение к науке и технике, которое хорошо известно по книгам Жюль Верна, сменяется вполне оправданными опасениями и чувством беспомощности человека перед господством техники. Евгений Замятин, Олдос Хаксли и Джордж Оруэлл показали, что самые ужасные тоталитарные режимы могут быть основаны на развитой технике. Научно-технический прогресс, как свидетельствует опыт двух мировых войн, может быть равнодушен к моральным и политическим проблемам, если не прилагать специальных усилий в отстаивании свободы и достоинства человека.

Четвертая волна

В последние столетия одним из главных факторов универсализма становится капитал, превратившийся в мощную абстрактную силу, которая не знает границ и способна с огромной скоростью перемещаться из страны в страну и из отрасли в отрасль, оказывая существенное влияние на развитие или упадок целых стран. В конкуренции за инвестиции в разных регионах мира вырабатываются схожие универсальные принципы, а локальные культуры испытывают универсализирующее воздействие глобальных брендов и стереотипов потребительского общества.

Многие события мировой истории последних столетий сложно понять, не учитывая роль капитала, действующего в соответствии со своей внутренней логикой. Эта логика не всегда улавливается политической властью и общественными силами. Отсюда нарастающие противоречия между территориальными и экстерриториальными интересами. Если капитал все

более и более имеет глобальный характер, а производство в значительной степени сохраняет территориальную определенность, то это означает, что территориальные и экстерриториальные интересы переплетаются весьма сложным образом. Зигмунд Бауман называет последнюю четверть XX века периодом «войны за независимость от пространства», в результате которой происходило освобождение центров принятия решений от территориальных структур*.

Разумеется, капитал лучше чувствует себя в открытом и демократическом мире, о чем часто говорят представители финансовой элиты, хотя логика капитала далеко не всегда коррелируется с идеалами свободы и справедливости. И если капитал способствует решению значимых для общества проблем, ведет к общественному процветанию и укреплению демократии, то это результат общественных усилий и личной инициативы конкретных людей.

Пятая волна

Пятая волна представлена универсализирующей силой масс-медиа. Масс-медиа создают общие представления о качестве, красоте, комфорте, поддерживая универсальные образы массовой культуры. Делая мир открытым, объединяя граждан разных стран в социальные сети, новые медиа освобождают творческий потенциал человека от локальной замкнутости и диктата иерархических структур. Но развитие медиасферы создает также принципиально новые условия для пропаганды и контроля, проникающего в самые глубины повседневной жизни.

Универсализирующая роль масс-медиа возрастает по мере изменения языка культуры с письменного на аудиовизуальный.

* Бауман З. *Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 18.*

Аудиовизуальный язык позволяет снимать языковые барьеры и различия, но он открывает огромные возможности и для манипуляции. Впрочем, как справедливо заметил Жиль Делёз, альтернатива состоит не в различии между письменной и аудиовизуальной культурой, а «в выборе между творческими возможностями (как аудиовизуальной культуры, так и литературы) и подчинением власти»*. Эта традиционная для человека и общества дилемма обретает новый драматизм в условиях цифровой революции.

Шестая волна

Описанные выше пять волн универсализма способствовали созданию современных обществ, в которых развитие культуры и экономики вело к более справедливому и гуманному мироустройству. Однако универсализм связан не только с позитивными изменениями. Шестая волна аккумулирует разрушительные последствия универсализации. Если выбрать более точную метафору, то речь идет о глобальной тени, нависшей от предыдущих волн универсализма. Столкновение универсального и уникального не всегда завершилось продуктивным синтезом, иногда это столкновение вело к локальному разрушению систем регуляции, погружая целые регионы в криминальный хаос. Криминал использует локальную деградацию в самых разных уголках мира, связывая их нитями коррупции, терроризма, наркомафии. Сегодня языки глобальной преступности и международного терроризма — это тоже универсальные языки. Теневые стороны глобального общества отражают, искажают и используют в своих целях универсализм глобального мира. Вряд ли современные коррумпиро-

ванные режимы или террористические организации были бы столь же устойчивы, если бы они не интегрировались в мировую финансовую систему.

В результате растущих рисков баланс между свободой и безопасностью нарушается даже в странах, считающихся образцом демократии. Интеграция военной мощи и полицейских функций в ответ на расширение глобальной теневой зоны не может не вызывать беспокойства граждан в разных частях мира.

Седьмая волна

Ни одна из шести волн универсализма не гарантирует сегодня свободное и справедливое мироустройство. Открывая новые универсалистские перспективы, каждая из них оставляла человека перед драматичным и непростым выбором между свободой и зависимостью, личной активностью и следованием за авторитетами, стремлением к высшим идеалам и погружением в хаос, невежество и изоляционизм.

В этих условиях по-новому звучит тезис Юргена Хабермаса о том, что интеграция общества осуществляется тремя основными силами: бюрократическими, фискальными и коммуникативными**. Первые два интегратора (власть и деньги) Хабермас относил к инструментам системного насилия над жизненными мирами, в которых коммуникативное действие создает основания для диалога, взаимопонимания, самоорганизации и солидарности граждан. Если некое пространство оказывается в безраздельной власти бюрократических и фискальных инструментов, то это может обернуться существенными угрозами для жизненных миров и повседневных интересов людей. Радикальным

* Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990. Пер. с фр. СПб.: Наука, 2004. С. 171.

** Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: АCADEMIA, 1995. С. 94.

Виктор Вазарели. Человек. 1943

примером системного насилия является война, которая чаще всего начинается из-за властных и экономических противоречий, но разрушает, прежде всего, доверие между людьми и гражданский диалог. Поэтому принципиально важно задуматься о том, какими именно будут универсальные основания наших культур. Будут ли они определяться международной бюрократией, вооруженной силой, влиянием капитала, соблазнами потребительского общества. Или ключевыми станут гражданские усилия, вдохновляемые просветительскими идеалами свободной и достойной жизни. Седьмая волна — это волна гражданской активности в межкультурном диа-

логе и поддержании гражданского духа универсализма. Гражданский универсализм восходит к философам-просветителям, доказывавшим, что все люди принадлежат к одному человеческому роду и обладают равными правами на достойную жизнь. Но поднимается седьмая волна значительно раньше. Первые примеры духовного миссионерства и подвижничества редко удерживались внутри географических и политических границ. Еще в эпоху средневековья воспитание универсальной гражданственности было миссией таких центров интеллектуальной жизни, какими были первые европейские университеты. Там звучал общий для

разных уголков Европы язык — латинский.

Проявление гражданской активности в самых разных сферах современной жизни не может быть ограничено узколокальными рамками. Сегодня крупнейшие университеты успешно применяют образовательную мобильность, а одним из признаков профессионализма выпускников является их способность коммуницировать в разных культурных средах. Экологическое движение может достичь своих целей только в глобальном масштабе. Благотворительные проекты часто связывают разные страны и континенты. Развитие современного искусства невозможно в узких этнических или национальных рамках. Даже в годы, когда советское общество вынуждено было жить за железным занавесом, а Европа была разделена почти непреодолимой стеной, невозможно было сдерживать межкультурные контакты, общение исследователей, писателей и художников. Если где-то это взаимодействие запрещалось и преследовалось, то оно уходило в подполье. Западные тексты, не изданные в Советском Союзе по цензурным соображениям, перепечатывались и переписывались вручную, а русскую литературу XX века невозможно представить без литературы русского зарубежья.

Предложенный Хаканом Алтинаем концепт «глобальной гражданственности»* принципиально важен. Однако реальность, стоящая за этим понятием пока не вполне очевидна. Люди не всегда осознают влияние глобальных проблем на их локальную жизнь. Интересы граждан разных стран еще слабо соотносятся друг с другом. Но уже сегодня особое значение имеет создание глобальных институциональных оснований граж-

данского диалога. В современных условиях необходимо проделать работу, аналогичную той, которую несколько столетий назад вели основоположники теории и практики демократии. Насколько возможны верховенство права, разделение властей, система сдержек и противовесов в глобальной системе? Какие следует создать новые гарантии, защищающие свободу и справедливость в современном мире? Ответы на эти вопросы неочевидны, особенно, если иметь в виду, что универсализм прав и свобод человека не может утвердиться насильственно, он не привносится автоматически вместе с гуманитарной помощью и благами современной цивилизации.

Дискуссия об универсализме не ставит и не должна ставить под сомнение самобытность культур, их многообразие и неповторимую уникальность каждой из них. Более того, сохранение самобытных культур и поддержание культурного многообразия возможны только в условиях универсальных «правил игры», основанных на обновлении и укреплении международного права.

Размышляя о смысле и назначении истории, Карл Ясперс не видел достаточных оснований для единства и универсальности истории. И в этом он, скорее всего, был прав. Однако он был прав и в другом: единство истории и универсализм мышления — не данность, а то, к чему человечество стремится в процессе развития и преодоления. «Быть может, единство истории возникает из того, что люди способны понять друг друга в идее единого, в единой истине, в мире духа, в котором всё осмысленно соотносится друг с другом, всё сопричастно друг другу, каким бы чуждым оно ни было»**.

* Алтинай Х. *Глобальная гражданственность*. М.: МШПИ, 2014.

** Ясперс К. *Указ. изд.* С. 262.

*Фредрик Эрикссон,
директор Европейского
центра международной
политэкономии
(Брюссель)*

Траектории глобальной экономики

Куда движется мировая экономика, что нас ожидает через два года, десять лет, как нам следует, осознавая весьма несовершенные прогнозы, подходить к решению тех или иных экономических проблем в планетарном масштабе?

В этой связи я хотел бы предложить вниманию лаконичную картину состояния и перспектив мирового хозяйства, как их вижу.

Первое: мировая экономика развивается, но вряд ли вернется к докризисным темпам бурного роста до 2007–2008 годов, когда крупный дисбаланс в мировой финансовой и экономической системе стал оказывать негативное влияние на процессы в экономике. Не так давно международный валютный фонд издал анализ, из которого следует, что в 2015 году экономика вырастет на 3,5%, чуть больше в следующем году и остановится на уровне 3,5–3,8% в год на протяжении оставшейся части десятилетия. Это неплохие показатели в условиях дезинфляционного или дефляционного развития мира в последние годы. Существуют определенные возможности роста ВВП в общемировом масштабе, но вряд ли мы достигнем значений в 4,5–5,2%, как в докризисные годы. Хотя речь идет всего лишь о разнице в 1,5%, даже меньше, эта разница обладает кумулятивным эффектом и экстраполируется на колоссальный дисбаланс в темпах роста ВВП на душу населения в разных странах. Естественно, однако, что граждане стран даже с замедленными темпами роста ВВП, но и с явной тенденцией к падению роста населения могут рассчитывать на улучшение уровня жизни.

Второй очевидный фактор состоит в том, что во всем мире происходит безусловное усиление монетаристской политики. Центральные банки государств достаточно часто включают «печатный станок», и мне кажется, что такая политика во многом объясняется тем, что финан-

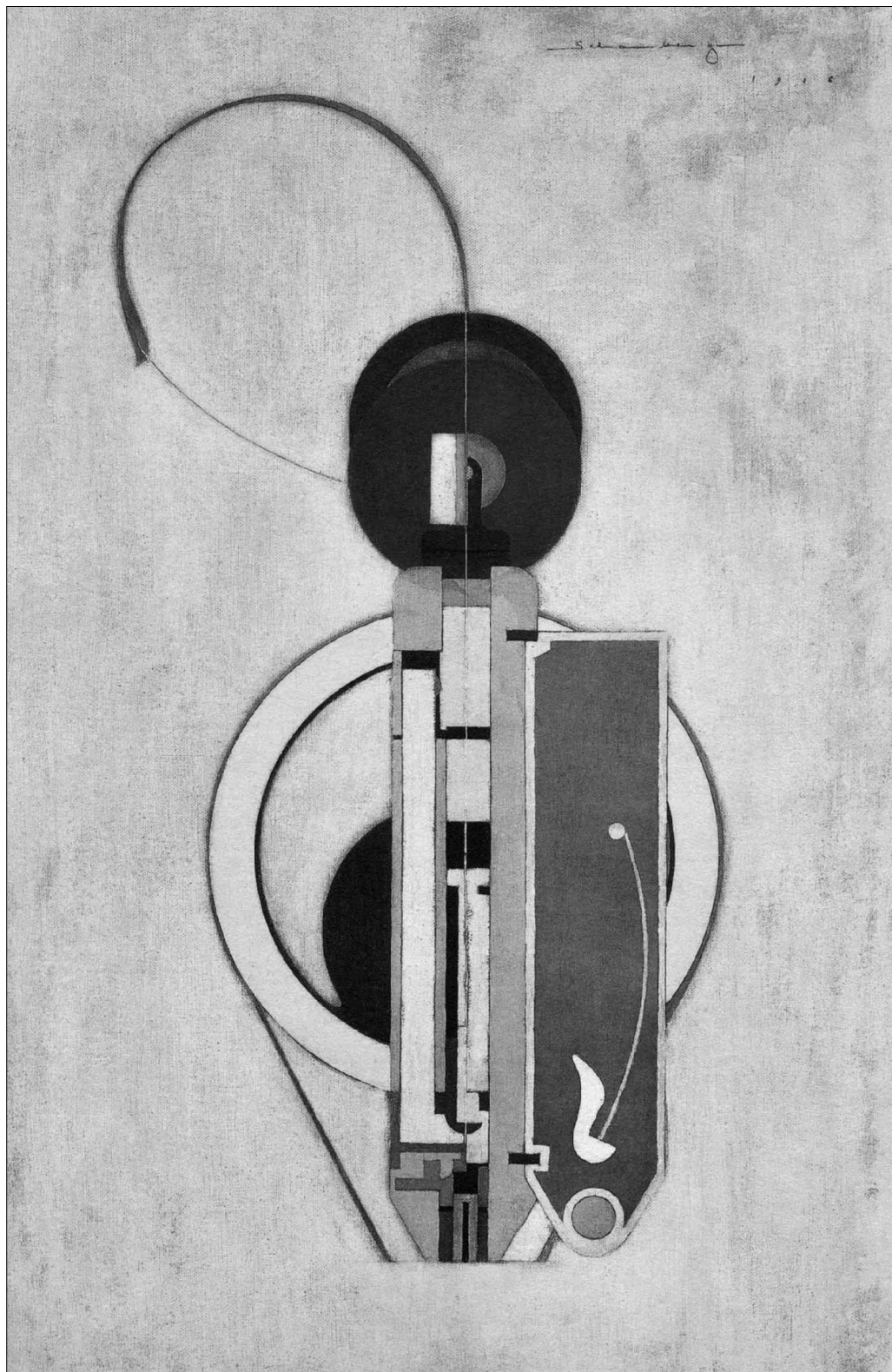
совый кризис 2007–2008 годов и его политические последствия привели к весьма хаотической ситуации на финансовых рынках. Мы перешли в фазу резкого роста роли денежных отношений и достигли состояния монетаристского дисбаланса в плане предложения капитала и его распределения в мире, что негативно отразилось на динамике мировой экономики. Совершенно очевидно, что центральные банки расширяли сферу своего влияния, но происходило это с разной скоростью, в разное время в разных государствах, что фактически вызвало рост трений в области кредитно-денежных отношений в разных регионах мира. Соединенные Штаты, Великобритания и несколько других стран стоят за снижение финансового бремени госрасходов, а европейские центральные банки проявляли большой консерватизм и сдержанность по разным причинам. Центральный банк Китая стремится к «осторожной» монетарной политике, основываясь на иных инструментах стимулирования экономики и экономического роста. Речь идет не столько о коррекции монетаристских подходов, сколько о структурных проблемах китайской экономики.

Различия в экономических политиках неизбежно ведут к трениям между участниками рынка, так как в разных регионах мира финансовые ресурсы расходуются в соответствии с различными задачами или стратегическими планами. В настоящее время, когда Европейский центральный банк наращивает свои активы, национальные банки стран ЕС вынуждены следовать в его фарватере, чтобы не нарушать баланс финансовых потоков еврозоны. Надеюсь, что «валютные войны» нам пока не грозят, но это не значит, что у нас нет точек трения между валютами. Например, у Швеции и Дании, двух государств с относительно небольшими экономиками рядом с гигантской еврозоной, нет возможности проводить собственную монетаристскую политику, и они вынуждены следовать в фарватере еврозоны, хотя к ней не принадлежат.

Третья особенность. Нельзя считать, что мы подошли к концу долгового кризиса. Мы, по-прежнему, находимся в эпицентре долгового суперцикла. Задолженность в целом в мире продолжает расти по отношению к ВВП, безусловно, с региональными вариациями. К примеру, страны Еврозоны, Япония, Китай далеки от выходы из долгового состояния. В Китае в последние годы совокупная задолженность росла экспоненциально. Проблемы, связанные с долговым суперциклом, ухудшают бюджетные балансы США, Японии, еврозоны, испытывающих существенный бюджетный дефицит. В ряде стран долги стали неприемлемыми для экономики. Долговой суперцикл продолжается и будет оставаться весьма негативным фактором мировой экономики.

Следующий фактор. Глобализация торговли в целом завершилась: рост торговли сегодня во всем мире гораздо ниже, чем рост производства товаров. В период с 1990 по 2014 год мировая торговля росла примерно на 6,5–7% в год — в два раза быстрее, чем мировой ВВП.

Пару недель назад были опубликованы данные, согласно которым в 2014 году рост торговли достиг всего 2,5%. Это означает, что расширение мировой торговли как непосредственный и постоянный фактор развития пере-

Мортон Шамберг. Картина VIII (Механическая абстракция). 1916

стал быть столь значимым, по сравнению с периодом 1990–2014 годов. Мы явно не находимся на пороге нового торгового суперцикла, когда торговля стала бы значимым фактором роста мировой экономики.

Однако спад глобальной торговли сегодня отчасти компенсируется региональными отношениями партнеров с близкими интересами. Например, даже на пике роста глобальной торговли у Швеции наибольший торговый оборот был с Норвегией, что объясняется географической близостью и наличием протяженной общей границы, близостью культурно-исторического контекста. Но регионализация торговых обменов не отменяет глобализации разветвленных цепей поставок, сформировавшихся за последние двадцать лет, существования многонациональных корпораций и фрагментации производства и создания добавочной стоимости. Мобильный телефон, например, состоит из компонентов, которые происходят из сорока — пятидесяти стран мира. iPhone, на упаковке которого написано «Сделано в Китае», включает лишь 2% прибавочной стоимости, произведенной в Китае! Настолько высока степень фрагментации процесса создания продуктов. Похожая ситуация характерна для растущих экономик Азии: чем богаче становится экономика, тем больше страна заинтересована в торговле с географически близкими странами. Это продиктовано общностью цепей поставок и общими технологическими процессами.

Отмечу попутно, что несмотря на экономический рост и рост доходов населения в Китае, наблюдается определенное снижение экспорта товаров из Европы в Китай. Происходит это в первую очередь потому, что потребителям в этой стране требуются другого типа товары, а торговля становится, более региональной или, если угодно, провинциальной. Экономический рост Китая за последние 25–30 лет был одним из крупнейших факторов глобализации; это миллиард с лишним людей, вступивших на арену мировой экономики благодаря масштабной экспансии Китая на трудовом рынке, в плане создания продуктов с высокой степенью переработки, с точки зрения общего экономического развития.

Однако в мире нет, и не будет ни одной другой страны, которая, обладая ресурсами и населением больше миллиарда, могла бы уподобиться в экономическом плане Китаю.

Бесспорен потенциал Индии, которая недавно вышла на 3-е место в мире по объему ВВП и по темпам роста опережает Китай. Однако я не стал бы переоценивать роль Индии как драйвера мировой экономики и торговли. Рост индийского ВВП на 6–7% в год эквивалентен 1,5% роста ВВП Китая. Надо учитывать также, что в Индии относительно слаба промышленная база (2/3 ВВП обеспечивает сектор услуг в области информационных технологий, финансов, ритейла), страна испытывает дефицит многих важных природных ресурсов, высока доля населения, занятого в сельском хозяйстве, низкий уровень платежеспособного спроса и ряд других проблем догоняющего развития.

Следующий тренд развития мировой экономики связан с инновационными технологиями, роботами и суперкомпьютерами, искусственным интел-

лектом и т. д., хотя эта модель вызывает беспокойство тем, что произойдет вытеснение с рынка труда, как в эпоху автоматизации 60-х–70-х годов XX века, миллионов работников. Причем теперь процесс высвобождения людей из экономики может затронуть миллионы «белых воротничков» — служащих, которые занимаются канцелярским и конторским трудом. Не исключено, что нас ожидает достижение момента так называемой технологической сингулярности, когда компьютеры станут эффективнее, чем некий коллективный разум той или иной корпорации или компании с точки зрения решения конкретных задач. Если предположить, что человек окажется менее эффективным, чем умный компьютер, очевидно, что первый вынужден будет уступить свои полномочия. Мы не то, чтобы уже вошли в новую эру, но, безусловно, наблюдаем признаки суперцикла инноваций.

Рост инноваций в мировой экономике действительно необходим. Он требуется и для повышения производительности труда, и для роста заработной платы, и для повышения занятости во всем мире. Однако если оценить состояние реальной экономики, деятельности корпораций, трудно заметить, что они вообще озабочены быстрым внедрением инноваций и их широким распространением.

С экономической точки зрения само по себе создание учеными в лабораториях инноваций это еще не процесс движения к технологической сингулярности, к прорыву. И это не создание каких-то коммерческих гаджетов для индивидуального пользования. Инновационный процесс в экономике зависит от скорости распространения открытий, от степени их воздействия на изменение поведения людей, корпораций, правительств. Для этого нужны компании, которые будут инвестировать в научно-исследовательские и конструкторские работы (НИОКР).

Однако в сегодняшнем мире лучше себя чувствует, отгородившийся от инноваций консервативный корпоративный мир, который озабочен лишь зарабатыванием прибыли, который снижает инвестиции в бизнес, уменьшает выплаты акционерам, инвестирует все меньше и меньше в НИОКР по сравнению с предыдущими периодами. Поэтому процесс НИОКР в типичной мультинациональной корпорации сегодня состоит не в том, чтобы добиться разработок новых продуктов, которые изменят мир. Она охотнее инвестирует в продвижение технологий и товаров уже существующих. Ситуация с научными разработками значительно различается в разных странах, но нам еще долго не добиться серьезного инновационного прорыва в мире в целом.

Следующая тема — возрастание роли корпоративного менеджмента в управлении экономическими и финансовыми процессами. Все большее и большее участие в наше время в руководстве капиталистической системой принимают разные суверенные фонды (пенсионные, различные страховые и иные финансовые структуры), у которых вообще нет никакого опыта работы с компаниями, а у их персонала — опыта управления. Суверенные фонды растут по экспоненте за последние 10–20 лет. Эти финансовые институты в Норвегии, в Абу-Даби, в Саудовской

Аравии, в Китае, в других странах могут стать «хозяевами вселенной», будут сообщать финансовые импульсы капиталистической системе, которая занята только тем, что направляет деньги в те области, где высока прибыльность. При этом институциональные инвестиции, в том числе средства пенсионных фондов, направляются отнюдь не на поддержку капиталистических инноваций, капиталистического предпринимательского духа, а в надежные, безопасные и малоодоходные активы.

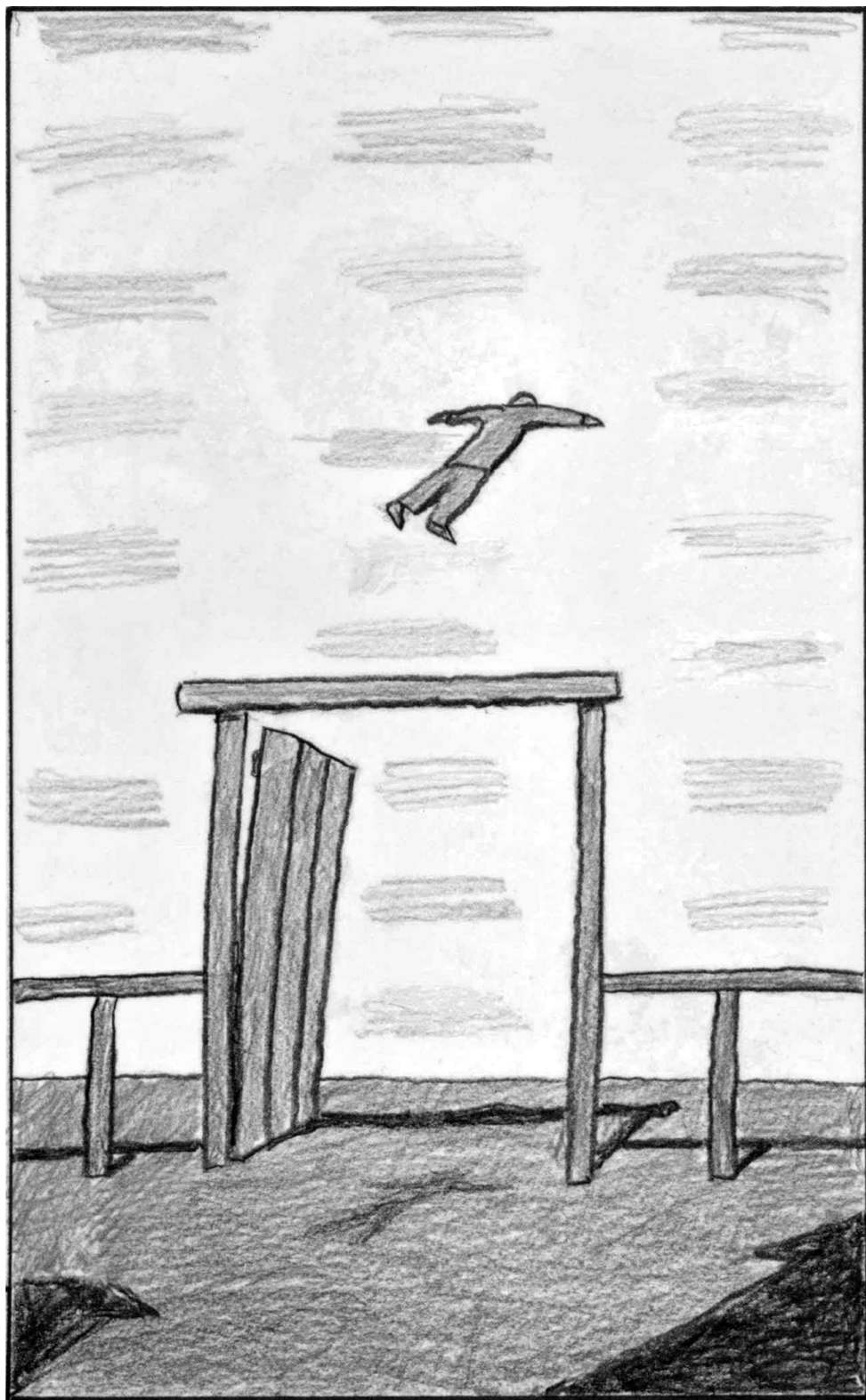
Самый большой суверенный фонд — это глобальный пенсионный фонд Норвегии, который владеет 2% всего акционерного капитала в мире. Фонд работает, исходя из представления, что 4% — достаточный доход на инвестиции, которые он делает,

но это очевидно слабая прибыльность, если учитывать, как растут рынки капитала или рынки ценных бумаг в долгосрочной перспективе. Даже осторожная оценка показывает, что 7% — это минимальный доход, который возможен. Суверенные фонды действительно вкладывают деньги, они стали крупными инвесторами в некоторые компании, они могут действительно заметно влиять на экономическую ситуацию в мире.

Однако акционерам этих компаний выгоден надежный безопасный доход, им не нужны никакие риски. Поэтому они сдерживают инновационные вложения, которые не обещают гарантированного дохода. Эта относительно новая тенденция в инновационном капитализме и социальном корпоративизме нарастает высокими темпами и оказывает все большее консервативное воздействие на глобальную экономику.

Следующая реальность — рост так называемой серой экономики. Под серой экономикой я имею в виду не ту экономику, где не платят налоги, а совсем другое. По-английски слово «grey» означает и «серый» и «седой». Здесь речь о значении «седой». В силу демографических, социально-экономических процессов во всем мире продолжительность жизни растет, особенно в развитых странах. Все большую часть пожилого населения, оставившего работу, должна содержать меньшая часть, работающая. Эта так называемая демографическая (пенсионная) нагрузка, безусловно, влияет на международную экономику. Когда человек выходит на пенсию, он начинает тратить деньги из своих пенсионных накоплений, что оказывает огромное влияние на соотношение спроса и предложения. Это коренным образом меняет, например, такую страну, как Германия, где демографическая нагрузка растет особенно быстро. Огромное количество уходящих на пенсию людей «съест» торговый профицит Германии. Эти люди прекратят откладывать деньги и начнут их тратить, чтобы удовлетворять свои жизненные потребности.

*Само по себе создание учеными
в лабораториях инноваций
это еще не процесс движения
к технологической сингулярности,
к прорыву*

Илья и Эмилия Кабаковы. Утром. 2012

В целом в мире сбережения будут уменьшаться, произойдут изменения в пропорциях траты денег на потребление и инвестиции. И это характерно для многих западных стран, для России, Китая, хотя здесь и нет специальной пенсионной государственной системы.

Следующая проблема касается финансовой системы ЕС. Речь не только о Греции, но и о других странах еврозоны. Некоторые из них имеют такие дисбалансы в своих экономиках, что очень трудно представить, каким образом они могут остаться в зоне евро, не испытывая огромных внутри- и внешне политических проблем. Эти проблемы, напряженности, безусловно, будут происходить из-за постоянного неравенства, падающих зарплат, состояния депрессии и невозможности улучшить экономическую ситуацию. Речь о 5–6 странах, испытывающих наибольшие проблемы, что ставит под вопрос их членство в зоне евро. Дезинтеграция еврозоны в свою очередь не может не отразиться на функционировании системы финансов.

Консолидация зоны евро, присоединение к ней новых стран совершенно очевидно должны происходить на основе гораздо экономически более здоровой и осмысленной политики. Речь о необходимости ликвидации дисбалансов, возникающих в зонах сопряжения финансовых систем весьма разных стран, входящих в еврозону. Необходимо находить адекватные инструменты управления волатильностью на финансовых рынках, определить разумные пределы автономности национальных фискальных властей, центральных банков, чтобы они были в состоянии оперативно реагировать на различные ситуации, не теряя времени на процедурные ритуалы согласования своих действий с гигантской бюрократической машиной.

Отдельная тема — экономика Китая. Страна не двигается к финансовому падению, но испытывает заметное замедление роста, связанное с долговыми проблемами. В течение 15 лет среднегодовой показатель роста ВВП Китая был 10%, сейчас — порядка 7% в год. В ближайшие 2–3 года он упадет до 3–4%. И это будет при оптимистическом сценарии. Пессимистический сценарий сводится к тому, что китайцы не смогут справиться с таким замедлением, вызванным структурными, а не циклическими причинами. Они постараются выбраться из этих структурных сложностей экономики за счет наращивания внутреннего кредитования, которое уже создало совокупный долг, превышающий внешний долг США почти в 1,5 раза.

Китайский экономический рост к началу кризиса был результатом огромного объема внутреннего заимствования для инвестирования и поддержки бюджетов местных правительств, корпораций и пр. В результате отношение совокупного долга к ВВП в Китае вскоре может достигнуть 300%. На мой взгляд, это не так много, но надо учитывать, что Китай все-таки относится еще к категории стран с развивающейся экономикой, где слабы институты, которые могут не справиться с таким большим финансовым бременем. Еще 10 лет назад требовалась 1,5 юаня кредитных средств, чтобы создать прирост ВВП на 1 юань.

Сейчас для этого нужно уже 2 юаня. Сможет ли Китай увеличить отдачу от займов? Если нет, то крупный финансовый кризис в стране весьма вероятен.

Оптимистический сценарий состоит в том, чтобы приостановить рост заимствований, попытаться оздоровить финансовую систему, сделать ее более прозрачной и двигаться к финансовой открытости, что приведет к тому, что финансовая система будет более эффективной, более устойчивой. Но этот процесс может замедлить рост экономики до 2–3% в год, что окажет огромное влияние на экономику мира.

Интересно найти ответы на вопросы, связанные с наметившимися новыми трендами в развитии китайской политико-экономической модели, с одной стороны, и сближением Китая и России, в том числе в экономическом плане, — с другой. Тут надо учитывать, что российскую экономику обременяют огромные структурные проблемы, но правительство, на мой взгляд, не слишком задумывается о глубоких переменах. В течение следующих 10–15 лет мы, наверное, будем наблюдать снижение цен на ряд исторических российских экспортных статей. Очевидно, чтобы адаптироваться к изменившимся условиям, России придется быть гораздо более конкурентоспособной,кратно увеличивать капиталовложения в переработку и высокотехнологичные отрасли. Санкции, финансовые ограничения со стороны Запада, безусловно, создают определенные проблемы. Если санкции будут продлеваться, конечно, это будет иметь весьма негативные последствия для российской экономики. Остается только наблюдать за наметившимся разворотом России на Восток. Сегодня товарооборот между Россией и Китаем, другими странами региона не столь велик, чтобы можно было говорить о какой-то совершенно реальной парадигме другого типа отношений, нежели построенных в основном на экспорте российских углеводородов. В основном речь пока идет о газовом проекте «Сила Сибири», который лет через 10, если все состоится, позволит перекачивать объем газа в 20% от его экспорта в Европу. У меня есть определенные сомнения в отношении того, какие доходы это может принести российской экономике. В сущности, никому не известно содержание соглашения между Россией и Китаем. Очевидно, что китайцы получили достаточно выгодные экономические условия.

Россия и Китай — государства с очень протяженной общей границей. Нет никаких сомнений, что есть место для крупных совместных, будем надеяться, взаимовыгодных проектов. Пока, правда не заметно какого-то феноменального развития отношений между Россией и Китаем, но, будем надеяться, что это еще впереди.

И последнее. Существует проблема противоречий интересов ведущих держав мира и влияния этого фактора на коллективное управление институтами и на нормы и правила, которые были созданы за последние 60–70 лет. У нас нет никакого представления о том, как действовать в ситуации нарастающей напряженности в мировой экономике, в частности, как адаптироваться к стремительным изменениям в положении в

мире ведущих экономических держав. Как реагировать на симптомы снижения веса США и европейского региона? Мы совершенно не представляем, что нужно предпринять в такой ситуации; какие требования предъявлять к политическому руководству, которое было бы способно противостоять кризису. Мы, например, вообще не представляем, куда ведет страну и к чему стремится руководство Китая? К ликвидации, существующей в мире системы и созданию своей собственной? Чего добивается Россия в контексте обеспечения безопасности в мире и в отношении своего участия в глобальной экономической системе? Чего хотят Соединенные Штаты Америки? Могут ли они справиться с падающей ролью в глобальной экономике?

У нас нет представления о том, как действовать в ситуации нарастающей напряженности в мировой экономике, как адаптироваться к стремительным изменениям в положении в мире ведущих экономических держав

Сейчас, похоже, в завершающую стадию вступают

переговоры о трансатлантическом сотрудничестве, в котором США рассчитывают на лидирующее положение. Долгосрочное экономическое взаимодействие обещает рост ВВП в США и в Западной Европе на 0,4–0,5%. Мне кажется, что прирост ВВП может быть чуть выше полупроцента, но не больше 0,7%.

Трансатлантическое партнерство несет в себе здоровое зерно с точки зрения решения некоторых проблем в мировой торговле на фоне сегодняшнего состояния Всемирной торговой организации, которая обнаруживает неэффективность в преодолении трений и противоречий.

Не думаю, что партнерство окажет негативное воздействие на экономики стран-участниц, хотя не думаю, что изменят, как я уже сказал, и вектор развития мировой экономики.

Другой вектор мировой экономики, также создаваемый при активном участии США — транстихоокеанский — охватывает регион, куда перемещается полюс мировой торговли. Жертвами либерализации и особых условий экономических отношений в зоне партнерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе могут в известной степени оказаться Европейский союз и в не меньшей степени Россия.

Сегодня мы наблюдаем явные проблемы глобальных институтов, которые были созданы для управления кризисами, для разрешения глобальных экономических задач, если возникают критические точки напряжения. На мой взгляд, мы должны быть более бдительными в будущем, чтобы реализовывать коллективные действия для решения проблем по мере их возникновения. Пока, увы, такая способность как раз уменьшается.

*Михаэль Мертес,
публицист, общественный
деятель, советник федераль-
ного канцлера ФРГ Г. Коля
(1987–1998)*

Насколько универсальны гражданские ценности Европы?

К Я хотел бы начать разговор о ценностях с одной небольшой истории, которая глубоко тронула мое сердце. В июле 2014 года, в самый разгар военных действий в секторе Газа, у меня, за пару дней до отъезда из Израиля, состоялся разговор с одним палестинским знакомым, верующим мусульманином. Говорили мы о непримиримой ненависти и презрении, переполнявших участников обеих сторон арабо-израильского конфликта. И тогда он рассказал, как около 20 лет назад — ему было 18 — он, однажды приехав к бабушке, застал ее в слезах. На вопрос, что случилось, она ответила: «По радио только что передали, что убиты два израильских солдата». Он удивился: «Но бабушка, это же не наши!», и в ответ услышал: «Но ведь у них тоже есть мамы». Мой собеседник признался, эти простые слова полностью перевернули его сознание.

Я рассказал эту историю, потому что не знаю, что такое «гражданские ценности Европы» и, честно сказать, меня это мало интересует. Меня в большей мере интересует то общее, что присуще всем людям, независимо от их этнической и религиозной принадлежности, от культуры, в которой они выросли; то, что большинство людей рассматривает как основу совместного цивилизованного существования.

Мой палестинский знакомый пришел к познанию, суть которого обобщена в так называемом Золотом правиле всех основных мировых религий и философий: не делай ближнему своему то, чего себе не желаешь. К иудейской и христианской этике восходит заповедь из Нового Завета: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Этого убеждения держались и поздние стоики. Так, Сенека писал, что есть такое, чего нельзя причинять другому человеку, «потому что он той же природы, что и ты»*.

* См.: Sibylle Tönnies. *Der westliche Universalismus. Eine Verteidigung klassischer Positionen*, 2. Aufl. — Opladen 1997. — S. 65.

Способность к эмпатии, дар мысленно поставить себя на место другого человека и почувствовать его горе, боль, страх, равно как его радость и его надежды является универсальным и основным человеческим качеством. Оно универсально, потому что не является особенностью немцев, французов, китайцев или американцев. И основное, потому что без него невозможны цивилизованные отношения. «Цивилизованными» я называю отношения, в которых конфликты в сообществах регулируются (или, по крайней мере, их можно урегулировать) без применения насилия.

В большинстве современных государств мы наблюдаем более или менее цивилизованные отношения. Но бывает, что варварство вторгается в нашу жизнь, например

— в Германии, когда неонацистские террористы в череде покушений убивают мигрантов из Турции;

— во Франции, когда исламистские фанатики учиняют бойню;

— в Соединенных Штатах, когда безумцы устраивают беспорядочную стрельбу в школах или университетах.

Государство функционирует, если оно способно создавать достаточно надежную защиту граждан от варварства. Для этого ему требуется монополия легитимного применения насилия. В эффективном государстве граждане верят в завтрашний день; создают тесное взаимодействие друг с другом; могут строить долгосрочные планы. Все это создает фундамент для растущего благосостояния.

Но случается, что государства сваливаются в варварство. Это происходит, когда властные структуры используют государственную монополию на легитимное насилие не для создания и поддержания в обществе цивилизованных отношений, а для других целей, прежде всего для укрепления собственной власти или власти мафиозных структур, кла-

нов, этнических группировок, религиозных объединений. Такие государства — не государства граждан, а аппараты насилия в руках определенных групп, для которых нет вопроса о легитимности применения насилия. Для них легитимно любое насилие, совершаемое в интересах определенной группы. Они, говоря словами блаженного Августина, ничто иное как «банда разбойников».

Поскольку над государствами нет силы, обладающей глобальной монополией на легитимное применение насилия, добиться цивилизованных отношений на международном уровне намного сложнее, чем на национальном. ООН не имеет такой монополии. Даже напротив, одна из основных ее задач состоит в том, чтобы оберегать суверенитет государств, или, иначе говоря, множество национальных монополий на насилие.

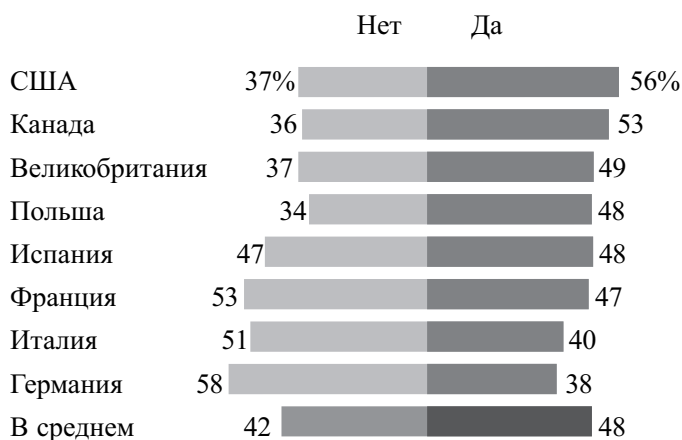
По этой причине у ООН нет полиции и армии для предотвращения варварства, хотя и есть инструменты для достижения международного консенсуса о легитимности применения насилия в особых случаях в целях предотвращения или ликвидации угрозы миру и международной безопасности путем совместных принудительных действий в соответствии с Уставом ООН (миротворческий вооруженный контингент стран-членов организации). Само по себе это очень ценно, но в борьбе против варварства эти инструменты часто бывают бесполезны, так как вето со стороны отдельных государств блокирует возможность международного консенсуса.

В этом месте я хотел бы подробнее разъяснить, почему мне представляется некорректным суждение об «универсальных гражданских ценностях Европы?».

Первая причина утилитарная: понятие «ценность», на мой взгляд, не слишком подходит для рационального обсуждения, поскольку оно чересчур субъективно. Это понятие, на мой взгляд, пришло из эконо-

Страны НАТО сомневаются в эффективности применения силы против России

Если Россия вступит в серьезный военный конфликт с одной из граничащих с ней стран-членов НАТО, согласны ли вы, чтобы ваша страна применила в отношении России военную силу? (весна 2015 г. в % от числа опрошенных)

Источник: *Spring 2015 Global Attitudes survey. Q52*
PEW RESEARCH CENTER

мики, где его используют для выявления предпочтений. В таком понимании в последние годы наблюдается самая настоящая инфляция «ценностей». Мы говорим о «западных ценностях», «конфуцианских ценностях», «российских ценностях», «европейских ценностях», «христианских ценностях», «исламских ценностях» и т. д. Эти расхожие формулировки отвлекают нас от собственно интеллектуальной проблематизации, а именно исследования вопроса, что нам нужно сделать, чтобы создать и поддерживать цивилизованные отношения в наших странах и между нашими странами. Отвечая на этот вопрос, нужно говорить не о ценностях, а о соответствующих нормах и институтах.

Во-вторых, мне сложно говорить о «европейских ценностях» в том смысле, будто всем уже понятно, что под этим подразумевается. На самом абстрактном уровне примером может быть Европейская конвенция по правам человека. Но этот документ кодифицирует не ценности, а

нормы. Помимо прочего, эти нормы не являются специфически европейскими, они упоминаются (естественно, в другой формулировке) во Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 году, и в международных пактах о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах.

Сравнение ценностных установок в отдельных европейских странах показывает, что значительная часть национальных «ценностей» обусловлена специфическим историческим опытом. Различия могут зависеть от того, имела ли страна в прошлом колонию; какую позицию занимала во время Второй мировой войны; находилась ли в XX веке под властью тоталитарного режима и других факторов. Это проявляется, например, во время военных вмешательств, которые нельзя однозначно оправдать как операции по защите страны или коалиции. Германия в данном вопросе традиционно занимает

более сдержанную позицию, чем, например, Франция или Великобритания. Основная причина этой сдержанности связана не со стратегическими задачами, а с тем, что в Германии очень сильное пацифистское движение, которое легко можно объяснить как коллективное отречение от военной агрессии в недавнем прошлом*.

В качестве другого примера того, как прошлое влияет на менталитет, назову болезненную чувствительность стран Центральной и Восточной Европы, когда речь идет о переносе части суверенитета на уровень Европейского союза. Прошло всего 25 лет с тех пор, как эти страны обрели независимость, и потому там легко возникают опасения, что их независимость снова ущемляется, но теперь уже со стороны Брюсселя.

Четвертый аспект может заманить в ловушку, если речь идет об особых — в данном случае, «европейских ценностях», которые претендуют на универсальность. А отсюда недалеко и до обвинений в «ценностном империализме».

Противоположный полюс ценностного империализма — ценностный цинизм: «У меня свои ценности, у тебя — свои, я тебя не трогаю, а ты меня». Я отвергаю обе эти крайности (ценностный империализм и ценностный цинизм),

так как они уводят от основного вопроса: Что нужно сделать, чтобы добиться цивилизованных отношений как на национальном, так и на международном уровнях?

При этом я подразумеваю, что желание иметь цивилизованные отношения поддерживается большинством людей и потому имеет универсальный характер. Существуют различные пути реализации этого желания и, следовательно, целый спектр различных норм и институтов, которые можно считать действенными, не опасаясь при этом впасть в ценностный цинизм.

Злоупотребление ценностной риторикой вызывает сомнения еще и потому, что ценность — это не какая-то застывшая величина, а нечто, постоянно подвергающееся изменениям. Следовательно, любую реальность нужно соотносить с определенным промежутком времени, чтобы утверждать, например, что «это точно европейская ценность». Но это практически невозможно.

Приведу пример: в Германии 50 лет назад гомосексуальные отношения между взрослыми мужчинами подвергались уголовному преследованию, а насильственное принуждение к сексуальным отношениям в браке преступлением не считалось. Сегодня все с точ-

* См.: *Pew Research Center: Legacy of WWII Still Evident in German and Japanese Public Opinion and Relevant Today in Dealing with Russia and China*, 4. August 2015

(<http://www.pewglobal.org/2015/08/04/the-legacy-of-world-war-two-still-evident-in-german-and-japanese-public-opinion-and-relevant-today-in-dealing-with-russia-and-china/>).

Речь идет также о соотношении моральной и реальной политики, см. *Jan Techau (Carnegie Europe): The Moral Pitfalls of Foreign Policy Weakness*, 1. Dezember 2015

(http://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=62131&mkt_tok=3RkMMJWWfF9wsRonvKXNZKXonjHpfSx66O4uX6ag38431UFwdcjKpmjr1YIGRcR0aPyQAgobGp5I5FEIQ7XYTLB2160MWA%3D%3D):

«Реальная проблема не в европейском моральном банкротстве. Реальная проблема заключается в политической, экономической и военной слабости, из-за чего возникает необходимость идти на компромиссы, которые становятся намного серьезнее и происходят намного чаще, чем следовало. Эта слабость заставляет лидеров вести политику и заключать альянсы, моральная оценка которых очень сомнительна. Это слабость, которая делает ценности несущественными. Европейская реальная политика может служить предостережением от того, что произойдет, если государства будут систематически подрывать свои основы, пытаются обойтись без экономических реформ, разоружения в одностороннем порядке, реорганизации институтов. Лидер, полагающий, что морали не нужны мускулы, потерял уже и то, и другое».

ностью до наоборот. Утвердилась точка зрения, что задача Уголовного права — не поддерживать чьи-либо представления о нравственности, а защищать права индивидов. Действия, совершаемые по обоюдному согласию совершеннолетних людей, эти права не нарушают. Но в семье, где супруг, например, совершает насилие над женой, нарушаются ее права.

Итак, «переосмысление ценностей» происходит постоянно, некоторые убеждения на протяжении жизни одного-двух поколений могут существенно меняться. Патриархальные ценности многих умеренных мусульман воспринимаются сегодня большинством западных европейцев как чужеродные и даже неприемлемые; хотя еще 50 лет назад схожие семейные ценности в христианской Западной Европе могли иметь самое широкое распространение.

Вопрос, в чем собственно заключаются так называемые европейские ценности, до сих пор не имеет европейского консенсуса в некоторых важных сферах. В качестве примера возьмем две актуальные проблемы: европейский экономический кризис и ситуацию с притоком беженцев в Европу.

Кризисные явления в экономике Европы отчетливо продемонстрировали, насколько различны у европейцев представления о правильном балансе между обществом и государством в сфере регулирования экономических процессов. Это не только технический вопрос, так как речь идет, прежде всего, о понимании объема индивидуальной свободы и границах государственной интервенции. Одни полагают, что общество и экономика в состоянии преодолеть кризисные проблемы за счет собственных ресурсов; другие же считают, что в таких случаях необходимо вмешательство государства.

Серьезнейшая проблема, вызванная нерегулируемым иммиграционным про-

цессом, вызвала настоящий кризис и раскол в Европейском союзе, разделив его на страны, где готовность принять беженцев довольно высока, и страны, желающие полностью закрыться. Дебаты по этому поводу затрагивают и более фундаментальные вопросы. В первую очередь, о том, где границы наших гуманитарных обязательств и насколько нам важно и важно ли вообще иметь высокий уровень этнической и культурной однородности в нашем государстве, насколько далеко мы можем пойти в предоставлении пришельцам условий для жизни, и массу других проблем.

Следующая сфера общественной жизни: хотя в целом европейцы единодушны в том, что нельзя смешивать религию и политику, в действительности мы имеем самые разные, подчас противоположные модели отношений между государством и церковью:

— на одном полюсе находятся Греция и Англия, страны, где церковь не отделена от государства (Православная Церковь Греции и Англиканская церковь в Великобритании);

— другой полюс представляет радикальный секуляризм Франции.

Между этими крайностями существует множество моделей промежуточного типа, с различными нюансами отношений между государством и церковью, мечетью или синагогой: в странах с православным большинством степень близости относительно велика, а в конфессионально неоднородных странах, например, в Германии, практикуется модель религиозно-дружеского нейтралитета, то есть всем формам религиозных объединений в одинаковой степени доступны определенные привилегии, например, взимание с граждан специальных церковных налогов.

К слову сказать, степень религиозности в странах Европейского союза существенно различается: на Мальте в Бога

верят 95% населения, в Эстонии 16%, в Польше 80%, во Франции 34%. Германия с 47% расположилась посередине*.

В рассуждениях об универсальных ценностях я совсем не собираюсь оспаривать тот факт, что именно в Европе получили развитие идеи и модели, которые до сих пор обладают всеобщей цивилизационной силой. Самым важным продуктом европейского экспорта в глобальную цивилизацию является современное национальное государство — общественная структура, пришедшая на смену средневековым империям. Национальное государство сегодня во всем мире признается как стандарт. И оно образует фундамент ООН.

Но как у всякой модели, у этой тоже есть недостаток — ее не везде можно применить. Особенно в тех случаях, когда формированию внегруппового государственного сознания препятствует слишком сильная идентификация с определенной группой (родом или религиозной общиной). В первую очередь это касается обширных регионов на территориях Сирии и Ирака.

Двадцать лет назад, задолго до современных кардинальных изменений на Ближнем Востоке, Эрнест Геллнер в своем анализе политики ряда стран Ближнего Востока и Северной Африки характеризовал ее как «насквозь патерналистскую. Власть здесь реализуется посредством развитой системы коррупции (government by network). Формальные общественные институты и установления значат гораздо меньше, чем неформальные связи, опирающиеся на оказанные в прошлом услуги, на покрово-

вительство сверху взамен на поддержку снизу. Священный закон регулирует мельчайшие подробности повседневной жизни, но не институты власти». Этот вакуум заполняется «патерналистской политикой». С нею государство «реализует свою законную монополию на несправедливость»**.

Как бы то ни было, одно можно сказать с определенностью: среди всех до сих пор известных моделей современное национальное государство — единственное устройство, которое предлагает эффективную гарантию основных прав. «Кто сегодня, — писал Ральф Дарендорф, — считает национальное государство излишним, тот объявляет — пусть даже ненамеренно — лишними и гражданские права». Почему? Потому что для формирования и осуществления гражданских прав необходимы «инстанции санкционирования» или «аппарат принуждения»***, а в современном мире это реализуется только в рамках национального государства.

Хоть мне и симпатичны видения некой свободно-демократической мировой республики (ну или только свободно-демократической европейской республики), все же я должен признать, что сегодня эти проекты носят утопический характер; они абсолютно нереалистичны.

Чтобы завершить тему экспорта европейских идей, нужно отметить, что Европа породила две тоталитарные идеологии — национал-социализм и коммунизм, а с ними и самые чудовищные преступления в мировой истории. Государственные аппараты насилия сделали возможными эти массовые пре-

* См.: Европейская Комиссия: *Special Eurobarometer: Social values, Science and Technology*, 6/2005, S. 9, http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_225_report_en.pdf.

** Эрнест Геллнер. *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники*. — М.: МШПИ, 2004. — С.37.

*** Ralf Dahrendorf. *Die Sache mit der Nation*. — *Merkur* Oktober/November 1990. — S. 827.

ступления. Государственная монополия на насилие, как я говорил, может быть не только источником цивилизационного прогресса, но и орудием варварства. Европейское единение после Второй мировой войны произошло не потому, что европейцы в одночасье открыли для себя общие «ценности».

Основной движущей силой был ужас от того, что в Европе под покровом высоко-развитой цивилизации таились варварские силы, которые, как считалось, давно были преодолены.

Современное национальное государство инклюзивно, а не эксклюзивно. Как государство граждан оно не отвергает те или иные группы на основании их этнической, религиозной и любой другой принадлежности. Его структура не есть нечто неизменное, а, наоборот, отличается высокой степенью адаптации. Эволюцию государства можно проследить на примере схемы фазовых моделей Джона Миклетвейта и Адриана Вулдриджа — она представляет основные этапы развития государства в зависимости от изменений в обществе, технологиях и международной системе*.

В ходе своего исследования авторы приходят к выводу, что в ряде стран Азии

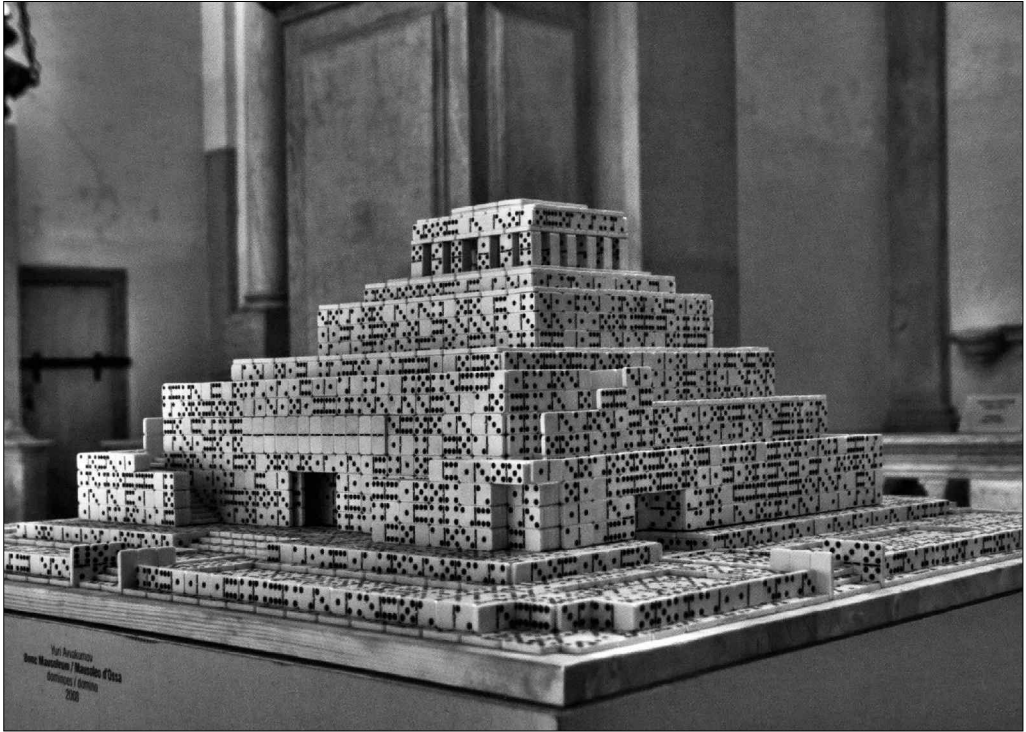
активнее всего экспериментируют с инновационными моделями общественного управления и находят новейшие решения актуальных проблем. В то же время правительства преуспевающих стран «Запада», в первую очередь США, из-за внутренних блокировок теряют оперативность в реагировании на различные проблемы и рискуют уступить позиции странам с государственной капиталистической системой и принудительной модернизацией. С этим диагнозом можно соглашаться или нет, одно не подлежит сомнению: только высокий уровень адаптации гарантирует государству долгосрочную стабильность; отсутствие гибкости в эпоху глобальных перемен приводит к стагнации и, как следствие, к нестабильности.

Если мы согласимся, что современное национальное государство является самой эффективной формой построения цивилизованных отношений, то тогда возможны и разумные дебаты о будущем этой модели. Такие дебаты необходимы, потому что рамочные условия государственности не установлены раз и навсегда, а стремительно меняются**. Для такого рода дебатов я — без особых претензий на полноту и обстоятель-

<i>Модели государства</i>	<i>Период</i>
Инновационное государство	21 век
Государство благосостояния	20 век
Либеральное государство	19 век
Национальное государство	18 век
Территориальное государство Нового времени	16/17 век

* См.: John Micklethwait & Adrian Wooldridge. *The Fourth Revolution. The Global Race to Reinvent the State.* — New York 2014. В моей схеме предложенная авторами модель «Национальное государство» расширена до модели «Территориальное государство Нового времени».

** См., в частности: Rupert Smith. *The Utility of Force. The Art of War in the Modern World.* — London 2005/2006 (Penguin Books).

Юрий Аввакумов. Костяной Мавзолей. 2008

ность — хотел бы сформулировать несколько главных мыслей:

1. Мы все — европейцы, как и другие жители планеты — заинтересованы в том, чтобы государства не распались. Потеря государственной монополии на насилие откроет нецивилизованные пространства, на которых разместятся негосударственные игроки. К таким игрокам относятся террористические сети, преследующие не только локальные или региональные задачи, но и стремящиеся к более глобальным целям, например созданию мирового халифата.

2. Государству изнутри угрожают не только эрозия государственной монополии на насилие, но и недостаточный уровень адаптации и социально-экономическая отсталость. Из-за недостаточного уровня адаптации стабильные, но теряющие функциональность правительственные системы оказываются под посто-

янным давлением, которое может привести к краху. Отсталость уничтожает ценные ресурсы: люди не получают хорошее образование, у женщин нет карьерных возможностей; квалифицированные специалисты уезжают; недостаточно инноваций — и так далее.

3. Диктатура не гарантирует длительной стабильности. Власть не должна быть сосредоточена в руках одной группы, иначе все остальные перестанут считать государство своим.

Власть всегда нужно ограничивать, потому что абсолютная власть провоцирует злоупотребления. Ограниченность власти характеризуется тем, что она подчиняется закону; она лимитирована — либо временными рамками, либо возможностью мирной смены путем голосования; она рассредоточена между различными силами; она подвергается общественной критике и корректировке.

Могут ли быть эти рассуждения формой европейского ценностного империализма? Думаю, нет. Европейцев скорее можно упрекнуть в ценностном цинизме. При сравнении схожих режимов они используют двойные стандарты — в зависимости от того, насколько это выгодно правящим элитам. К слову, обвинение в лицемерии — серьезное пропагандистское оружие в руках исламистских экстремистов, тем более что Коран резко осуждает «лицемеров» в своих рядах*.

В качестве примера приведу худший случай диктатуры, с которой в Европе по-прежнему церемонятся — режим Саудовской Аравии. Цинизм очевиден неизбежен: просто ситуацию оправдывают «реальной политикой». Но в наших же интересах не закрывать глаза на то, что этот режим экспортирует по всему миру крайне реакционную версию исламизма. Саудовский ваххабизм предлагает идеологическое прибежище и поддержку не только мирным салафитам, но и боевикам-джихадистам.

4. Динамичному, открытому для реформ государству необходимо в качестве партнера активное гражданское общество. В динамичном государстве общественная критика в адрес правящих кругов не клеймится как «предательство», а ценится как выражение патриотизма и особой лояльности к своей стране.

Без активного гражданского общества государство рискует потерять способность к адаптации и деградировать до уровня обыкновенного аппарата власти. Точно так же и гражданское общество имеет своей предпосылкой государство. Потому что там, где нет государства, нет и граждан, а есть только «естественное состояние», как его обозначают теорети-

ки Общественного договора. Неправительственные организации имеют жизненно важное значение, но они, например, не в состоянии заменить независимые юрисдикционные органы. Однако они могут и должны следить за тем, чтобы исполнительная власть не оказывала давления на судебную и чтобы коррупция не проникала в систему правосудия и другие органы власти.

5. Если мы хотим предотвратить варварство не только внутри государства, но и на уровне отношений между государствами, мы должны повышать их способность к сотрудничеству.

В первые десятилетия по окончании Второй мировой войны в этой области был достигнут значительный прогресс, но в последнее время мы наблюдаем обратный процесс. Как европеец и гражданин Европейского союза я обеспокоен тем, что национальный эгоизм снова переходит в наступление. За этим скрывается очень недальновидный анализ собственных интересов, потому что современное национальное государство как цивилизационная модель способно существовать только в том случае, если не будет возводить в догму идею национального суверенитета. В мире, в котором мы все сильнее зависим друг от друга и только в сотрудничестве можем решать глобальные проблемы, вера в безграничный национальный суверенитет — опасная иллюзия.

В заключение я снова повторяю: я не знаю, что такое «гражданские ценности Европы». Но в одном я уверен, модель современного национального государства, предложенную Европой, необходимо совершенствовать, иначе мы не освободим наш мир от варварства.

* См.: *Jihād gegen die Heuchler (munāfiqūn)*, <http://www.diewahre religion.eu/fatwah/?=658>, 15 Juni 2011.

Свобода и право

*Вадим Кловгант,
адвокат, член Совета
Адвокатской палаты Москвы,
кандидат исторических наук*

Говоря о соотношении свободы и права, приведу сначала словосочетание из трех слов: «свобода в праве». Это будет означать, что мы думали о том, есть ли в праве как в институции свобода. И если есть, то как она соотносится с принудительной составляющей права, которая является его неотъемлемой частью. Если мы употребим словосочетание из двух слов: «свобода в праве», то это значит, что мы должны подумать о том, имеет ли сама свобода какие-то права, каков ее статус, чем она защищена, нуждается ли она в защите. А если употребим словосочетание из четырех слов: «свобода в своем праве», то у нас здесь сольется все в одну большую тему. Это и есть та тема, которую я предлагаю для обсуждения.

Зачастую приходится слышать, в том числе, от молодых людей, что свобода и право — это в некотором роде антиподы. Потому что право понимается как ограничитель свободы, как что-то репрессивное, как то, чего надо бояться и что сильно осложняет жизнь. При этом под правом понимается все, что имеет юридический, и даже квазигиридрический, вид (какая-либо инструкция, решение о ее применении, приговор суда). И это очень активно насаждается нашей сегодняшней официальной позицией государства и, конечно, пропагандой. Вот суд сказал, значит это и есть право. А насколько то, что суд сказал, имеет отношение к праву, остаётся за скобками. Иначе говоря, форма довлеет над содержанием. При этом российское законодательство приобрело отчетливый репрессивный характер, который доминирует над иными практиками правового регулирования и правоприменения — диспозитивными, хотя они есть и являются в принципе главными в праве. Однако ничем не обоснованные репрессивные меры наказания и расширение сферы их применения приобрели такой масштаб, который в моем сознании ассоциируется с введенным Ханной Арендт понятием «банальность зла». Мы уже перестаем поражаться тому, что происходит сегодня в этой сфере. Поэтому понятно, откуда в

наших реалиях может возникнуть и возникает представление о праве и свободе как антиподах. Эта ситуация аномальна, ибо право отнюдь не сводится ни к писаному закону и тем более к подзаконным актам, ни к мерам принуждения и наказания, а является универсальным регулятором существования индивидуумов, их взаимоотношений и взаимодействия различных групп людей.

Право — одно из главных цивилизационных достижений, завоеваний и ценностей человечества, оно единственный реальный гарант свободы, понимаемой как свобода человеческой личности, творческой деятельности, реализации всех неотчуждаемых прав человека. Альтернативой же праву является произвол, или неправое.

В начале прошлого века выдающийся германский юрист, специалист по сравнительному правоведению, которое тогда только зарождалось, к сожалению, малоизвестный у нас Эрнст Рабель, ввел в оборот понятие «право цивилизованных народов», имея в виду некое глобальное явление, свойственное современной (на тот период) западной цивилизации. Он показал, что право это живой организм, который имеет отличия и какие-то вариации в разных странах и сообществах, но у него есть базовые общие черты, лежащие в основе прогресса всего человеческого общества.

Что же является главным назначением права? Совсем не наказание, и это очень важно подчеркнуть. Наказание — вспомогательная функция права, которая имеет только одну задачу — обеспечивать реализацию позитивных прав, защищать от посягательства на эти права. Этой же задаче служит всё публичное право. А главное — это частное право, то есть то, как каждый из нас реализует неотчуждаемые права в своей повседневной частной жизни (право собственности, право предпринимательской деятельности, право выбирать место жительства и образ жизни, право свободно собирать и распространять информацию, свободно высказываться, право создавать семью, право на детство и охрану здоровья). Все эти базовые правовые ценности призваны защищать от посягательств с чьей бы то ни было стороны такие отрасли права, как уголовное и административное. Но устанавливаются и регулируются они правом гражданским. Если вся эта система приоритетов расстраивается, то разрушается сам смысл права, истоки которого были заложены еще в XVIII веке известными американской и французской декларациями о правах человека.

Есть три наиважнейшие черты, которые характеризуют право цивилизованных народов, как гаранта человеческой свободы. В первую очередь, это его гуманистический характер. В основе права лежит не государство, не царь, не полиция, не армия, а человек. И об этом, кстати, написано в первых строках Конституции Российской Федерации. Второе — это роль, которую право играет в повседневной жизни человека и общества, выполняя функцию универсального глобального регулятора. Альтернативы ему человеческое сообщество за все века своего существования не выработало. Наверное, сравнимой по эффективности этой альтернативы просто нет. И третья черта — это правовые технологии (правовые институты, инструменты, нормы), которыми регулируется человеческая жизнь и которые более-менее сходны во всех странах, где это право принято. То есть теоре-

тически в регулировании вопросов, связанных с собственностью, например, вряд ли удастся обнаружить принципиальные отличия, будь то США, Германия, Великобритания, Франция, Россия или Грузия. Это же относится и к другим фундаментальным правам и свободам человека.

Есть две наиболее существенные черты в частном праве, которые для нас составляют основу основ. Первая — это свобода выбора, свободное волеизъявление. Я сам решаю, чего хочу, чего — нет, и как хочу. Я сам договариваюсь со своим контрагентом о каком-то нашем взаимном интересе и о том, как мы его реализуем. Вот, скажем, сегодня, проснувшись, я, как и многие, до этой нашей встречи уже несколько раз вступил в такие отношения: пользуясь коммунальными услугами (это договор), когда спустился в лифте (это регулируется нормами права), когда позавтракал в кафе (мне предоставили услугу) и так далее.

*Общественная безопасность
и государственная власть нужны
и ценны не сами по себе, а именно
как инструменты реализации прав
и свобод человека*

Мы по своей свободной воле выбираем то, что отвечает нашим законным интересам. Значит, первая область — это свобода воли и выбора, или, по-другому, диспозитивность. Вторая, являющаяся обратной стороной первой — презумпция добросовестности. Нам предоставлена свобода исходя из того, что для реализации своих интересов мы действуем добросовестно, не замысливаем причинение вреда кому бы то ни было. Но если эта презумпция опровергается нашими действиями, если доказано, что мы злоупотребляем своими правами, что мы действуем не для удовлетворения своих потребностей и интересов, а во вред другому, и это является нашей целью, тогда мы не можем рассчитывать на защиту закона и суда. Чтобы противостоять правонарушениям, злоупотреблению правом и недобросовестному поведению, существуют отрасли права, которые выполняют охранительную и предупредительную функции. В случае, когда встаёт вопрос о привлечении к ответственности и наказании, эти задачи решаются в соответствии с диспозициями и санкциями норм права, уголовного или административного, предусматривающими ответственность за преступления или административные правонарушения против личности, против собственности, против других конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе — против общественной безопасности, государственной власти и т. д., поскольку и общественная безопасность, и государственная власть нужны и ценны не сами по себе, а именно как инструменты реализации прав и свобод человека.

Что нужно для того, чтобы право цивилизованных народов могло быть не декларативным, а реальным и эффективным регулятором общественных отношений? Нужно совсем немного. Во-первых, и это особенно важно для стран, где основным источником права является писанный закон (континентальная система права, которая принята в России и во всех европейских странах), должна быть культура закона. Культура зако-

Гриша Брускин. Вохровка. 2011

на означает, что закон не должен противоречить принципам и основам права и базовым положениям, сформулированным в конституции. Если закон не соответствует базовым принципам права, его основополагающим фундаментальным положениям — это неправовой закон, и он не должен не приниматься, ни применяться. Во-вторых, закон должен быть сформулирован настолько ясно, чтобы исключались двоякое понимание, толкование, применение. Он не должен содержать пробелов, то есть неурегулированных существенных положений предмета, которому он посвящен, и не должен противоречить другим законам. Он должен им гармонично соответствовать. И он, конечно, должен быть опубликован. Не может быть ответственности за нарушение того, что не обнародовано. Все это составляет культуру закона.

Мой великий учитель, академик Сергей Сергеевич Алексеев, к сожалению, уже покинувший этот мир, говорил, что культура закона может существовать только в благоприятной социально-политической среде. В иной среде она существовать не может, она разрушается, и вместо роста и развития культуры закона происходит то, что он называл крушением права (явление, получившее также название «правового нигилизма»), обличая это состояние (распространившееся и укрепившееся у нас с некоторых пор), считая его главной причиной «крупных политических и социально-экономических просчетов» и главной опасностью.

Во всех странах (а вовсе не только в тех, где основным источником права является судебный прецедент вместо писаного закона), необходимым условием функционирования права цивилизованных народов, эффективности правоприменительной и правоохранительной систем, является правосудие. Потому что, даже если есть писанный закон, он реализуется через судебные процедуры или другие правоприменительные решения, в свою очередь подконтрольные суду. Более того, несмотря на то, что, к примеру, в Российской Федерации официально судебные решения по конкретным делам не являются источником права, на самом деле, они сильно влияют на формирование судебной, следственной практики, и Верховный Суд зачастую дает разъяснения судам, исходя из судебных решений по конкретным делам. А давать судам разъяснения — это его (Верховного Суда) конституционные полномочия. Кстати, должен напомнить, что, как это ни парадоксально, при советской власти, роль Верховного Суда была выше, потому что тогда в Конституциях СССР и РСФСР и других союзных республик было сказано, что Верховный Суд дает судам обязательные разъяснения о применении законов. Чем не прецедент?! А сейчас в нашей конституции указание на «обязательность» отсутствует, но между юристами все же идет большой спор, насколько разъяснения Верховного Суда обязательны. По сути, мы понимаем, что если Верховный Суд отменит решение нижестоящего суда, потому что оно не соответствует его позиции, то отсюда вытекает фактическая обязательность его разъяснений.

Так вот, если есть честный и беспристрастный Суд, именно как независимая власть и независимый арбитр, который только и может рассудить конфликтующие или спорящие стороны, кто бы этими сторонами ни являлся (государство в каком-то лице, организация, конкретный человек — это не имеет никакого значения), значит, есть в стране правосудие и есть право. Если же такого суда нет, то какие бы ни были законы — ни права, ни правосудия быть не может. Следует особо подчеркнуть: одинаково важны все суды — от Верховного и Конституционного до мирового, и все они, и каждый из них в отдельности, должны быть честными, беспристрастными и независимыми. Потому что у каждого суда есть своя исключительная компетенция, в которой именно ему предоставлено право отправления правосудия. Все суды вместе, построенные на этом фундаменте, и образуют здоровую и эффективную судебную систему и более того — судебную власть.

Что нужно для существования и эффективной деятельности судебной власти и судебной системы в этом понимании? Нужно, чтобы помимо

независимости была еще и состязательность равноправных сторон, участвующих в процессе. Не может быть одна сторона априори слабая, другая — априори сильная. А если, по какой-то объективной причине, одна сторона является априори слабой (так, например, бывает в делах, когда сталкиваются интересы личности и государства, или интересы потребителя — физического лица и крупных структур — продавцов, поставщиков услуг и т.п.), тогда эта априори слабая сторона в суде должна получить большую защиту и большую возможность реализовать свои права. Что нужно для обеспечения состязательности равноправных сторон в суде? Нужна институция, называемая адвокатурой, которая единственным призванием и предназначением своим имеет оказание правовой квалифицированной помощи любому, кто в ней нуждается. Чтобы исполнять эту миссию, она должна быть самоуправляемой, независимой от государства (не дело государства — контроль и надзор в этой сфере), так как это институт гражданского общества (это, кстати, прямо записано в законе об адвокатуре). Государство всячески пытается препятствовать этому, но это должно быть так и не может быть иначе. Иначе это не адвокатура, а придаток того же государства, и как с ним спорить в этом случае, как помогать оппонирующей ему стороне? Адвокатура, кроме того, должна быть высокопрофессиональной и компетентной. Там должны работать юристы, компетентность которых, как правило, выше, чем компетентность других юристов. И конечно, адвокатура должна быть честной. Она не должна предавать своих доверителей; адвокат должен свято хранить адвокатскую тайну (то есть, то, что доверяет ему человек, обратившийся за помощью). И она не должна быть изгоем в обществе и государстве, напротив, она должна быть в почете и востребована. Я говорю, как должно быть. А как бывает у нас, известно. Вообще, это никогда и нигде не было в полной мере так. Потому что всегда, для любой власти, адвокатура — зло по той простой причине, что она этой самой власти оппонирует, и делает это на легальном основании, выполняя свою обязанность, возложенную на неё законом. В этом и заключается ее предназначение. Соответственно, это зло в какие-то времена в каких-то странах бывает терпимым, более-менее терпимым и нетерпимым вовсе. В истории всех стран были в этом смысле разные времена.

Не надо думать, что до нас ничего путного не было, и мы первые что-то гениальное изобретаем. Уже давно человечество выработало приемлемые модели функционирования законотворчества, правоприменения и, прежде всего, отправления правосудия. Понятно, что нет ничего идеального, как не может быть все только черным или белым, без разумной середины. И надо, конечно, разумно и творчески использовать накопленный опыт и потенциал.

Уже давно есть законодательные и юридические решения разного рода проблем. Во взаимоотношениях частных субъектов права, повторю, все зависит исключительно от свободной и добросовестной воли, и от ее силы, и от совпадающих интересов участников правоотношений. Возможные коллизии законов — это само по себе не трагедия, потому что для их разрешения есть механизмы — судебные или внесудебные. Была

бы, повторяю, воля эти механизмы использовать. Многое, правда, тут зависит от качества законов. Одна из наших нынешних проблем в том, что к законодательной деятельности в минимальной степени привлечено экспертное сообщество. Не карманное, записное, которое лишь красиво, наукообразно оформляет высочайшую волю, а настоящее экспертное сообщество, квалифицированное и независимое. Его сегодня почти нет, и это большая беда. И законы пишутся при этом зачастую «на коленке» и совсем не из каких-то глубоких соображений, основанных на изучении общественных потребностей, и часто даже не из конспирологических, как это кому-то может показаться. А просто когда-то на потребу дня, когда-то из соображений, что нужно как-то «засветиться», продемонстрировать свою нужность, полезность, эффективность. И в этом на самом деле тоже очень большая проблема, если говорить о качестве сегодняшнего законодательства.

Не так давно была дискуссия, в основном в интернет-пространстве, в значительной степени спровоцированная Михаилом Ходорковским, который высказался в том смысле, что коли право выше закона, то неправовые законы не имеют права на жизнь, и, значит, не обладают свойством общезначимости. Общественность возбудилась: можно ли не исполнять тот или иной закон, если кому-то он кажется неправовым? И подскажите, пожалуйста, как именно не исполнить тот или иной закон, чтобы мне за это ничего не было? И Ходорковский, на мой взгляд, правильно ответил следующим образом: а почему я вам должен рассказывать, как это делать или не делать? Вы для себя сами, на основе собственной воли, знания и понимания законов, определяете круг дозволенного и недозволенного в любом вопросе, с которым вы сталкиваетесь в жизни. И этот вопрос не исключение. Таким образом, каждый делает самостоятельный выбор, реализует свою свободу (этот самый невыносимый дар свободы, который нам выпал), в том числе, и в этом вопросе. При этом существуют институты, которые уполномочены для разрешения такого рода конфликтов. Это, в первую очередь, Конституционный суд в отношении соответствия законов Конституции, суды общей юрисдикции в отношении актов исполнительной власти. Они такие, какие есть, но они же есть. И нужно их стимулировать выполнять свою задачу. А если они эту задачу не хотят, не могут, не способны выполнять, значит, их нужно побуждать к действиям. Для этого еще существуют международно-правовые институты.

Обратите внимание, что даже на лингвистическом уровне у нас сегодня словосочетание «судебная власть» практически не употребляется, оно выведено из обихода. Это не случайно, это симптом. У нас в ходу определение «судебная система». А что такое судебная система? Это судо-

*Судья может быть тысячу раз
профессионалом в вопросах права.
Но если у него психология чиновника,
а не субъекта власти – это не судья,
а чиновник*

устройство (какие есть суды, как между ними распределяется подсудность, подведомственность). Это все очень важно, но это глубоко вторичный вопрос. И когда задается вопрос о судебной системе, а при этом, подразумевается состояние правосудия, то это говорит о том, что даже на подсознательном уровне судебная власть недооценена. Это главное, чего сегодня не хватает Российской Федерации — судебной власти, именно как власти. От этого формируется подход судей, то ли как носителей власти, то ли как чиновников, зависимых от начальства. Судья может быть тысячу раз профессионалом в вопросах права. Но если у него психология чиновника, а не субъекта власти — это не судья, а чиновник. Может быть, хороший, добросовестный чиновник, который строго следует заданным критериям, но не более того. От него нельзя ждать другого. И может, в этом не вина, а беда и его, и всех нас. Важно еще и то, что сегодняшний судебный корпус России формируется, в первую очередь, из помощников судей и секретарей судебных заседаний. Это молодые люди, которые пришли практически со школьной скамьи, которые впитали определенные уроки и идеи и искренне считают, что это все и есть настоящий суд, где есть четкое подразделение на своих (те, кто со стороны государства) и чужих (все остальные, начиная с адвокатов). Другой источник формирования судебного корпуса — люди, поменявшие на судейскую мантию свои погоны следователей, прокуроров, приставов, а то и сотрудников колоний. Их мышление тоже понятно какое. Да, в гражданских делах это пока менее заметно. Но я не оговорился, сказав «пока», потому что человеческая психология такова, что инстинкт доминирования имеет свойство к расширению сферы влияния. Поэтому, если судья начинает чувствовать себя чиновником, то он и ведет себя соответственно во всем.

Поэтому надо разъяснять людям, что есть право, а есть — неправое, и чем отличается право от закона, и что право выше закона, и что законотворчество это не просто процедура оформления юридических актов, а правосудие это не просто человек в мантии и молоточек на его столе, и не всякий документ с названием «приговор» или «решение суда». Если это не объяснять, в том числе, на конкретных примерах, то очевидна опасность впасть в бесправие и произвол. И это может привести к еще большему внедрению в сознание того, что всякая воля, выраженная сверху, со стороны государства — это и есть право. Здесь роль просвещения невозможно переоценить, она необычайно высока. Если мы понимаем ценность права и готовы за него бороться, то каждый из нас определяет для себя предел своего поведения в соответствующих ситуациях. Другого способа формирования и реализации правового сознания я не вижу, как и разумной альтернативы праву, как универсальному регулятору общественных отношений, просто не существует.

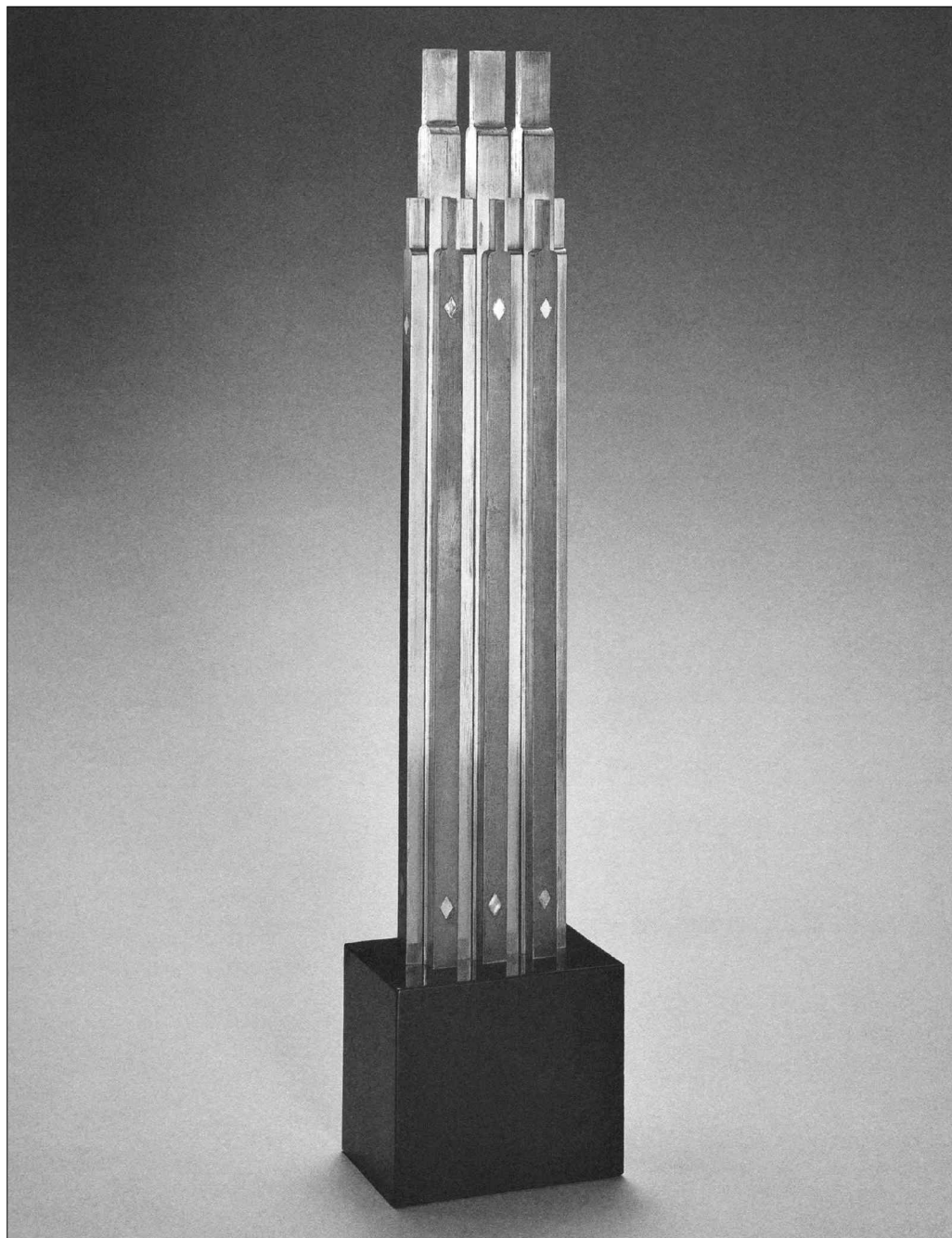
Перспективы глобализации и демократии

Двадцать пять лет назад я участвовал в дискуссии, где пытались нарисовать картину будущего миропорядка. Для оптимистов самым важным событием в то время было падение Империи зла, как Рональд Рейган назвал Советский Союз в конце холодной войны. Казалось, это открыло перспективу всеобщего прогресса и всеобщей свободы. Фукуяма, работавший тогда в Государственном департаменте США, в 1989 году написал эссе «Конец истории», которое для многих по-прежнему является отправной точкой политологических конструктов. Он полагал, что мотор истории остановился с падением коммунизма. Религиозные и идеологические конфликты являлись двигателями истории с XVII века. И вот после краха коммунизма, эра столкновения идеологий якобы закончилась. Нет больше препятствий, которые стояли бы на пути распространения демократии и глобализации. Буржуазная демократия оказалась среди прочих систем сильнейшей, если употребить дарвиновский подход. Все остальные режимы рухнули, потому что были неадекватны вызовам, которые стояли перед ними. Капитализм, демократия, верховенство права, свобода — все эти институциональные компоненты выжили, как единственно способные удовлетворить двум основным группам потребностей человека: экономическому прогрессу и устранению бедности; потребностям людей и народов во взаимном признании и в самоуважении. Культурное разнообразие сохранится, но будет одна цивилизация.

Среди оппонентов такого подхода был другой американский ученый — Самюэль Хантингтон, который пытался продвинуть совсем иную мысль в своей книге «Столкновение цивилизаций». Он настаивал, что холодная война искусственно придерживала крышку на котле столкновения политических страстей и религиозно-расового соперничества, которые в действительности всегда составляли ткань истории. Как только эту крышку снес-

*Роберт Скидельски,
экономист,
член палаты лордов
парламента Великобритании*

Джон Сторрс. Нью-Йорк. 1925

ло, история вновь предстала в том виде, в котором она нам всегда была известна. То есть современное состояние мира отнюдь не знаменует конец истории, а только вновь запускает ее механизм, который был на какое-то время приостановлен раз-

делением мира на две системы, в каждой из которых доминировала супердержава, одержимая стремлением к превосходству над идейным оппонентом. В основании концепта Хантингтона была метафора: когда полиция откуда-то уходит, туда при-

ходят преступники. Фукуяма полагался на возможность усовершенствовать человека, а Хантингтон (хотя он прямо этого не говорил) исходил из греховной природы человека. Таким образом, по-прежнему остались два противоположных, несовместимых друг с другом взгляда на природу человека.

Теперь, 25 лет спустя, позволю себе сделать краткий обзор ситуации в мире. Взглянем на резюмирующий перечень ожиданий Фукуямы: в экономике произойдет глобализация и рост благосостояния; в политике — распространение демократии; в социально-культурной жизни — распространение западных ценностей; международные отношения будут регулироваться мирными стандартами поведения, которые будет продуцировать международное сообщество (по сути, ООН). Фукуяма и его сторонники думали, что в этом-то и состоит прогресс. Важно, что все страны теперь на одной столбовой дороге. Кто-то доберется быстрее до пункта назначения, кто-то медленнее. Но нет никакого сомнения, что это единая столбовая дорога для всего человечества, поскольку все остальные пути были испробованы, и обнаружено, что они неэффективны и никуда не ведут. Однако любому мыслящему человеку трудно поверить в это сегодня. Позвольте и мне не согласиться и рассмотреть эти идеи, которые следуют из эссе Фукуямы.

Во-первых, глобализация пошла на попятную. Демократия так и не добралась до Китая, регрессировала в России, где против демонстрантов и оппозиции применялось насилие. Не соглашаются с европейскими ценностями исламские восточные страны. Ближний Восток сейчас пылает. Миллионы беженцев бегут в Европу из Сирии и из других стран по мере того, как обрушиваются государства, и нет никакой власти, которая могла бы навести порядок.

Но это не только падение и невозможность или несостоятельность не западных государств следовать западному сценарию. Это кризис и крушение западной цивилизации, на самом Западе. Прежде всего, коллапс мировой экономики в кризисе 2008–2009 годов. Это не извне в западный мир пришло, все это началось именно в западном мире, и оттуда, из США распространилось на Европу и другие страны. И мы по-прежнему не полностью из него вышли. И, конечно, это все затмило огромные надежды и чаяния, которые были связаны с глобализацией. Во-вторых, что меня, например, лично касается, это то, что Европейский союз не смог реализовать свои обещания. С экономической точки зрения, еврозона, возможно, уже вошла в окончательный кризис. Если это произойдет, тогда и сам европейский проект рухнет вместе с ней. Поэтому финансовый кризис, который мы наблюдали в разгар лета 2015-го, еще не закончен.

В-третьих, Запад беспокоит распространение иррационализма, как в мыслях, так и в политике. Это совершенно дискредитирует идею прогресса, который раньше связывали с ростом разума и снижением роли религии. Вместо этого по всей Европе происходит подъем национальных партий, как правых, так и левых; звучат лозунги, разжигающие ненависть, в том числе, к мигрантам. И чем больше мы пытаемся понять, как люди относятся к каким-либо проявлениям жизни, тем больше разных опросов общественного мнения, цель которых узнать, каковы действительно убеждения людей, и как они к ним приходят. Чем больше скептицизма, не только в отношении разума, но и вообще влияния разума на человеческие дела, тем больше мой собственный разум восходит к тому многозначному замечанию Кейнса, что цивилизация — это обитель греха и такая тоненькая кожура, которая прикрывает совершенно

другую природу человека. Философ Джон Грей говорил, что коммунизм был всего лишь одним из западных проектов. И вслед за падением коммунизма произойдет падение и западного проекта. Коммунизм оставил после себя пустоту, куда устремились демоны, где они и господствуют.

В этой ситуации мы пытаемся обнаружить альтернативные модели. И одной из таких альтернатив сегодня представляется Китай. Китай станет полюсом притяжения для многих, кто разочаровался в Западе. Дело не просто в подъеме Китая, который очевидно стал одной из экономических супердержав в мире, и продолжит рост, несмотря на массу проблем. Сила Китая в его подходе к организации мира, где он стремится к особому положению. Здесь важно учитывать его отношение к глобализации и демократии.

Глобализация охватывает три сферы. Первая — свободная торговля. Но свободная торговля сбавляет обороты, ее фактически не существует в силу разных, в том числе политических причин. Вторых, глобализация предполагает свободное движение капитала. Но и этот процесс все больше встречает ограничения в связи, например, с проблемами финансовой безопасности и войной против терроризма. В-третьих, глобализация означает относительно свободное передвижение людей, прежде всего, рабочей силы из бедных стран в богатые. Это ставят под вопрос уже многие: возводятся физические барьеры государственных границ, в дело идет колючая проволока. Такие границы уже есть в нескольких государствах против наплыва беженцев, которые являются физическим проявлением свободного передвижения рабочей силы. Это серьезное отступление от глобализации.

Что вместо этого может предложить Китай? Гонконгский экономист Лоу утверждает, что Китай должен еще раз

внимательно посмотреть на свою модель роста. В действительности, китайская экономическая модель обращена на Запад, особенно на США. И это тоже уже закончилось. Нужно, прежде всего, удовлетворять спрос потребителей на внутреннем рынке. Но для этого, утверждает Лоу, требуются глубинные структурные реформы. Что в Китае говорят в отношении того, какой путь необходимо избрать? Цитирую Лоу: «За счет выстраивания более прочных экономических связей с региональными лидерами и за счет реализации “шелкового пути” Пекин пытается связать с Китаем развитие стран региона, и, следовательно, создает основы своей экономической империи, в центре которой будет он сам».

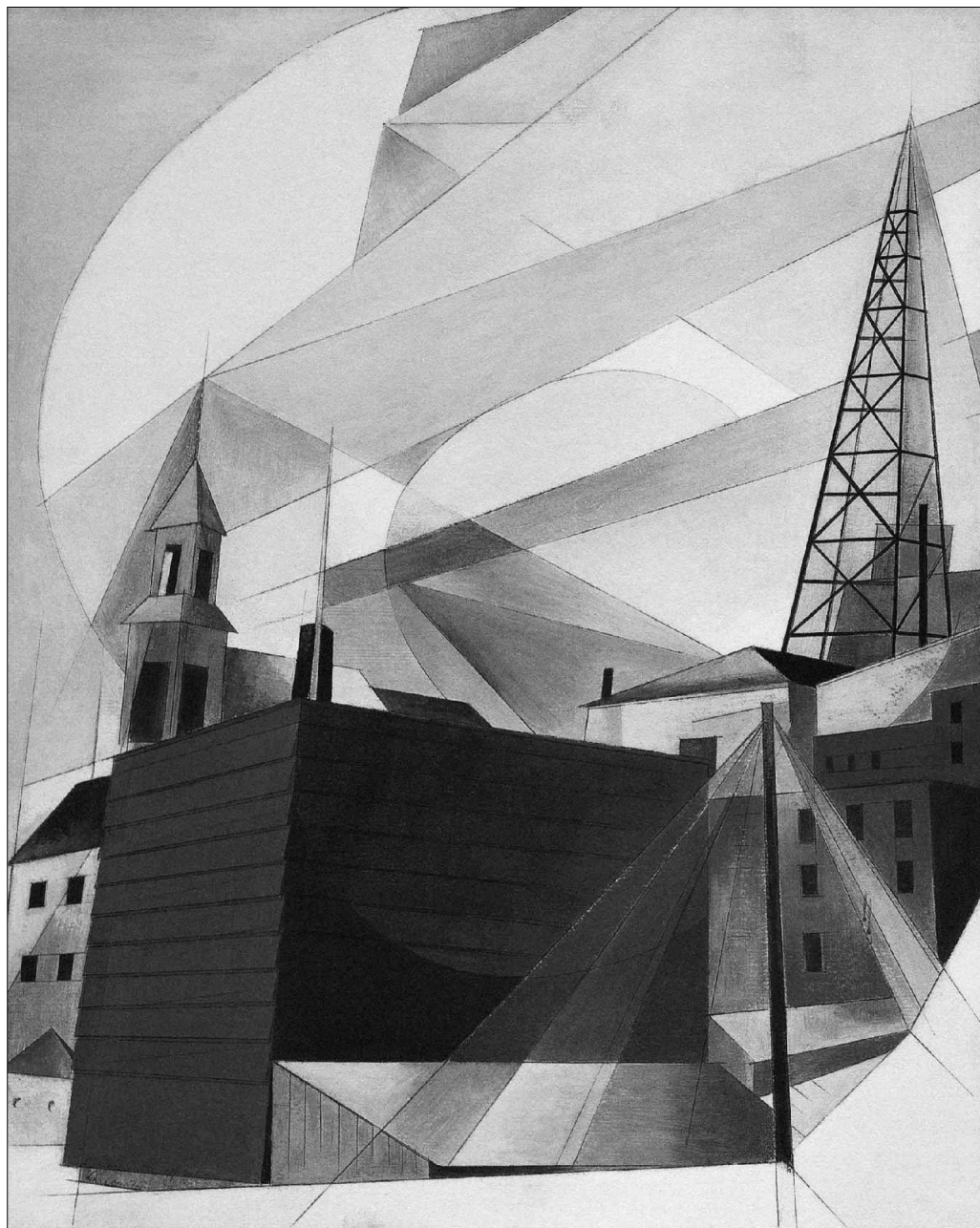
Как вписывается в эту китайскую мечту Россия? У России тоже есть экономические мотивации развивать Евразию. Она не смогла модернизировать и диверсифицировать свою экономику. В прошлом году я ездил в Сочи на встречу Валдайского клуба. И там задал вопрос Путину: «Господин президент, может быть, вашей самой большой неудачей была неудача с модернизацией российской экономики? Может быть, вы сделали так, что она зависит от одного ресурса — энергоносителя, который, конечно, зависит от цен, которые все время колеблются? Вы, по сути, уже 15 лет у власти...». На что он сказал, что я ошибаюсь, так как в России есть неплохое сельскохозяйственное производство, то есть, это есть, и инвестиции в страну приходят, и прочее в таком же духе. Он отвечал минут двадцать, ссылаясь на статистику, после чего сказал: «Да, можно было больше сделать». Но как бы то ни было Россия остается преимущественно страной, экспортирующей нефть и импортирующей промышленные товары и продовольствие. А что Китай может предложить России? Этот расширяющийся рынок для экспорта

российских энергоносителей. Инвестиции. Грузия, как известно, получила много китайских инвестиций. У Китая самые разные активы со всего мира. Китай их не может потратить в своей стране, поэтому экспортируют во многие страны. И эти инвестиции позволяют ему выстроить большие транспортные и инфраструктурные проекты, чтобы осуществить крупнейший евразийский проект. Поэтому Россия ждет взаимной интеграции ЕС и экономического пояса «шелкового пути» и создания великой Евразии, которая предложит России и Китаю безопасное соседство и процветание. Под эту идею были созданы многие институты, которые должны обслуживать огромную зону свободной торговли, куда войдут Ближний Восток, Китай, Европа, Россия и даже Африка. При этом нельзя не отметить, что президент Путин все более открыто прибегает к антиамериканской риторике. Хотелось бы большей ясности в отношении перспектив проекта. Первое: можно ли говорить о нем, как об альтернативе мировой глобализации? Или это своего рода синергия между Китаем и Россией, которая может встать на пути интеграции России в европейскую экономику? Не способны ли стратегические провалы в экономической политике привести к тому, что Россия станет сырьевым донором Китая? Ответов на эти вопросы пока нет. Интересно рассмотреть, однако, политическую модель Китая с точки зрения ее устойчивости и потенциала реформирования в условиях глобализации и интенсивного роста китайского хозяйства. Предельно упрощая структуру дискуссии на эту тему, исходить следует, на мой взгляд, из того, что демократия использует властные механизмы для улучшения

положения людей. Поэтому нам нужно понимать, какая демократия сочетается с либеральными принципами и с личной свободой, что, на мой взгляд, является самой большой ценностью, так же, как независимые выборы. Сохранение власти коммунистической партии в Китай-

Диалог, на мой взгляд, конечно же, должен начинаться с идеи о том, что не существует единого пути, и что история – это не линейный процесс, не вектор, ведущий к некоей всеобщей истине

ской Народной Республике стало историческим исключением и в известном смысле противоречило гипотезе «конца истории» Фукуямы. Хотя иные азиатские государства (Япония, Южная Корея) благодаря экономическому развитию постепенно перешли от авторитарной системы к более демократической. Можно ли ожидать того же от Китая? В известном смысле, согласно современным китайским мыслителям, система коммунистической власти будет постепенно эволюционировать. Это, безусловно, соответствует и основным политологическим выводам о том, что рост экономики ведет к демократии посредством развития среднего класса. А именно расширение экономического выбора ведет к большей политической свободе. Это представляется логичным. Чем более мы отрицаем подотчетность правителей только Господу Богу или Карлу Марксу, тем очевиднее становится, что нет никакой иной альтернативы, кроме как заставить политиков быть подотчетными народу, а демократические технологии с этой задачей справляются. Поэтому, когда мы говорим об очевидном противоречии в Китае между экономическим раз-

Шарль Демют. Ланкастер. 1921

витием и авторитарной однопартийной системой, нужно мыслить эту проблему в эволюционном контексте, полагаясь на перспективу развития Китая до состояния более или менее демократического государства. Этому процессу безусловно препятствует, ведущая свое

начало от Конфуция, китайская система, именуемая политической меритократией. И один из известных американских политологов Дэниел А. Белл (который, кстати, не связан с известнейшим создателем теории постиндустриального общества, социологом Дэниелом

Беллом) исследует условия совместимости демократии и культуры конфуцианства. Может ли политическая меритократия, то есть, отбор руководителей по заслугам высокой морали и интеллектуальному потенциалу, а не путем выбора, стать легитимной процедурой наделения властными полномочиями? Белл практически противопоставляет головокружительную карьеру президента Обамы карьерному росту руководителя Китая, который восходил на вершину китайской власти в течение десятилетий аппаратной и номенклатурной работы. Так в течение десятилетий человек проходит тысячи очевидных и неочевидных тестов в самых разных ситуациях, чтобы взобраться на вершину. А при выборной демократии, эти тесты выдвигают только избиратели, причем главным образом в избирательный период.

Дебаты о меритократии как форме правления происходили и в Сингапуре. Причин несколько: изъяны демократии на Западе, развитие демократии в западных странах и, наконец, развитие китайской модели меритократического правительства. Минусы демократии хорошо известны, великая фраза Черчилля, что демократия — самая плохая форма правления, если не считать все остальные, знакома всем. Безусловно, один из главных изъянов демократического правления состоит в быстрой смене правительств и невозможности долгосрочного планирования. То есть, речь о том, как демократически избранные политики могут, словно в бизнесе, рассчитывать только на очень «короткие деньги» на короткий мандат в 4–5 лет. Еще один недостаток — это фактор нерешительности, который присущ соревновательной политической системе, подобной ЕС. Евросоюз не способен принимать в большом числе случаев консолидированные и быстрые решения, опасаясь ошибки ввиду бюрократического громоздкого

механизма и сложности процедуры согласования множества интересов. Так может ли меритократическая система стать легитимной в долговременной перспективе? Да, конечно, во всех западных обществах есть элементы меритократии. Так, например, можно утверждать, что в Великобритании таким меритократическим органом выступает Палата лордов, к которой я имею честь принадлежать. Необходимо понимать, что Палата лордов сегодня — это не орган, основанный на наследственном членстве, а на меритократическом отборе. Центральный банк и Министерство финансов также чаще всего основываются на меритократическом принципе отбора квалифицированных специалистов. Университеты — еще один пример меритократии. Аристократия в классическом смысле не была меритократической системой, но она применяла некоторые элементы этой философии. Палата лордов (верхняя палата. — *ред.*), например, не может приостановить какой-то законопроект Палаты общин, но может задержать его принятие на год, а не отменить. То есть, у нас не классический парламент, а фактически однопалатный с некоторыми законодательными полномочиями, предоставляемыми Палате лордов.

Белл ведет поиск различных проектов встраивания меритократических элементов в демократическую систему. Одна из проблем — установление критериев добродетельного правительства — до сих пор весьма неопределенного понятия. Этические стандарты и нормы правления фактически не поддаются анализу. Джон Стюарт Милль говорил, что выпускники университетов (люди с высшим образованием) должны иметь лишнее право голоса. Но, опять же, в какой мере это можно признать демократической процедурой? Такая система фактически существовала в Великобритании до 1945 года, когда у университетов был лишний представи-

тель в Палате общин. Мне в целом нравится идея старейшин, с точки зрения того, что я сам старею. Но мне кажется, что совет старейшин не может быть идеалом добродетели или достоинств, если говорить без иронии. Фридрих фон Хайек предложил два законодательных собрания: одно демократически избранное, другое — избранное, но имеющее только одну функцию — защищать Конституцию от вмешательства в нее демократически избранной палаты парламента. И члены такой палаты должны быть старше 45 лет. Один современный китайский теоретик предложил 3-палатный парламент, чтобы легитимность воспринималась как нравственно оправданное правление. Демократии сложно решать определенные проблемы, например, кризиса окружающей среды, изменение климата. Демократическая система состоит только из ныне живущих избирателей. Однако, очевидно, мы должны понимать, что будущие поколения, возможно, еще не рожденные, имеют право на представительство в наших парламентах. То есть, будущее нуждается в защите. Возможно, в парламентах необходимо предложить места иностранцам, у которых не будет права голоса. И пусть они не граждане, но они могут иметь право на совещательное участие. Итак, предлагается 3-палатный парламент: Палата народа, Палата регионов и Палата образцовых личностей (основана на их добродетели, достоинствах и компетенции). Фактически, это своего рода Палата академиков или ученых, которых избирают другие члены академического сообщества. И две из этих трех палат принимают законодательные акты.

Белл рассматривает эти сценарии и модели и говорит, что все они, в сущности, нефункциональны. С этим сложно спорить. Однако, он предлагает свой инте-

ресный взгляд на практику китайской системы власти: демократия на нижнем уровне, эксперименты на среднем уровне и меритократия на верхнем уровне. Он полагает, что именно так работает китайская система сегодня: конечно же, с коррупцией, с многими ошибками, но, так или иначе, так, наверное, сегодня и функционирует китайская политическая система. Такой тип политической культуры, в принципе, оправдан огромными успехами Китая в последние десятилетия. Мы должны это признать. Вопрос в том, может ли это стать моделью, подлежащей экспорту? Или это модель, годная только для одной страны в конкретный исторический период? Может ли Китай оказывать большее влияние на другие регионы мира, с точки зрения устройства их политической системы?

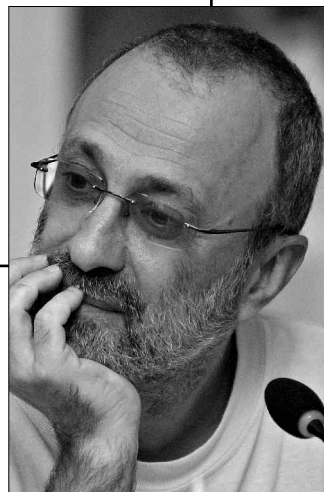
Итак, если предположить, что китайский проект — это «новый шелковый путь» и меритократическое правление, то придется признать, что это и большое пространство для конфликта, а не только для диалога и обобщений. Пожалуй, одно из препятствий на этом пути — убежденность Запада в том, что западные ценности должны доминировать, и что Запад не будет в безопасности, пока остальной мир не воспримет эти ценности. Это фактически западная идея о том, что мы здесь, на Западе, знаем, как нам развиваться, а вы только следуете за нами и должны нас догнать. Если вы этого не делаете — вы поступаете неверно. Диалог, на мой взгляд, конечно же, должен начинаться с идеи о том, что не существует единого пути, и что история — это не линейный процесс, не вектор, ведущий к некоей всеобщей истине. Скорее, это несколько путей, которые дают шанс для межкультурного общения, экономического взаимодействия и мирного развития.

Гражданское образование в контекстах мировой истории*

Контекст 4: Доиндустриальный город — гражданский поиск и первые эксперименты.

В знаменитой Энциклопедии Дидро и д'Аламбера статья «Гражданин» (Citoyen) была написана самим Дидро и опубликована в 3-м томе в 1753 году. В этом немало по объему тексте Дидро систематизирует накопившиеся к тому времени исторические знания о видах античного гражданства и предлагает свою версию понятия. Конечно же, по сравнению со средневековыми рассуждениями на близкие темы, Дидро делает громадный шаг вперед, но все еще остается в плену традиционных ограничений. Гражданство он разделяет на «урожденное» и «натурализованное» (т.е. приобретенное) и предлагает лишь только первое считать подлинным и полноценным. Женщин, детей и прислугу предпочитает именовать гражданами не «в полном смысле этого слова». В то же время он весьма последовательно проводит грань между «подданным» и «гражданином», делая между ними различие в характере юрисдикции: один поставлен перед государем, второй — только перед законом. Дидро метко подмечает: «Оба равно управляемы, но только один — физическим лицом, а другой — моральной сущностью»**.

И вдруг под конец Дидро завершает свое повествование совсем неожиданным пассажем: «Во время смут гражданин примкнет к партии, поддерживающей существующую систему; при распаде систем он последует за партией своего города, если она едина, а если в городе распря, он предпочтет ту партию, которая будет за равенство членов и свободу для всех»***. Казалось бы, — вполне здравый анализ с позиций зрелой либеральной идеологии. Гражданин в сухом энциклопедическом остатке — тот, кто исповедует ценности равенства и свободы, а значит он уже представляет менталь-

*Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического и
политологического
образования Института
социологии РАН*

* Продолжение. Начало см. в №2=3(68) 2015.

** История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. — Ленинград: Наука, 1978. — С. 85.

*** Там же. С. 86.

ный конструкт, а не некий объективный статус человека или просто функцию. Однако при этом, очевидно, что гражданин у Дидро все еще не самостоятельно действующий и рефлексирующий субъект. Возможно поэтому, его и незачем к этому гражданскому состоянию специально готовить?!

Во всем тексте Дидро так и не обмолвился ни словом об активности гражданина — ни в политическом, ни в гражданском пространствах не пишет он и о гражданском просвещении. Но пройдет всего полвека и даже в обычных толковых словарях Европы мы обнаруживаем уже совершенно иную и вполне современную трактовку гражданина. К примеру, в словаре Ноя Вебстера в статье «Гражданин» главный акцент сделан на его общественной миссии, понимании гражданской активности (*active citizenship*) — доктрине, которой с начала XIX века был придан особый философский статус. А, следовательно, всему этому необходимо обучать подрастающие поколения, для чего собственно в школах и осуществляется гражданское образование (*civic education*). Так что же произошло в Европе в этот период и изменило дискурс? Не предвосхищая ответа, отмечу лишь, что это было очень непростое, но, возможно, самое важное время для гражданских поисков и экспериментов нашей цивилизации.

В абсолютистских монархиях, особенно в XVI в., социальное качество «быть/считаться гражданином» фактически было приватизировано высшей бюрократией. Термин «элитистское гражданство» описывает именно этот причудливый феномен. Люди, которые учились в европейских университетах и других учебных заведениях с прицелом на карьерный рост на ниве государственного управления, по сути, только и получали адекватное своему времени гражданское образование. Смысл этого образования сводился к тому, чтобы на основе разнообразных научных знаний развить в молодом человеке устойчивую привычку выполнения своего государственного долга («гражданская лояльность»). Все преподаваемые дисциплины имели отныне свой аутентичный гражданский стержень (история, юриспруденция, риторика и т.п.). Иными словами, преподавание велось не для праформы, а с вполне прагматичной целью формирования особого класса «гражданской элиты». И старый режим в Европе это положение дел с *контролем и ограничением корпуса граждански просвещенных лиц* вполне устраивало. Более того, поскольку именно в это время в Европе реформационный дискурс был во всех отношениях главенствующим, то и религиозное воспитание предполагало научение человека «правильной» государственной религии. Но ход истории показал, что чем шире становился круг стран включившихся в реформационное движение, и чем глубже протестантизм проникал в культуру масс, тем очевиднее становился главный тезис эпохи: суверенитет принадлежит не монарху, а народу. Тем не менее, элитистское гражданское образование без особых изменений продолжило свое существование и позднее — в XVII–XVIII вв. А выработанные для воспитания гражданской элиты педагогические технологии доживут и до времени массового образования эпохи развитого капитализма.

Общество раннего нового времени пыталось нащупать новую повестку дня для гражданского образования. К концу XVI века для продвинутой части политических мыслителей стало очевидным, что ни семейное, ни частное

воспитание не создает «необходимых стране граждан». Нужны школы принципиально иного — связующего — типа, ориентирующих молодых людей не на войну, а на мирную жизнь, не на бунты, а на социальное сотрудничество («школы идентичности», как назвал их Жан Боден на исходе религиозных войн во Франции). А поколением позже Томас Гоббс в своем «Левиафане» (гл. XXX) вменит в обязанность именно суверену гражданское просвещение народа. Важно отметить, что с этого времени и до наших дней теоретическая мысль всегда будет на несколько шагов опережать реальные практики гражданского образования.

По большому счету исторической точкой отсчета современного гражданского образования можно считать 1524 год, когда Мартин Лютер публикует свое знаменитое письмо «Членам муниципального совета всех городов Германии о том, чтобы они основывали и поддерживали христианские школы»*, где страстно проповедует идею новых школ, в которых сочеталось бы христианское воспитание и гражданское образование. Власти извлекают из этого для себя выгоду в том, что растет число образованных и граждански ответственных жителей, а церковь получает возможность лучше и глубже учить детей христианской доктрине. Затеявая глубинную трансформацию общества, Лютер закономерно обращает взор к проблеме образования и полностью переносит ответственность за школы на муниципальные власти, разумно полагая, что ни родители, ни церковь не справятся с этой задачей. Первые — по разным причинам, в том числе и объективным, а вторые — зачастую не видели потребности в наделении христианского воспитания гражданскими смыслами. И, надо заметить, что очень многие ранние европейские города приняли озабоченность Лютера: образование буквально на глазах становится *имманентной частью городской политики*, а «гражданское понимание» их жителей — заботой суверенных властей**. В практиках новых школ христианское учение обосновывало фундаментальные положения гражданской доктрины и наоборот. Этот *просветительский синкретизм* оказался очень устойчивым и весьма долговечным, и в итоге именно он способствовал возникновению целого направления в интеллектуальной мысли раннего модерна — «гражданской религии» (civil religion)***. Примечательно, что этот термин настолько прижился в культуре западных стран, что и поныне используется в научно-просветительском дискурсе****.

Культурные и социальные последствия этой образовательной трансформации дали о себе знать незамедлительно. Динамично развивающиеся доиндустриальные города Европы преобразались быстро и существенно,

* Лютер М. Избранные произведения. — СПб: «Андреев и Сюзалие», 1994. — С. 164–184.

** Heater D. A History of Education for Citizenship. Ch. 2; Friedrichs Ch. R. Urban Politics in Early Modern Europe. — London — New York: Routledge, 2004.

*** Goldie M. Civil Religion of James Harrington // Pagden A. (Ed.) The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — P. 197–222.

**** Bellah R. & Alii. Habits of the Heart. Individualism and Commitment in American Life. — Berkeley: University of California Press, 1985; Cristi M. From Civil to Political Religion. — Waterloo, Ontario: Wilfried Laurier University Press, 2001.

Пол Стрэнд. Автомобильное колесо. 1917

несмотря на постоянство войн, незащищенность городов от природных катаклизмов и эпидемий. Мы отмечаем галолирующий демографический рост, урбанистическую и территориальную экспансию, развитие рынков, рост капитализации городов, торжество рациональных подходов к выработке внешней и внутренней политики, и при этом — резкое усложнение социальной структуры и нестабильность имманентного порядка. Если кратко сформулировать итог XVI–XVIII столетий, европейский город при-

обрел именно тот облик, который не изменился принципиально и поныне. Именно город становится в это время олицетворением исторического динамизма Европы и сосредоточением всего инновационного и творческого*. Словом, город окончательно переместился в фокус интеллектуального внимания современников, а слова «город» и «общество» зачастую использовались как буквальные синонимы.

В это время понятие «гражданин» становится предметом ожесточенных дискуссий. Под влиянием Жана Бодена европейские правоведы той поры разделяли статусы «гражданин города» и «гражданин государства» (*bourgeois, citoyen* — франц.), что отражало противопоставление суверенного государства городским общинам, которое, собственно, нивелировалось популярным для абсолютизма культурно-правовым термином «подданный». Формирующиеся национальные государства Европы предпочитали не иерархизировать население, а свести всех жителей до единой и однородной совокупности подданных**. А это в свою очередь ставило вопрос об унификации образовательных практик.

В середине XVII века шотландский проповедник и памфлетист, протестант и активный участник гражданской войны в Англии, член кружка реформаторов С. Хартлиба, Джон Дьюри (J. Dury) публикует трактат «О реформировании школы». Трактат горячо обсуждался в кругу единомышленников и был направлен, прежде всего, на обоснование предмета гражданского образования; автор об этом пишет уже не вскользь, как его предшественники, а систематически и абсолютно содержательно. Интересно то, что в тексте мы впервые сталкиваемся с «новой» педагогической логикой: правильное образование меняет социально-нравственные свойства управленческой элиты, а через нее мы влияем на общество, всем членам которого иначе невозможно дать гражданское образование. Государство у всех ранних реформаторов (включая и Яна Коменского) выведено за скобки педагогического дискурса, даже скорее, наоборот: само государство отныне инициирует нужные ему образовательные реформы. Дьюри, как и большинство его сторонников, пытался *реформировать, но не революционизировать* образование, и, возможно поэтому, он так и не вышел за пределы концепции образования для «гражданской элиты».

Таковым было, пожалуй, общее настроение всей доиндустриальной эпохи. Исключение представляет, пожалуй, только Джерард Уинстэнли, революционный лидер движения диггеров*** во время гражданской войны в Англии. В своем памфлете «О свободе» (1652 г.) он впервые в истории

* Картина в деталях, разумеется, была не столь однозначной и радужной, но на уровне общих тенденций, особенно в западной части Европы (Северо-Запад и Средиземноморье сильно отличались друг от друга), динамизм и креативность составили суть всей европейской урбанистической доиндустриальной истории. Подробнее см.: Clark P. *European Cities and Towns 400-2000*. — Oxford: Oxford University Press, 2009.

** Ридель М. *Бюргер, гражданин, бюргерство/буржуазия* // *Словарь основных исторических понятий*. — Москва: Новое Литературное обозрение, 2014. Т. 2. С. 15–20.

*** Англ. *diggers* (букв. — копатели) — крайне левое крыло революционной демократии в Английской буржуазной революции XVII века.

гражданской педагогики предложил концепцию *непрерывного гражданского просвещения*, от младенчества до глубокой старости, обосновывая ее тем, что сам гражданин взрослеет и меняется в социальном, политическом и нравственном смыслах, и поэтому ему нужны разные педагогические подходы. В центре его воображаемой конституции мы также впервые видим «активного гражданина» без каких-либо статусных отличий*. Очевидно, что Уинстэнли культурно слишком опережал свое время, чтобы оставить след в педагогической практике, но его яркие образы и радикальные идеи будут еще долго будоражить европейских мыслителей. А самое главное: он первым обосновал *возможность революционного подхода* к гражданскому образованию. Впрочем, до Великой революции его отделяло более столетия, а до этого европейскому обществу еще предстояло погрузиться в мир просветительских идей и образов**.

Просвещение создало в Европе уникальную культурную среду интеллектуального изобилия, чрезмерной избыточности новых имен, мыслей и публикаций. Это было время салонных коммуникаций, где новаторство, изящность и высокий стиль делали всю европейскую политику зависимой от незримой «республики философов». А мыслители Просвещения, за которыми внимательно следила вся образованная Европа, в свою очередь производили все новые и новые и, как правило, довольно объемные тексты со скоростью современных принтеров. Уследить за прогрессом интеллектуальной мысли становилось все сложнее.

XVIII век был непростым временем и для гражданского образования. И связано это было с тем, что впервые школа попадает под перекрестный огонь заинтересованных в ее развитии (трансформации) общественных и политических сил. С одной стороны, формирующиеся национальные государства (в лице абсолютной монархии) отстаивали свою концепцию «подданства» и стремились выработать под нее аутентичную образовательную политику. С другой, — церковь с ее устойчивыми представлениями о христианском долге и «небесном гражданстве». И, наконец, с третьей, — множество передовых литературно-философских кружков, настаивавших на модели «гражданина мира», просвещенного на основе принципов светской этики, ценностей свободы и естественных прав человека. У гражданской педагогики, казалось бы, появляется свободный выбор, но на практике эта псевдоальтернативность, скорее, выглядела, как серьезный гражданско-идеологический «конфликт интересов», и поэтому — конфликт дидактических целей, методов и инструментов. Гражданский поиск в эпоху Просвещения, конечно же, продолжился, но в предельно напряженной и противоречивой среде.

Университеты и школы в то время все еще находились под строгой опекой церкви, а во многих странах Западной Европы этот контроль был сконцент-

* *Об идеях и деятельности кружка реформаторов см.: Greengrass M., Leslie M. Samuel Hartlib and Universal Reformation. Studies in Intellectual Communication. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002.*

** *О политической судьбе и идейном наследии Уинстенли подробнее: Gurney J. Gerrard Winstanley. The Digger's Life and Legacy. — London: Pluto, 2012. Барз М.А. Социальная утопия Уинстенли. — М.: Наука, 1962.*

рирован в руках иезуитского ордена*. Сам орден, созданный в XVI веке Игнатием Лойолой, считал своей миссией максимальное распространение влияния католической церкви над всеми известными землями и народами. Лойола и его пассионарные последователи занимались масштабным миссионерством во всех частях света, одновременно конструируя самую эффективную в мировой истории образования педагогическую систему, ибо они не просто управляли школами и коллегиумами, но и решительно насаждали свой дисциплинарно-воспитательный метод, закрепленный в Уставе 1599 года, который не менялся со временем. Естественные науки повсеместно в Европе успешно развивались, прежде всего, в иезуитских научно-образовательных учреждениях и их вклад в возникновение со-

*Просвещение создало в Европе
уникальную культурную среду
интеллектуального изобилия, чрезмерной
избыточности новых имен, мыслей
и публикаций*

временной науки трудно переоценить**. Однако, в отношении гражданского образования, иезуиты, мягко говоря, были весьма сдержанными и, тем не менее, нельзя умалчивать их достижения и в этой сфере.

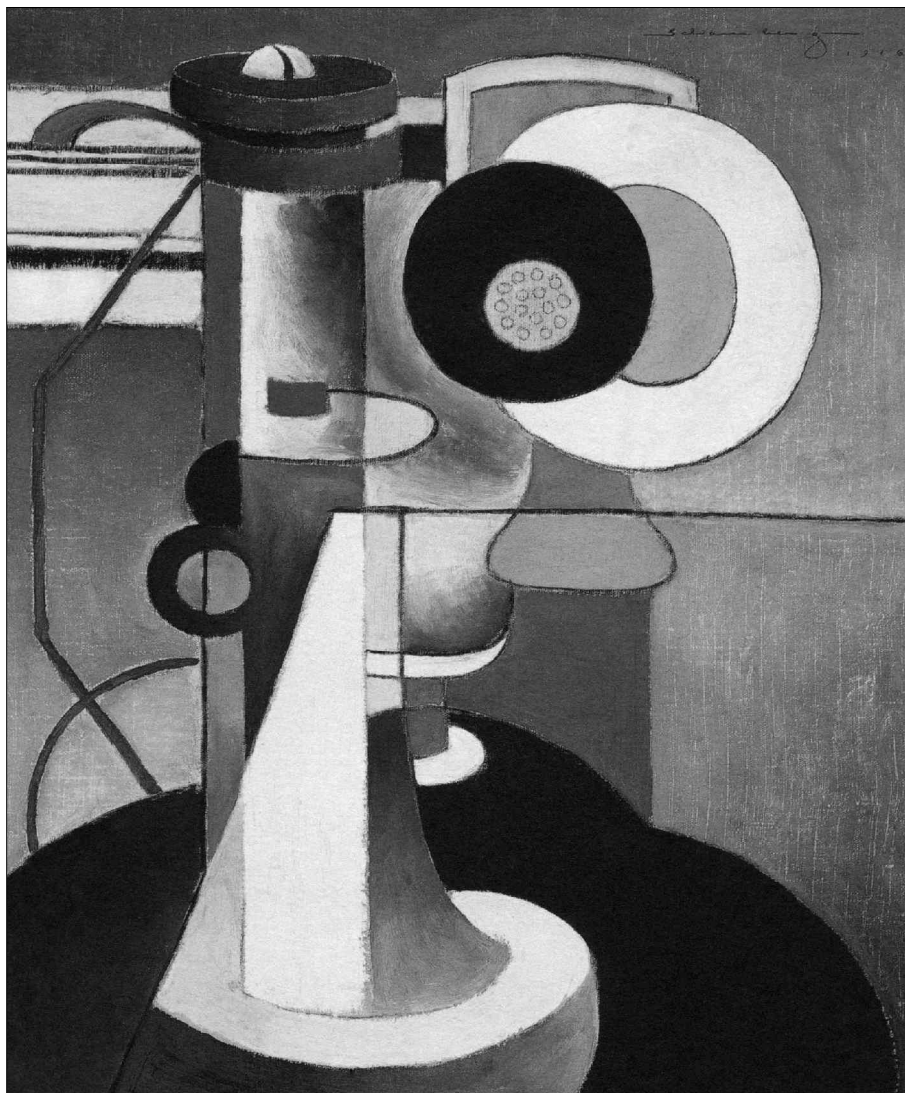
Гуманистический подтекст из содержания курсов по философии в иезуитских коллегиумах искоренялся, оставалась «голая» логика и диалектика. Гуманитарные науки преподавались без привязки к национальным государствам или городам. Воспитывая «христовых воинов», иезуиты строго придерживались унифицированного для всех учреждений школьного устава, регламентировавшего внутренний распорядок и содержание образования. В нем были предельно минимизированы общественные смыслы и, напротив, активно поддерживалось культурное образование (так называемые курсы эрудиции), ориентированное на отпрысков из третьего сословия в их стремлении выбиться в «людей чести», быть всегда готовыми компетентно поддержать любой серьезный разговор и выглядеть при этом «галантным человеком». Все это образование было выдержано в строгом, методическом и католическом духе, поддержанном практиками самодисциплины. А навыки наших современников в чтении и мнемонике, работе с книгой и конспектировании, ведении дневников, записей и резюмировании, словом те техники, без которых сегодня трудно представить себе интеллектуальную личность, — все это было тщательно разработано иезуитскими дидактами***.

Продвигая верных Риму людей в среду политической и административной элиты, иезуиты, по сути, меняли общество, делая его более образованным и

* Лучший очерк истории иезуитского ордена см.: Бемер Г. История ордена иезуитов. — М.: Издательство «Ломоносовъ» 2012.

** Udias A. Jesuit Contribution to Science. — New York: Springer, 2014; Feingold M. (Ed.) Jesuit Science and the Republic of Letters. — Cambridge: MIT, 2003.

*** Подробнее: Loach J. Revolutionary Pedagogues? How Jesuits Used Education to Change Society // O'Malley J. W. & Alii (Eds.) Jesuits II. Culture, Sciences, and the Arts 1540–1773. — Toronto: University of Toronto Press, 2006. — P. 66–84.

Мортон Шамберг. Телефон. 1916

благорасположенным к меритократическому, чем аристократическому, стилю управления. Иезуиты были нетерпимыми к абсолютной власти и бесстрашно пропагандировали доктрину «тираноубийства», что неизбежно привело их к конфликту с центральными властями, и в 1762 году иезуитский орден папским указом был запрещен. Иезуиты были обвинены в деятельности, наносящей вред христианской морали, нации и королевской власти, разрушающей основы гражданского общества и подталкивающей человека к неблагоприятным поступкам. Иезуитская модель единства христианского мира и образованного человека проиграла историческую битву тройственному союзу «король-нация-подданные». Неслучайно буквально в эти же 1760-е годы во Франции центральные власти проводят реформу всей системы образования, переориентируя ее на обслуживание победившей троицы.

Победа короля над иезуитами и их изгнание из образовательных учреждений мало повлияла на содержание образования, зато ознаменовала собой подлинное торжество концепции «подданства». Примечательно, что с начала 1760 годов гражданское образование становится предметом открытой и публичной дискуссии. Совершив значимый шаг вперед в секуляризации образования, концептуально оно по-прежнему оставалась в своих фундаментальных положениях весьма двусмысленным. С одной стороны, оно уже дистанцировалась от церкви, но с другой — отвергало и эгалитаристские подходы иезуитов. Хорошо известна мысль Вольтера о том, что нищие должны в принципе оставаться невежественными, ибо народом надо управлять, а не учить его. Его друг и известный борец с иезуитами янсенист де Ла Шалотэ в 1763 году публикует трактат «Опыт народного воспитания», в котором в равной мере подвергает критике как церковные школы, так и школы для бедноты.

Гражданского образования в обществе должно быть «в меру», ибо главное, чтобы оно не приводило к расшатыванию основ социального мироустройства. Эта умеренно просвещенческая позиция вполне устраивала власть и отвечала интересам концепции просвещенного «подданства»: нация и монархия в ней гармонично сливались. Ибо образование призвано готовить людей «для государства», а посему должно апеллировать к его законам и конституции, готовить к общественной жизни, быть христианами и, не в последнюю очередь, добрыми гражданами. А именно этой двусмысленности всегда избегали иезуиты. Но в этом важном для общественного прогресса деле полагаться на школы бессмысленно, эту функцию по подготовке населения к гражданской жизни должно взять на себя государство, — так, в частности, утверждал Руссо в своем знаменитом трактате «Общественный договор» (1762 г.). Впрочем, сам Руссо полагал, что наилучшей формой гражданского образования может быть только соучастие граждан в осуществлении политического управления (партиципация), а здесь все зависит от демократической корректности конституции той или иной страны.

Одним словом, подготовка к гражданской жизни в аспекте существующих барьеров и новых возможностей становится лейтмотивом французских образовательных реформ и дебатов 1760–1770-х годов. В этот процесс были включены буквально все — философы и публицисты, высшие государственные чиновники и даже сам король, которому Тюрго в 1775 году адресовал известное послание «О способах воспитания индивидов», в котором подробно разобрал процесс государственного формирования «нации граждан», как гармоничной и преданной престолу общности.

Однако дальнейшее развитие упиралось в туманность и многозначительность понятия «гражданин». Слово «Bürger» в немецком языке, например, обозначало: (1) «горожанин», (2) «член бюргерского сословия» (в отличие от дворян, клириков, крестьян и т.п.), (3) человек в его «специфическом качестве», и вообще (4) «подданный государства»*. Во второй половине XVIII века смысловая двойственность постепенно редуцируется и все отчетливее просматривается простая политическая дихотомия «поддан-

* Ридель М. Бюргер, гражданин, бюргерство/буржуазия // *Словарь основных исторических понятий*. С. 20.

ный versus гражданин». И их современники стали различать статусно, сословно и в правовом аспекте. Главный лозунг эпохи: «хороший гражданин» и «лояльный поданный» — определения принципиально отличные. В атмосфере европейских городов уже зрел революционный дух. А просвещенцы тем временем вкладывали в понятие «гражданин» все больше неформальное и культурно-нравственное содержание. Известное высказывание Дидро о том, что современные ему французские города полны горожан, но там почти нет граждан, — хорошее подтверждение этой тенденции. Радикально настроенный Руссо, во избежание путаницы, вообще предлагал вычеркнуть из лексикона слова «гражданин» и «родина»*. Наконец, отбросив все формальности, немецкий социальный философ и историк Юстус Мёзер прочитал в этой семантической дихотомии предельно наивное, но точное противопоставление «гражданин versus холоп», развив на этой основе любопытную теорию. Согласно Мёзеру, гражданское общество есть тип «акционерного общества», в котором все граждане — его акционеры. Холоп тоже остается человеком, но, увы, «без доли акций в государстве». Неравенство объяснялось разницей долей «акций» каждого конкретного человека, причем речь шла не только об имуществе и земле, но и личных талантах и заслугах**.

Обсуждение идей Мёзера совпало по времени с Великой французской революцией. Французское национальное собрание в 1789 году приняло Декларацию прав человека и гражданина и создало важнейший для всей последующей истории Европы прецедент — в основу гражданского общества были вновь положены права человека. Сословные привилегии и иммунитет были ликвидированы, статусы нивелированы. Но «человек» и «гражданин» оставались еще политически и юридически разведены. Гражданином необходимо было стать, это качество не давалось человеку по рождению или по факту своего социального существования. Буквально через два года после Принятия Декларации — в 1791 году, первая французская конституция предлагает, как казалось тогда всем, более корректное деление граждан на «активных» и «пассивных» (*citoyen actif, citoyen passif*). Впрочем, еще через два года конституция 1793 г. стерла между ними последние разделительные границы, объявив весь суверенный народ общей «совокупностью французских граждан». Так в предельно короткий срок вся европейская политика вырвалась из культурных оков старого режима, эмансипировала «гражданина» и открыла путь для не менее инновационных образовательных экспериментов. А самое широко употребляемое французскими революционерами слово «*citoyen*» в конечном итоге предопределило семантику всех последующих национальных трактовок «гражданства» в Европе, включая и российскую***.

* Там же. С. 24.

** Там же. С. 31–33.

*** Революционные импровизации с идеей «гражданства» во Франции вскрыли доселе невиданный культурный горизонт. В этом смысле все инновации, которые впоследствии в Европе получили правовую и политическую легитимацию, так или иначе своими истоками восходят к этому пятилетнему периоду бурных исканий. Самый подробный анализ этого сюжета см.: Waldinger R., Dawson P., Woloch I. (Eds.) *The French Revolution and the Meaning of Citizenship*. Westport: Greenwood Press, 1993.

Французская революция, действительно, ставит интересующий нас вопрос ребром: как образование может изменить общество? В течение трех с небольшим лет для публичного обсуждения было предложено около дюжины различных проектов реформирования образования. В их разработке принимали участие ведущие мыслители эпохи (Букье, Кондорсе, Лепелетье, Лавуазье, Мирабо, Ромма, Талейран, Шенье). Разумеется, все проекты — вне зависимости от политических взглядов их авторов — были пронизаны духом Просвещения и эгалитаризма. Школа освобождалась от политического диктата (Кондорсе) и мыслилась как внесловный институт, ориентированный на создание единой нации, а образование как средство общественного транзита из тирании в условия свободы (граф де Мирабо). Миссия публичного образования мыслилась ими очень современным и, прежде всего, как прививка молодому поколению новых гражданских чувств, моделей поведения и привычек. Она призвана была осуществить несколько задач: (а) обучение конституции, (б) овладение средствами ее защиты, (в) изыскание способов ее улучшения и (г) проникновение в моральные смыслы, на которых она базируется (Талейран). А проект Кондорсе предполагал беспрецедентную для западной истории институцию — *воскресные школы гражданства*, которые должны были быть открыты для людей всех возрастов и статусов*.

Перед французской революцией стояла фундаментальная задача, как культурно преодолеть старую модель политической легитимации и гражданской лояльности, одновременно вводя новую. Законодательной деятельностью он решали задачу денонсации старой модели, а с помощью массового просвещения — формирование новой. Решение, казалось бы, парадоксальное, но при этом крайне эффективное. Для этого христианские своды повсеместно заменялись республиканскими, в которых принцип веры трансформировался в универсальное знание, апеллирующее к общественному разуму**. Самое знаменитое наставление было написано писателем де ла Шабоссьером под названием «Катехизис республиканской философии и нравственности» (*Catéchisme républicain, philosophique et moral*), которое вышло в свет во втором году республики и выдержало после этого до конца XIX века еще 82 переиздания. Оно состояло из 37 фундаментальных вопросов общественного бытия, кратких и точных на них ответов, большинство из которых имело, разумеется, чисто гражданский смысл***. Этот катехизис лег в основу современного европейского языка гражданской ответственности.

При этом по мере усиления демократического крена внутри самого революционного движения, более радикальными становились и образовательные проекты. Впрочем, абсолютно большинство проектов отличалось непоследовательностью и откровенной идеологической неуверенностью.

* В Англии идея воскресных школ получит поддержку буквально в этом же году в лице радикального политического мыслителя Вильяма Гудвина. Heater D. *A History of Education for Citizenship*. Ch. 2.

** Velicu A. *Civic Catechisms and Reason in the French Revolution*. — Farnham: Ashgate, 2010.

*** Эта брошюра давно стала библиографической редкостью, но доступна в электронном виде на: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k49090r>.

Духовенство то исключалось, то вновь возвращалось в педагогический процесс. Женщинам и мужчинам предоставлялся неравный допуск к образованию. Принцип всеобщности образования так и не был закреплен законодательно. Образование то объявлялось государственным делом (на этом, к примеру, настаивал Робеспьер), то возлагалось на муниципалитеты и родителей. У одних лидеров было строгое и ясное понимание задач и миссии гражданского образования (к примеру, якобинец Барер считал «подготовку к гражданству» самой главной функцией образования вообще*), а у многих других по этому поводу существовали большие сомнения (в том числе и среди якобинцев). Проект Букье (1793 г.) тщательно регламентировал инструменты гражданского образования для взрослого населения — местные революционные коммуны, гражданские праздники, гражданские собрания и театры, школы гражданственности и республиканизма, и т.д.

Однако как только термидорианцы изгнали якобинцев в 1794 году, был окончательно принят образовательный проект очень умеренного толка с просветительской точки зрения, который, по сути, мало чем отличался от дореволюционной логики формирования «просвещенной нации». А в 1799 году Наполеон и вовсе отменил все гражданские праздники, кроме дня взятия Бастилии и учреждения Республики**. Ни один из поистине революционных проектов так и не обрел форму закона, и все эти образовательные эксперименты революции сохранились лишь на бумаге и в исторической памяти в назидание будущим поколениям реформаторов, которые, конечно же, черпали в них вдохновение в последующие столетия, да нередко вспоминают их и сегодня.

Впрочем, на фоне этих законодательных и идейных шараханий революция, тем не менее, создала важнейший прецедент для всего дальнейшего развития европейского гражданского образования. Она показала, как возможно мгновенное «погружение» страны в пространство новых гражданских смыслов, и почему для этого вполне пригоден метод *общественного террора*. Принуждение быть гражданином — главная технология французских революционеров в деле политического реформирования. Конечно же, это было насилием по отношению ко всякой отдельной личности. Но важно то, что это принуждение принципиально отличалось от афинского, когда жребием избирался человек для исполнения гражданских повинностей. Гражданский патриотизм революционной Франции был одновременно: (а) инструментом сословной борьбы (против врагов республики — реальных и мнимых), и (б) средством перевоспитания поданных в граждан.

Это был исторический период, по точному определению историка Д. Эдельстина, *террора естественных прав человека*. Все последовательные революционеры исходили из концепции о различии естественных прав

* Heater D. *A History of Education for Citizenship*. Ch. 2.

** Имперская политика Наполеона в Европе обернулась для большинства стран не только эксплуатацией и войнами, но и решительным разрывом со старым режимом благодаря, прежде всего, распространению гражданского кодекса. О том, как наполеоновская политика кардинально трансформировала Европу см.: Grab A. *Napoleon and the Transformation of Europe*. — New York: Palgrave, 2003.

человека, данных ему от природы, и контрактных, являющихся продуктом их представлений, ценностей и договоренностей. Следовательно, считали они, всякий человек, отвергающий или не принимающий теорию естественных (природных) прав является «врагом рода человеческого» и подлежал уничтожению без каких-либо юридических формальностей. Абсолютное большинство политических убийств (в том числе и через гильотинирование) было совершено по этому обвинению. Внутреннее обустройство Франции в период якобинской диктатуры было подчинено этой «гражданской картине мира». Эдельстин называет его «природным республиканизмом», который оправдывал общественный террор и, в конечном итоге, привел к термидорианскому перевороту*.

Объясняя «республику» законами природы, якобинцы вырвали французов из привычного для них состояния монархического подданства и обратили в состояние свободного гражданства. Конечно же, долго такое «гражданское насилие» продолжаться не могло, но его исторический опыт трудно переоценить. Вся Европа тогда на некоторое время отшатнулась от демократии и даже республиканизма, но культурный процесс дальнейшей гражданской либерализации остановить уже было невозможно. Многие страны впоследствии прибегнут к этой технологии скоростного гражданского перевоспитания и, как правило, с тем же негативным результатом.

В самом близком историческом цикле вся Западная Европа, под впечатлением не столько практики, сколько риторики французской революции, загорается идеей гражданского образования и довольно быстро распространяет ее, и не только в кругах передовых мыслителей. Речь идет не только о проникновении этой проблемы в философский дискурс (Фихте, Гумбольдт), но и о вполне конкретных, практически ориентированных сочинениях на тему «образование для государства», «образование во имя гражданского воспитания» и т.п. Под влиянием революционной терминологии меняется язык права, в англо-немецких юридических текстах термин «гражданин» закрепляется лишь к рубежу XVIII–XIX веков. Английский писатель и педагог Джон Пристли поколением раньше в своем сочинении «Опыт курсов либерального образования для гражданской и активной жизни» (1765 г.) не просто подводит итог своих личных исканий на ниве просвещения, но и вводит в лексический оборот такие новые понятия, как «гражданская история» и «гражданская политика»**.

Любопытно, что американский опыт того времени несколько отличался от европейского. Ранняя американская республика представляла собой очень децентрализованное государство. Единой образовательной политики в Штатах не существовало, школы были подчинены местным властям. Общество было разнородным этнически, культурно, религиозно и социально. Локальные гражданские смыслы не способствовали становлению общей солидарности в стране, и в большей степени отражали

* *Edelstein D. The Terror of Natural Rights. Republicanism, the Cult of Nature, and the French Revolution. — Chicago: The University of Chicago Press, 2009.*

** *Heater D. A History of Education for Citizenship. Ch. 2.*

интересы микрообщин в малых городках и поселениях. Гражданское общество в ранней Америке было развито гораздо сильнее, чем в Европе, но это общество состояло из конкурирующих друг с другом за влияние и контроль религиозных коммун, бизнес-объединений, фермерских групп, свободных ассоциаций и т.д. Их гражданский кругозор был чаще всего очерчен узко локально. И именно такой пафос гражданского локализма вкупе с либеральными идеями и культурным консерватизмом мы обнаруживаем в назидательных сочинениях Бенджамина Франклина*.

В то время вопрос о том, можно ли достичь политического целого (*unum*) из богатого культурного разнообразия (*e pluribus*), действительно стоял очень остро. Джон Адамс, который сменил Вашингтона на посту президента США, незадолго до этого события утверждал, что есть только один фундаментальный способ осуществления правильного гражданского образования в Америке. Все подрастающие поколения должны быть воспитаны в духе ценностей и на принципах свободы и осознания своего индивидуального долга, как человека, гражданина и христианина**. Его французские современники, как мы помним, были озабочены не столько свободой граждан, сколько их лояльностью короне и всей нации (как, например, Тюрго). А в американской гражданской культуре мы сталкиваемся с принципиально новым понятием — «просвещенное доверие» (а не просто лояльность), которое использовал первый президент Соединенных Штатов Вашингтон в своих публичных выступлениях, обосновывая характер граждански корректных отношений власти и общества, во имя которых граждан обучают правам и обязанностям. Можно сказать, что ранние федералисты практически опережали французских коллег по части наполнения гражданского образования конкретным предметом и миссией, но вплоть до конца XIX века все же интеллектуально подпитывались французским революционным духом и риторикой.

Наконец, англичанин Эдмунд Бёрк, не дожидаясь развития революционной эскалации, уже в 1790 году в своих «Размышлениях о революции во Франции» выступит против «философских фанатиков», полагавших, что религиозную веру и культурную традицию, стабилизирующих общество, можно заменить революционными культами, пусть даже и гражданскими по назначению. Нет! — страстно проповедовал Бёрк, — человека изменит только длительное и тщательное образование, которое делает его просвещенным, способным управлять собой, своими интересами и страстями, позволит познать смыслы общества, как «договора высшего порядка». И именно такое неспешное и систематическое образование он, в конце концов, назовет «гражданским» (*Civic Education*) и, тем самым, философски «закроет» этот долгий и запутанный исторический контекст досовременных гражданских исканий.

* *Gaustad E. S. Benjamin Franklin Inventing America. Oxford — New York: Oxford University Press, 2004.*

** *Heater D. A History of Education for Citizenship. P. 55.*

Необходимый и неизбежный выбор

Отношения России с Европой и в целом с Западом сегодня, мягко говоря, далеки от идиллии. Намеки на потепление к кардинальным изменениям пока не привели. Обе стороны остаются в состоянии взаимного недоверия и напряжения.

Впрочем, есть и относительно хорошие новости. Поворот в противоположную от Запада сторону носит скорее декларативный характер. Разрыв политического партнерства не привел пока к изменениям на уровне повседневной жизни (если не считать ограничения ассортимента продуктов в результате торговых санкций со стороны России). Антизападная истерия в масс-медиа не затрагивает конкретных практик людей, по-прежнему ориентированных на европейскую моду, технические достижения и бытовой комфорт, ассоциирующихся с западным образом жизни. Объявленный «поворот на Восток» провалился. В Азии Россия нашла очередную войну (на территории Сирии) и нового врага (в лице Турции). При этом Пекин на тесный союз с Москвой не спешит, предпочитая вести Новый шелковый путь из Китая в Европу мимо территории России, через Центральную Азию и турецкий Карс. Соседний Иран постепенно выходит из-под западных санкций и планирует заняться демпингом на нефтяном рынке — вряд ли это повод для тесного союза.

Меж тем, и в военной операции в Сирии, и в конфликте с Турцией Россия все сильнее нуждается, как минимум, в координации своих действий с НАТО и другими структурами евроатлантического сообщества. Текущий конфликт России и Запада еще далеко не исчерпан. Более того, не исключены его новые раунды. Однако в среднесрочной перспективе это может привести к довольно неожиданному результату, когда очередное «возвращение в Европу» снова станет главным в политике России.

*Василий Жарков,
кандидат исторических наук*

Парадоксы российской действительности

Если отвлечься от ленты новостей, просто выйдя на улицы Москвы, то можно увидеть явное несоответствие двух картин. Меньше всего российская столица похожа на осажденную крепость, а ее жители не выглядят как люди, участвующие в войне, тем более с Западом. Кроме вызывающих все меньше доверия данных социологических опросов, нет ничего такого, что бы выдавало в русском человеке желание «вернуться к Европе задом». Напротив, таким европейским городом, как теперь Москва не выглядела, пожалуй, никогда. Несмотря на риторику, власти наши так и не избавились от старого бремени «единственного европейца». Иначе как объяснить повсеместное насаждение велодорожек, на которые большинство обывателей реагируют с таким же недоумением, как некогда на указ брить бороды и первые петровские ассамблеи. Не говоря уж о том, что ухудшение отношений с Западом странным образом совпало с ростом моды на преподавание на английском языке и требованием зарубежных публикаций, которыми российские ученые должны теперь отчитываться едва ли не в обязательном порядке.

Россия почти воюет с Западом, но посмотрите, по каким образцам реформирована российская армия? Чьим «солдатам удачи» подражают наши «вежливые люди», чьи ошибки спешат повторить те, кто отправился, бомбить арабов на Ближний Восток? А кто научил наших генералов показывать журналистам российские базы в Сирии, не опыт ли американцев в Ираке? Да и пресловутое «Киселев-ТВ» разве не скопировано с форматов массовых дешевых телеканалов в Америке и Европе? Нынешняя российская пропаганда — лишь доведенная до крайности, еще более вульгарная копия

западных аналогов. Войну с Западом, таким образом, российское руководство пытается вести, опираясь на заимствованные технологии, воспринятые и понятые специфическим образом.

Станным все это может показаться лишь на первый взгляд. Если мы внимательно посмотрим на свое прошлое, то ничего удивительного в наблюдаемом парадоксе не обнаружим. Все как раз достаточно стандартно. Более того, не исключено, что хотя бы одному из живущих ныне поколений, а может быть и всем, удастся увидеть не просто очередное, но окончательное «возвращение в Европу», которое Россия с переменным успехом пытается осуществить в течение последних едва ли не пятисот лет.

Существующий конфликт с Западом может быть объяснен как естественное продолжение не прекращающейся европеизации России. Более того, его результатом станет вовсе не поворот куда-то в сторону от Запада, а, скорее всего, более тесное с ним сближение. Такова гипотеза, подтверждаемая на материале истории.

Война как способ стать Европой

Начать можно с самого очевидного примера, с реформ русского царя Петра I, которому отечественные «западники» обычно воздают должное в качестве родоначальника европеизации России. Собственно, о выходе из средневековья и начале зрелого Нового времени применительно к истории нашей страны с уверенностью можно говорить именно с петровской эпохи. И эта новая эпоха, несомненно, связана с прорывным приближением России к Европе, что проявилось во многом: от перехода на европейский календарь и европейского платья на офицерах и солдатах до европейской науки, литературы, живописи и архитектуры, появление которых коренным образом

отличает Русь допетровскую и послепетровскую Россию.

Разумеется, правы будут те, кто возразит, что петровские реформы европеизировали Россию, хотя и масштабно по сравнению с предшествующим периодом, но все равно лишь частично. Изменения коснулись, прежде всего, армии, государственного аппарата, царского двора, служилого сословия дворян и верхушки богатых горожан. Правда и то, что многие заимствованные из Европы институты, такие как рекрутская армия и централизованная бюрократическая структура аб-

солютной монархии, довольно скоро в наиболее передовых европейских странах были заменены на другие, в то время, как Россия оставалась оплотом «старого порядка» практически до Первой мировой войны.

Все так — европеизация и модернизация для России по-прежнему означают практически одно и то же. И то, и другое до сих пор происходит, во-первых, фрагментарно, затрагивая лишь отдельные сферы и социальные группы (с каждым разом все большие), во-вторых, путем заимствования в Европе далеко не всегда самых передовых образцов.

Не менее важно, однако, другое. Те, кто превозносит роль Петра, «прорубившего окно в Европу», как и те, кто его за это осуждает, и даже те, кто видит ограниченный и незавершенный характер петровской модернизации, обычно не соотносят в единой картине два факта. Первый пример ускоренной и радикальной европеизации России происходил на фоне ожесточенной борьбы с одной из сильнейших на тот момент европейских стран. Северная война со Швецией, начавшаяся аккурат в 1700 году, продолжалась 21 год, большую часть времени самостоятель-

но правления царя Петра. Ни для кого из историков не секрет, что наиболее важные петровские реформы проводилась под влиянием этой войны, ставшей едва ли не главным стимулом всех преобразований. Если до нее европейские новации выглядели скорее, как царская забава, то в

Конфликт России и Запада далеко не исчерпан. Однако он может привести к довольно неожиданному результату, когда очередное «возвращение в Европу» снова станет главным в политике России

ходе противостояния с одной из наиболее мощных европейских сил, заимствование шведского опыта, как и опыта всей Европы, стало необходимым условием успешного ведения боевых действий. Европеизация при Петре I, как мы видим, была следствием прямого столкновения России с европейской культурой.

Европейская реформа Петра неотделима от войны с Европой. Это звенья одного процесса, где амбиции участия в европейской политике ведут к столкновению с европейской силой, а само это столкновение служит драйвером ускоренной модернизации и, как следствие, европеизации. Преодолевая изоляцию, Россия сталкивается с какой-то частью Европы или, как сегодня, с Западом в целом, но само это столкновение не отталкивает, а наоборот приближает, как минимум, на уровне восприятия опыта. Не удивительно, что итогом Северной войны и всей петровской эпохи стало более активное участие России в международных делах, в качестве одной из собственно европейских держав во главе с правящей династией и элитой, чья европейская принадлежность больше не вызывала серьезных сомнений и возражений.

Валерий Барыкин. Ударно поработала, культурно отдохни! 2013

Впрочем, царь Петр был вовсе не первым русским правителем, кто постучался в двери европейской политики. Станным образом «прубленное окно» появилось примерно через два столетия после того, как состоялось первое «возвращение» России в Европу.

Изобретение «особого пути»

Несмотря на все объяснения российской исключительности никуда не девается вопрос, можно ли считать Россию частью Европы или нет. На примордиальном уровне европейская принадлежность

доказывается, пожалуй, даже лучше, чем на конструктивистском. Никакой Европы в современном смысле этого слова еще не существовало, как и не существовало России в том виде, как ее описывают, что наши «западники», что «славянофилы», но равнины, переходящие практически всюду одна в другую с востока на запад европейского континента, были всегда: четкой географической границы между Европой и Россией нет. Не удивительно, что на всем этом пространстве некогда расселились преимущественно племена индоевропейцев, а чуть позже в тех же географических пределах — условно от Атлантики, сначала до Волги, а позже и до Урала — утвердилось христианство. Так что теперь Европа для китайцев начинается за Амуром, собственно у нас, в России.

Различия проявляются в частности. Если Паннония, относительно небольшая низменная равнина на среднем Дунае, занятая около 1000 года, пришедшими из-за Урала, венгерскими племенами, считалась «прихожей» Европы, то восточнославянским племенам, предкам русских, украинцев и белорусов досталось место на лужайке и в саду. Просторно, но холоднее и менее защищенно. На холод, впрочем, как и на удаленность от согревающих европейскую душу античных руин, не меньше нашего могут пожаловаться финны и шведы. Куда больше проблемой на протяжении первых столетий русской истории оставалось соседство с азиатскими степями, откуда исходила действительно смертельная опасность. Монгольское нашествие XIII века, став едва ли не последней волной Великого переселения народов в Евразии, не двинулось много западнее все той же Паннонии, зато полностью разорило земли Древней Руси. Превращение северо-восточных славянских княжеств в улус Золотой Орды разными историками трактуется как первое реальное отделе-

ние России от культурного и политического пространства Европы.

Парадоксальным образом, многие русские сегодня не боятся Европы как какой-то страшной угрозы, наоборот, считают ее слабой, иногда даже достойной сочувствия. Но при этом к европейцам, к тем, кого с древних пор называют «немцами», относятся, как правило, с пиететом, уважая их технические знания и материальное благополучие, а то и завидуя. Не последнюю роль в этом, вероятно, играет коллективная память, уходящая корнями в средневековье. Феодалные, вечно дробящиеся, воюющие друг с другом королевства и рыцарские ордена не могли представлять какой-либо реальной опасности, не претендовали всерьез на русские земли. Отдельные попытки экспансии, как хрестоматийно известная высадка небольшого отряда шведов на Неве или захват Пскова тевтонами в 1240 году, при первом же серьезном сопротивлении останавливались. Соперничество очень быстро менялось на сотрудничество, как это произошло в отношениях Ливонии и Новгорода.

Другое дело, что на пути России в Европу лежал синдром отставания. Выйдя в конце XV века из 300-летнего ордынского ига, объединенное вокруг Москвы Российское государство по форме, конечно, напоминало централизованные монархии Западной Европы. Но с точки зрения институтов, технологий, духовной и материальной культуры, оказавшаяся на пороге раннего Нового времени, Московия все еще оставалась в европейском же раннем средневековье. Рыцарские и цеховые правила, магдебургское право и городские вольности, университеты и европейский гуманизм — отсутствие всего этого ставило Россию вне Европы не географически и не расово, но структурно. Примерно тогда же в Московском царстве был сконструирован первый собирательный образ Запада как

пространства «неправильного» христианства, отклоняющегося от основ православного «Третьего Рима». С точки зрения этой и последующих мессианских доктрин, время от времени охватывавших русские умы, Запад был обречен погибнуть, однако вопреки идеологическим построениям он не только продолжает существовать, но остается примером развития для всего мира, включая Россию. Приобретение изначально отсутствовавших, но необходимых для существования и развития институтов составляет содержание российско-европейских отношений на протяжении всей истории Нового времени до наших дней, где сначала отдельные европейские страны, затем Европа как более-менее единое понятие, наконец, Запад целиком — выступают интеллектуальным и технологическим донором догоняющей России. При том, что совпадения структур не получается достичь по сию пору.

Незавершенная европеизация

Каждый раз Россия «возвращается» в Европу, так происходит на протяжении едва ли не половины тысячелетия. При всем скепсисе в отношении цикличности истории, нельзя не обратить внимания: примерно каждые 100 лет, с конца XV века, на рубеже столетий Россия переживала волны все большей и большей европеизации.

Сам факт образования Российского централизованного государства, правители которого в поисках легитимности власти апеллировали к европейской и даже древнеримской истории, по опыту соседних европейских государств издали законодательный статут, разделив подданных на сословия и через какое-то время начав собирать их представителей на Земские соборы — все это, как и «прилетевший» из Европы двуглавый орел, в более позднем описании выглядело именно «воз-

вращением в Европу». Путь, увы, оказался долгим. В конце XVI века Борис Годунов отправил на учебу за границу первых дворян, почти на полстолетия в России установилось подобие выборной монархии, как в соседней Польше. Конец XVII века, помимо собственно, кануна петровских реформ ознаменовался первым участием России в европейском союзе против турецкой угрозы. В конце XVIII столетия были уже и Московский университет, и дворянские вольности и даже городские советы, так что выход на сцену русской интеллигенции с едва ли не первым вопросом о месте своей страны в Европе оказался вполне закономерным. В 90-е годы XIX века, оставаясь в залоге политической реакции, Россия, тем не менее, пережила мощную волну индустриализации, когда экономические реформы графа Витте открыли дорогу западным инвестициям в экономику. В недавние «лихие 90-е» мы о таком лишь могли мечтать, но и опыт последних десятилетий для многих в России связан с приобщением ко все новым и новым практикам, приходящим несомненно с Запада, из Европы.

Этот транзит России, занявший последние полтысячелетия, не был, конечно, линейным и бесконфликтным. Каждая волна европеизации вела к тому, что Россия начинала чувствовать в себе новые силы, и, как следствие, проявляла большие амбиции на международной арене. Подобная ситуация сама по себе не могла не вести к столкновению с другими силами — в первую очередь в соседней Европе. Каждая волна европеизации сопровождалась очередной войной, и независимо от того, чем эта война заканчивалась для России, поражением, как Ливонская и Крымская, или победой — война с европейцами заставляла у них же и учиться. Этот механизм мы наблюдаем в действии и сегодня с известными поправками на ситуацию, когда открытое военное противостояние с За-

падом вряд ли возможно. Уместен, однако, вопрос, как долго еще Россия будет «возвращаться», заимствуя у европейцев все больше и больше, но так и не составляя с ними целого?

Глубокое отчаяние сегодняшних российских западников, как и агрессивное мракобесие сторонников «особого пути» смотрятся особенно странно на фоне того, как на самом деле далеко зашла российская европеизация. Но чем ближе становится Россия к Европе, тем острее и болезненнее чувствуется разница. Рефлексия, начавшаяся с Радищева и Карамзина в 1790-е годы, полвека спустя расколола русскую интеллигенцию на «западников» и «славянофилов», затянувшийся спор которых сегодня достиг, пожалуй, вершины фарса. Последние слова партии противников Европы должны были прозвучать именно так, как они звучат сегодня, чтобы все запомнили — нет ничего более пустого и бессмысленного, чем апология «особого пути» и прочие сегодняшние, какие-то уже постнеославянофильские измышления.

Меж тем, за шумом о «цивилизационных различиях», «закате Запада», «особом культурном коде», «почве» и только что не другой группе крови, скрывается простая и всем очевидная истина. Сегодня Россия не Европа, или, вернее сказать, не вполне Европа, не потому, что в ней построено недостаточно много велодорожек, а потому что все эпизодические заимствования обходят стороной то главное, что мы давно уже должны были бы перенять из повседневной европейской практики. Речь, страшно сказать, о современном европейском государстве, или о демократии, как ее принято понимать сегодня на Западе и во всем развитом мире.

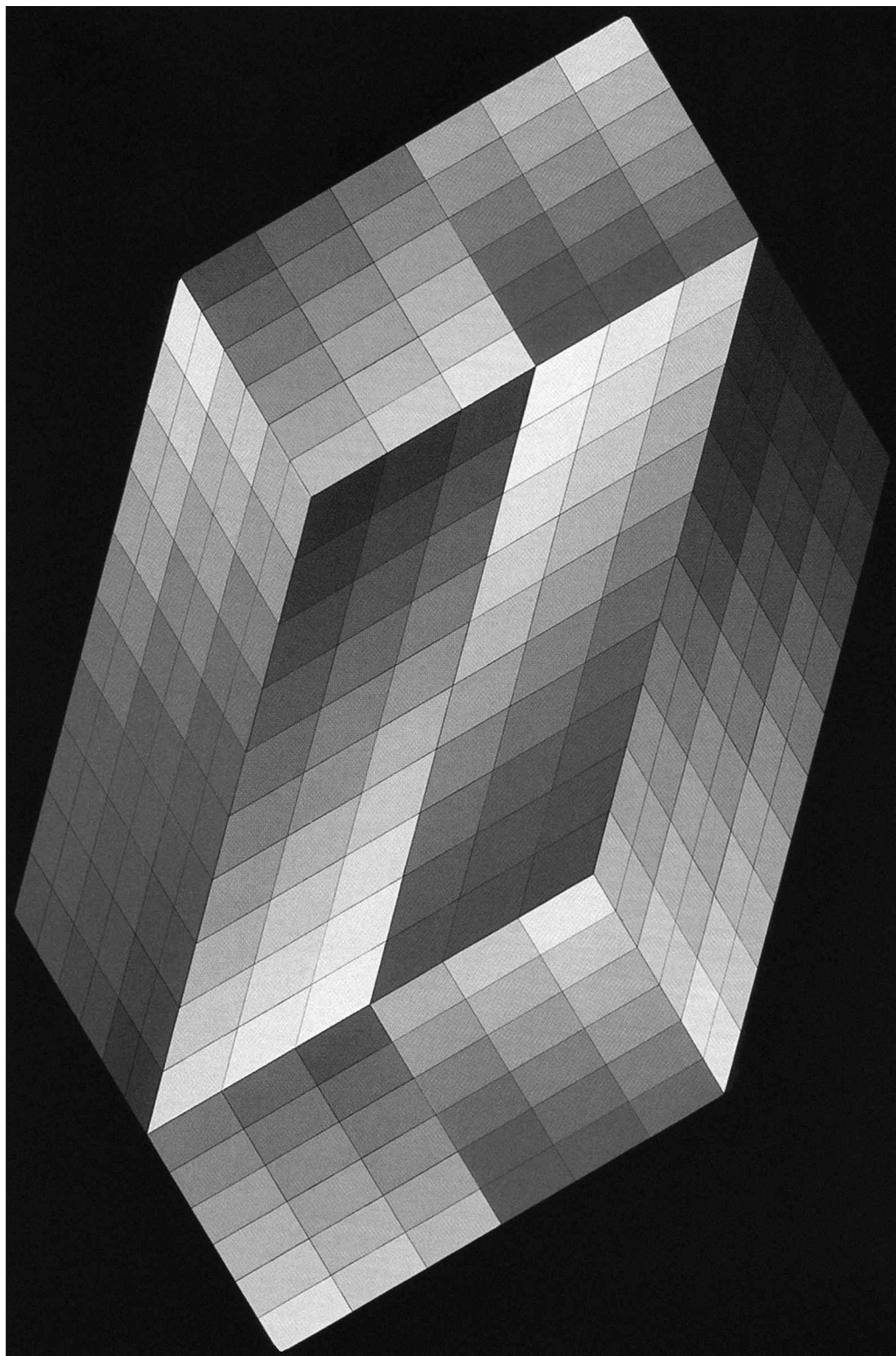
Российская феодальная империя, российская военно-феодальная бюрократия и

российская феодально-зависимая интеллигенция на всех этапах своего существования игнорировали самое важное и самое сложное — европейскую рационалистическую традицию понимания политики. Потому мы до сих пор не в состоянии решить задачи, элементарные для

*Мы до сих пор не в состоянии
найти баланс между свободой и законом,
признав необходимость правового
равенства без исключений*

любого европейского школьника: найти баланс между свободой и законом, понять естественное происхождение равенства притязаний, признав необходимость правового равенства без исключений. Восприняв однажды демократию исключительно как «власть народа» и проигнорировав при этом принцип верховенства закона, мы, похоже, разуверились в возможности демократического правления как такового, видя в нем лишь временную стадию «отсутствия порядка» при переходе от одной тирании к другой. Не говоря уж про упорное непонимание, почему разделение властей, сменяемость правителей, независимые суды, свобода слова, соблюдение прав человека не только не ослабляют государство, но наоборот, укрепляют его как ничто другое.

Доминирующим идеалом «сильного» государства остается империя Николая I, проигравшая первую крымскую войну. В период его правления, между прочим, Россия состояла в европейском союзе. Это был Священный союз европейских императоров, сложившийся после победы над Наполеоном. Однако кончилось все взаимной обидой. Русский царь не хотел считаться с переменами, происходившими в мире, как огня боялся революций и демократии, лелеял крепостни-

Виктор Изарели. Торони-N. 1970

чество и укреплял «черту оседлости» — в результате потерял всякое уважение в Европе и вместо победителя стал изгоем. Как результат, поражение в большой войне, когда против России объединились практически все ведущие европейские державы.

Задача, которую нужно решить

Итак, наблюдаемый конфликт России с Западом служит побочным эффектом российской модернизации и одновременно стимулом для ее продолжения. Окончательное преодоление сохраняющегося разрыва с Европой зависит не от географии и не от прошлого, а от изменения мировоззрения российского политического класса, а также от создания современной конкурентной и правовой политической системы. Сама Европа продолжает демонстрировать примеры развития в самых разных областях, базирясь на своем главном преимуществе, связанном с демократической политической структурой. Возможность построения подобной структуры остается, несмотря ни на что, и у сегодняшней России. Более того, именно сейчас наша страна, как никогда, близка к реализации исторической задачи, требующей решения вот уже несколько столетий.

Уникальность текущей ситуации заключается в том, что Европа больше не может угрожать России. Разумеется, не потому, что Европа слаба — принципиально изменилась структура ее внутренней и внешней политики. Тот Европейский союз, с которым граничит теперь Россия, больше не союз империй, действующих на основании принципов *real politic* XIX столетия. Это — скорее описанная у Канта «федерация республик», целью которой является поддержание взаимного мира не на основе подчинения одних и господства других, а в соответствии с принципами равноправия и

защиты свободы каждой входящей в такой союз страны. Этот проект нельзя назвать лишенным недостатков, но несмотря на все трудности он продолжает существовать и развиваться, выступая ориентиром для всего остального мира.

В сегодняшней Европе, на долю которой пришлось едва ли не большинство войн Нового времени, трудно представить боевые действия между Германией и Францией или Германией и Польшей — то, что никого не удивило бы еще менее столетия назад. Европейская интеграция в последние без малого 70 лет и собственно Европейский союз коренным образом изменили европейскую политику и саму Европу. Основой для этого стало повсеместное установление того, что у Канта названо «республиканским способом правления». Такого внутреннего порядка, который предполагает личную свободу, верховенство закона и равенство перед ним всех граждан, разделение властей и представительную форму правления. Подобный способ правления включен ныне в обязательный стандарт, по которому европейская страна может быть отличена от неевропейской. Корень сегодняшних проблем в отношениях с Европой состоит не в воображаемой военной угрозе с Запада, а в различиях между способами правления.

По-прежнему пытаюсь догнать Европу, Россия постоянно застревает в европейском прошлом, избегая ответов на давно назревшие вопросы и соответствующих направленных в будущее шагов. Сможет ли Россия осмыслить очевидные и необходимые для себя реалии? Хватит ли у нас на это исторического времени? Шанс во всяком случае остается. Очень важно не упустить момент, когда откроется очередная возможность для структурных изменений. Войти в Европу в политическом смысле слова сегодня означает стать демократией. Однажды это просто надо сделать, добившись давно требуемого результата.

Замечено: в последнее время в мире все чаще нормой становятся «двойные стандарты» в суждениях, поступках, действиях политиков, сообществ, целых стран. Насколько такая амбивалентность исходит из двойственности морали, критерии которой до сих пор вызывают трудности адекватного обоснования? Выпускники Школы гражданского просвещения, в рамках проекта «Круг чтения» обсуждая книгу Х. Арендт «Банальность зла», в ходе дискуссии пытались ответить на вопросы, связанные с отсутствием в нашей жизни определенности в моральных оценках и категориях применительно к различным событиям и взаимоотношениям людей в социальной среде.

Банальность зла и «гибридность» морали

*Дмитрий Шевчук,
кандидат философских наук,
доцент Национального университета
«Острожская академия» (Украина):*

— «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме», пожалуй, одна из самых обсуждаемых книг Ханны Арендт со времени ее издания в 1963 году, вскоре после судебного процесса в Иерусалиме над Эйхманом в 1961 году. Автора обвиняли в том, что она «с презрением относится» к жертвам Холокоста и к государству Израиль. А в наше время обсуждение книги и ее автора снова оживилось после выхода на экраны художественного фильма «Ханна Арендт» (2012, реж. Маргарете фон Тротта). Шейла Бенхабиб, отмечая этот факт, достаточно красноречиво назвала свое эссе, опубликованное в сентябре 2014 года, «Кого судят — Эйхмана или Арендт?»*. Продолжающиеся дискуссии на эту тему в какой-то момент даже были названы «гражданской войной интеллектуалов», об этом напоминает, в частности, израильский писатель Амос Элон в предисловии к украинскому переводу «Банальности зла».

Уместно обратить внимание на то, что в названии русского и украинского переводов книги на первое место поставлен подзаголовок оригинала — «Банальность зла». К этому можно относиться, как к попытке актуализировать проблематику, над которой размышляет Арендт, в виде некой «этической ловушки» современности. Но в любом случае заголовок требует осторожного прочтения, поскольку иначе автор «встраивается» в определенную идеологию. Например, в российском издательстве «Европа», где перевод книги вышел в 2008 году, в аннотации к изданию говорится об актуальности темы Холокоста и проводится параллель с «кровавой попыткой тбилисской власти создать “Грузию для грузин”» и о

* См.: <http://gefter.ru/archive/13298>

стремлении Запада «приватизировать тему преступлений против человечества, используя Гаагский трибунал как однонаправленный инструмент».

Между тем, согласно Арендт, право и мораль сближает то, что обе эти сферы связаны с суждением, и ее репортаж о суде над Эйхманом не мог обойти вниманием проблемы морали. Поясню сказанное.

Дело в том, что в обсуждаемой книге в тот период, когда она писалась, неявно выражен интерес Арендт к «Критике способности суждения» Канта, который она хотела реализовать в виде трилогии «Жизнь ума». Она должна была включать три части: «Мышление», «Воление» и «Суждение», но Арендт успела написать только две. Третья часть была реконструирована на основе ее лекций и эссе, впервые опубликованных в 2003 году в сборнике «Ответственность и суждение» (Responsibility and Judgment). В них она обращается к фундаментальным вопросам о природе зла и моральном выборе и анализирует человеческую способность отличать правильное от неправильного. Сборник позволяет проследить понимание Арендт того, что наряду с радикальным злом, описанным ею в более раннем анализе тоталитаризма, существует более опасное, не зависящее от политической идеологии зло, которое может твориться бесконечно.

Рассуждения о суждении оказываются, таким образом, связанными с «репортажем» о процессе над Эйхманом, поскольку они касаются проблемы нравственного выбора, вопроса ответственности, создания и разрушения нравственного порядка. Можем ли мы утверждать, что речь идет о попытке понять человеческую способность различать добро и зло, если наши взгляды в значительной степени подвержены воздействию среды? Почему в один прекрасный день могут очень легко наступить «темные времена», когда нравственный порядок легко разрушается, а сама мораль начинает означать не более чем легко изменяемые обычаи, манеры? Как мы можем судить о прошлом, о событиях, которые осуществлялись без нашего присутствия?

«Банальность зла» — это книга о зле и его олицетворении. Поэтому закономерно напрашивается вопрос: каким был Адольф Эйхман, руководитель отдела IV-B-4 гестапо, который занимался налаживанием взаимодействия с евреями, организационными вопросами, которые касались «Окончательного решения» еврейского вопроса в III Рейхе и на оккупированных им территориях. Эйхман, который стал своеобразным символом нацистского зла почти наравне с Гитлером? Образ монстра, который мы видим, например, в фильме «Эйхман» (2007, реж. Роберт Янг). Здесь он хитрый, циничный маньяк, готовый убить еврейского младенца ради прихотей своих любовниц, носит перстень, изготовленный из золотых коронок узников, и утверждает, что лучше всего капуста растет в Освенциме: там земля удобрена человеческим пеплом. Понятно, что в кино «мерзавец» должен быть эффектным. Однако этот образ не случаен: именно таким воспринимали Эйхмана многие. Поэтому «суд над монстром» выполнял определенную терапевтическую роль наподобие существующих в некоторых культурах ритуалов избиения или сожжения дьявола. Но Арендт показыва-

ет, что зло на самом деле скрывается в банальности и нормальности. Эйхман в ее книге не выглядел не кровожадным: пожилой, невысокого роста, худой, с залысынами, плохими зубами, во время процесса все время тянул шею к судьям и ни разу не повернулся к зрителям, сохранял внешнее спокойствие, но нервный тик пробегал по его губам. О себе Эйхман рассказывал как об уязвимом человеке, убеждая, что ему очень трудно было выдержать «экскурсии» по концлагерям. А психиатры, проведя необходимые обследования, констатировали полную нормальность Эйхмана, отметив его безупречное отношение к жене и детям. Никаких признаков моральной или правовой патологии! К тому же Эйхман убеждал, что он отнюдь не был юдофобом, не испытывал фанатичного антисемитизма, лично никогда ничего не чувствовал против евреев.

Такая «нормальность» поставила перед судьями дилемму: как можно понять, что вполне нормальный человек не смог в свое время отличить добро от зла? Разве может быть так, что тот, кто ведет себя как Эйхман, не является циничным и лживым человеком? Х. Арендт замечает, что дело о его преступлениях по сути основано на предположении, что подсудимый понимает преступную природу своих поступков, поскольку он вполне нормальный человек. Она пишет: было так много людей, подобных ему, которые «не были ни извращенцами, ни садистами, они все еще были невероятно и ужасно нормальными».

В этой связи напрашивается мысль: гибридность морали связана с «неочевидностью» ответственности. Мы не можем четко провести грань между ответственностью и обязанностью, долгом перед государством, старательным выполнением служебных функций.

Возникает вопрос, чувствовал ли Эйхман ответственность за преступления нацистского режима, частью которого он был? Должен ли был чувствовать? Суд над Эйхманом поднял проблему индивидуальной и коллективной ответственности, связанной с почти хрестоматийной теперь этической дилеммой «железнодорожного стрелочника». Подобный случай анализирует американский политический философ Аласдер Макинтайр в одной из статей, опубликованной в книге «Этика и политика», выявляя, когда социальная среда несет угрозу для морали. В ней рассмотрена ситуация господина J., который служил на железной дороге и был обязан следить за тем, чтобы пассажиры и грузы вовремя отправлялись. В школе господину J. постоянно говорили об обязанностях и ответственности. Он был хорошим семьянином, отцом, казначеем спортивного клуба. Когда стал работать на железной дороге, поначалу интересовался, кто и куда из пассажиров едет. Однако руководство строго проинструктировало господина J., что это не имеет отношения к его служебным обязанностям. С тех пор этот господин никогда уже не интересовался, что перевозят поезда, которые он отправляет, и куда едут пассажиры. Ситуация господина J. рождает закономерный вопрос: несет ли он моральную ответственность, например, за отправление поездов смерти? Если мы даем положительный ответ, то предполагаем, что господин J. является моральной личностью в широком смысле, и его ответственность превышает ответственность только за свои действия и осознание собственных действий, а потому его можно обви-

нять в том, что он не подверг сомнению то, что происходило вокруг в рамках социального и политического порядка, к которому он принадлежал. То есть в данном случае природа человека предполагает следование не только нормам и ценностям, которые воплощает социокультурный контекст, но и способность их преодолевать, следуя высшим нравственным нормам и ценностям. Вина господина J. и ему подобных заключается в том, что их «молчание» породило сомнение в авторитете нравственного принципа современного мира. Макинтайр утверждает, что даже если господин J. и ему подобные, не знали, что происходит вокруг, они все равно виновны и несут ответственность — не только индивидуальную, но и ответственность за социальный порядок в целом.

Х. Арендт представляет нам иную концепцию ответственности. Она настаивает на том, что возможна только ответственность индивидуальная, которая противопоставляется политической (коллективной) ответственности. И считает любые отсылки к «коллективной вине» стремлением избежать наказания за свои действия, поскольку убеждена: вина и ответственность могут быть только личными. Об этом она пишет в статье «Личная ответственность при диктатуре». Но существуют вполне банальные способы ухода от индивидуальной ответственности, которые и демонстрирует Эйхман.

Оправдывая свои действия «тяжелой ношей солдата», он убеждал, что вынужден был действовать так, как действовал: или ты подчинялся приказам, или был бы расстрелян как дезертир. На самом же деле, считает Арендт, Эйхман отнюдь не находился в классической ситуации солдата; он мог не выполнять преступные приказы, об этом свидетельствуют выразительные примеры мужества людей в «темные времена».

Банальный уход от ответственности обычно прикрывается обязанностью. Эйхман убеждал на суде, что в своей жизни руководствовался кантианским пониманием долга. Однако его интерпретация морального императива тоже банальна и предусматривает приспособление к условиям, чтобы заставить совесть молчать. Категорический императив Канта «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы иметь также и силу всеобщего законодательства», был заменен удобным принципом: «Поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла соответствовать текущему законодательству страны». То есть моральный императив был заменен волей фюрера, которая уподоблялась всеобщему закону.

Размышления Х. Арендт о банальности зла сегодня актуализируются, поскольку возникает еще один вопрос: насколько стремление утвердить исключительность, оправдывающую нарушение моральных и правовых норм, порожденное тоталитарными системами XX века, пронизывает практики современных обществ (в том числе и демократических)? Похищение Эйхмана израильскими спецслужбами и суд в Иерусалиме — это тоже своеобразный случай «чрезвычайного положения». Евреи в нацистской Германии были низведены до положения людей без гражданства. Подобное произошло также с Эйхманом, поскольку именно его безгосударственность после окончания войны и бегство в Аргентину позволили организовать его похищение и суд в Иерусалиме. Произошло фак-

тически его вытеснение на «границу» между правом и его отсутствием, и, в конце концов, между жизнью и смертью, поскольку с самого начала было известно, что суд завершится вынесением смертного приговора. Причем и сегодня подобное «исключение» уподобляется нормальности, если мы вспомним, в частности, скандалы с американскими тюрьмами наподобие Абу-Грейб и Гуантанамо. Своеобразный тоталитарный атавизм, который проявляется, когда мы теряем нравственную и правовую бдительность.

В конце своей книги Х.Арендт предупреждает, что повторение преступлений нацистов возможно в будущем, поскольку современное развитие техники и демографический взрыв могут легко превратить часть населения в «лишних».

Поэтому не только феномен «банальности зла» как проявление моральной деградации, но и сама книга «Банальность зла» как чрезвычайно проницательный анализ этого феномена, являются важным прецедентом, подталкивающим нас к необходимости быть чувствительными к моральным и правовым патологиям, которые наблюдаются сегодня.

*Аревик Маркарян,
кандидат социологических наук,
доцент Высшей школы экономики, СПб:*

— Существует мнение, что при прочтении книги «Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла» можно получить исчерпывающие ответы на рассуждения об ответственности и справедливости, власти и морали, но это скорее поверхностное скольжение над глубиной, которая предстает перед нами в работах Х.Арендт. Сама книга

порождает больше вопросов, нежели дает ответов на них. В ней видна попытка автора познать не столько юридическую подоплеку (она существует параллельно, фоном), сколько вскрыть политический, социальный и моральный контексты происходящего.

Совершенно очевидно, что время, которое требуется человеку для подавления в себе врожденного отвращения к преступлению, является несущественным в юридическом контексте. А вот та трансформация, которая происходит, когда человек переходит этот рубеж и становится активным, хоть и не проявляющим инициативы управляемым актором преступных деяний, является весьма значимой в социально-политическом контексте. Индивид оказывается при этом в трехмерном пространстве политического, социологического и юридического измерений, а сам процесс ставит вопросы политики, совести, морали и ответственности как палачей, так и жертв.

Почему, при каком сплетении историко-политических и социокультурных обстоятельств человек, который изначально не намерен причинить вред, совершает злодеяние? Ясно, что мы сталкиваемся здесь с тем, что намерение причинить вред не является обязательным для совершения преступления, однако очевидно, что мысль, которая лишена способности к рефлекс-

сии, не в состоянии превратиться в самостоятельное социально-политическое действие, провоцируя преступную причастность.

У человека в патерналистском обществе нет собственной этики, этики ответственности в веберовском понимании — совести или чувства вины. Он на бессознательном уровне передоверяет это человеческое богатство государству, в том числе и свою способность самостоятельно мыслить. И тем самым его естество и убежденность в «преступности» приказов оказываются неспособными противостоять легитимному авторитету, даже если исходящие от него указы аморальны и жестоки. Личность не подвергает критике решения ефрейтора германской армии, который по успешной карьерной лестнице был способен подняться до фюрера восьмидесятимиллионного народа.

Существующие ростки разума в общественном сознании не превращаются в мейнстрим, так как недостаточная рефлексивность не пропускает общественные смыслы через себя. В итоге происходит вытеснение здравого смысла и «диффузия ответственности» не только на индивидуальном, но и на общественном уровне. А именно — дефактуализация реальности (термин, предложенный Арендт), так как факты утрачивают реальность, все начинает представляться лишь в качестве одной из версий реальности. Именно такая метаморфоза сознания ведет к понижению гражданской активности, нарастанию инертности и безразличия.

Сошлюсь на уже приводившуюся цитату из 15 главы книги Арендт: «Проблема с Эйхманом заключалась в том, что таких, как он, было много, и многие не были ни извращенцами, ни садистами — они были и есть ужасно и ужасающе нормальными.

С точки зрения наших юридических институтов и наших норм юридической морали эта нормальность была более страшной, чем все зверства, вместе взятые, поскольку она подразумевала — как неустанно повторяли в Нюрнберге подсудимые и их адвокаты, — что этот новый тип преступника, являющегося в действительности “врагом человечества”, совершает свои преступления при таких обстоятельствах, что он практически не может знать или чувствовать, что поступает неправильно», пытаясь выжить в условиях нацистского террора. В этом проявляется банальность происходящего зла.

Однако в контексте (не)видимой ответственности с особой остротой встают вопросы и о поведении других жертв, о которых пишет Арендт, за что удостоивается жесточайшей критики со стороны еврейского общества. Очевидно, что еврейские погромы в европейских странах не начались одновременно, но столь же очевидно, что в это же время практически по почти безукоризненно отлаженной схеме шел процесс организации миграции, депортации и «окончательного решения» еврейского вопроса. Почему жертвами не был учтен опыт сотрудничества своих лидеров с нацистами? Что должно было сподвигнуть жертвы не подчиняться? Меньшему ли злу мог способствовать отказ? Что движет массами, когда они подчиняются, хотя и испытывают при этом как моральные, так и физические страдания? (Не)видимая ответственность связана с феноменом «подчинения авторитету» (obedience), неоднократно доказывал в своих экспериментах социальный психолог Стэнли Милгрэм, когда пытался прояснить истоки подчинения немецких граждан господству нацистов. Но вектор этого вопрошания было бы справед-

ливо направить и в сторону жертв. Способность преодолевать существующий порядок, мыслить шире собственной индивидуальности — не снимает вопрос об антропологической повинности человеческого естества. Допустимость границ коллаборационизма, которые способствовали уничтожению людей, не является «меньшим злом», как и отказ от (не)видимой ответственности.

*Юлия Шчastливцева,
журналист, магистрант Высшей школы экономики (Москва):*

— Как судебный репортер, Ханна Арендт, на мой взгляд, предельно беспристрастна — настолько, что прямо указывает на политические цели процесса над Эйхманом, который был инициирован правительством Израиля, в том числе для пропаганды интересов молодого государства: «Предполагалось, что процесс должен продемонстрировать, что значит жить среди неевреев, убедить

их, что только в Израиле еврей может жить безопасно и достойно». Арендт обращает внимание на то, что суд над одним из нацистских лидеров проходил в здании театра и, как бы ни вели себя участники процесса, происходящее невольно воспринималось как часть театрального представления, где «публикой был весь мир, а пьесой была широкая панорама еврейских страданий».

Вряд ли Арендт указывает на это из соображений только объективности. Думаю, ей было важно показать, что зло не является характеристикой только нацистского режима, как и евреи не являются исключительной жертвой массовых злодеяний — геноцида и преступлений против человечности. В отличие от судебной «пьесы», герои ее книги делятся не на палачей и жертв, а на тех, кто способен на внутреннюю борьбу и сопротивление обстоятельствам, и тех, кто не способен.

Образ подсудимого, Эйхмана, безусловно, был интересен присутствующим на процессе журналистам, судьям, зрителям. В книге большое место уделено анализу поведения Эйхмана, его человеческой трансформации, происходившей на фоне трансформации гитлеровского режима. Анализируя феномен «банальности зла», Арендт подчеркивает, что проблемой для нацистов была «не совесть, а обычная жалость нормального человека при виде физических страданий». Специальная риторика (вместо «Какие ужасные вещи я совершаю с людьми!» нацистам рекомендовалось говорить «Какие ужасные вещи вынужден я наблюдать, исполняя свой долг, как тяжела задача, легшая на мои плечи!»), приемы психологической самодисциплины и другие поведенческие механизмы были направлены на преодоление обычной человеческой эмоциональности, необходимое для перехода от «политического» решения еврейского вопроса к «физическому» — убийству, которое в гитлеровской Германии называли «медицинской процедурой».

Анализируя феномен «банальности зла» и природу массовых преступлений, Арендт говорит об ответственности не только палачей, но и жертв. При постановлении приговора суд согласился с доводами Эйхмана о том, что тот

виновен «в содействии и подчинении» при осуществлении преступлений, но сам никогда не совершал убийства, приняв во внимание тот «странный факт, что в лагерях смерти было обычным делом, что именно заключенные и жертвы своими руками приводили в действие орудия смерти». На мой взгляд, не существует противоречия между позицией Ханны Арендт о необходимости нести индивидуальную ответственность за преступления и позицией, с которой она спорит, — о массовой ответственности, ответственности сообществ, национального и международного. Индивидуальная ответственность каждого и формирует массовую ответственность общества — локального или глобального. В приговоре Эйхману суд написал следующее: «...степень, до которой любой из множества преступников был близок или далек от подлинного убийцы жертв, ничего не значит, когда речь идет о мере его ответственности. Напротив, в целом степень ответственности возрастает по мере отдаления от человека, который своими руками использует орудие смерти». Полагаю, данная мысль относима и к политической реальности: если вы находитесь далеко от политики, это не только не значит, что вы не ответственны за принимаемые властью решения. Напротив, и вы ответственны за них.

Однако переводить проблемы, поднятые Арендт, только в политическую плоскость, значит, недооценивать их опасность. В завершение небольшого комментария к книге Ханны Арендт «Банальность зла» вернусь к проблеме «потери эмоциональности», которая мне кажется ключевой. В моей электронной библиотеке книга Арендт оказалась рядом с рассказом Франца Кафки «Превращение», и я читала два текста параллельно. Когда закончила чтение, поняла, что они оба об одном и том же, несмотря на то, что в книге Арендт действие разворачивается в Германии времен Гитлера, а в книге Кафки — вне времени внутри одной семьи. Обе книги — о «потере эмоциональности», которая делает зло банальным.

Аревик Маркарян:

Резюмируя, хочется отметить, что социальный мир всегда окружен вездесущим, банальным и невысокомерным злом, а простые карьеристы «эйхманы» повсюду, в том числе и в каждом из нас, и лишь человеческая ответственность мыслить шире собственного Я не превращает нас в социальных преступников, не говоря уже об уголовных. Следовательно, рассуждения в этом смысловом пространстве не завершаются, а продолжают... Как справедливо говорил на одном из семинаров Школы Миндия Угрехелидзе, бывший судья Европейского суда по правам человека: если обратить внимание на русские слова «правда», «право», «справедливость», то они являются однокоренными. Правда — это установление истины, это факты. Справедливость — это цель, идеал, то, к чему мы должны стремиться, а право — средство, которое используется для того, чтобы правда служила справедливости*.

* М. Угрехелидзе. Суд и правосудие: независимость и подотчетность // Общая тетрадь, № 3 (56), 2011.

Леон Конрад,
преподаватель риторики,
Лондон

Интеграция и свободные искусства: исторический обзор

О природе традиционного учебного курса свободных искусств

В 1936 году выдающийся американский философ, педагог и популяризатор Мортимер Адлер высказался за воссоздание целостности тривиума — классического объединения свободных искусств, включающего грамматику, логику и риторику. Одновременно он показал, как внутренне присущее тривиуму единство и его интегрированная природа пострадали от развития формализованного и материалистического подхода к логике¹.

В своей лекции Адлер представил две разновидности объединения свободных искусств, первую из которых можно назвать «горизонтальной», а вторую «вертикальной». Интеграция по горизонтали, по сути, представляет собой использование тривиума в качестве сложносоставного инструмента, позволяющего применять целостный, междисциплинарный подход к перекрестному интеллектуальному обогащению идей и аналитического мышления². С его помощью мы более четко представляем себе взаимную связь вещей. Интеграция по вертикали, в свою очередь, предстает, по Адлеру, в виде движения от метафизики и рациональной психологии к философии; она помогает увязывать наше представление о взаимосвязи вещей с самими источниками понимания. Наивысший уровень интегрированности предполагает, что мы, как начало познающее и как объект нашего чувственного и интуитивного восприятия, то есть начало познаваемое, выходя за рамки интеллектуального анализа, сливаемся воедино. Конечным выражением этого единства выступает энозис (*henosis*).

Интегрированный подход равным образом приложим как к тривиуму, ориентированному на изучение слов, так и к квадривиуму (арифметика геометрия, астрономия, музыка), сосредоточенному на изучении чисел. Тривиум, в основе которого лежит слово и который описан в «Органоне» Аристотеля («Об истолковании», 16b 24-25), обеспечивает вертикальную интеграцию свободных

искусств и сопутствующее ей метафизическое размышление, фокусируясь на синкатегорематичных словах (связки «и», «или», «если»), которые не обладают самостоятельными значениями без категорематических слов (существительные, глаголы, прилагательные). В квадривиуме, выстроенном Платоном в диалоге «Государство» (VII, 524d-531d), число ведет себя аналогичным образом, ибо в физическом мире любое число произвольно, но метафизически оно зависит от интуитивного понимания самой идеи исчисления, с которой начинается любая деятельность, связанная с числами. Математический мир Платона не знал ни отрицательных чисел, ни нуля. Вероятно, философ признавал тот же числовой ряд, что и древние египтяне. Для него все было созерцанием Монады — не поддающегося описанию неделимого целого, стоящего у истоков творения. Целые числа в его размышлении представляли выражением нерушимой двоичности, троичности и так далее. Что касается дробных чисел, то в них видели манифестации двоичного, троичного, и так далее, разделения³.

Это разграничение можно рассмотреть сквозь призму двух типов метафор, которые предложили Джордж Лакофф и Марк Джонсон — ориентационных и онтологических⁴. По моему мнению, если первые соотносятся со словами, существительными, абсолютными величинами, то вторые с числами, глаголами, множествами. В геометрии ориентационной метафоре соответствуют точка, пространство, бытие, а онтологической — линия, время, становление. Это противостояние *ousia* и *energeia*⁵.

Интеграция свободных искусств в древности

Согласно Пьеру Адо, разделение на тривиум и квадривиум было сформулировано Порфирием около III века⁶. В дошедших до нас работах термин «квадривиум»

используется Боэцием в VI веке, а «тривиум» в качестве имени собственного впервые появляется в IX веке⁷. Их истоки, однако, можно обнаружить гораздо глубже. Тот же Адо связывает системный подход к преподаванию свободных искусств с деятельностью софистов конца V — начала IV веков до н.э.⁸, а если верить некоторым новейшим исследованиям, то его генеалогия восходит даже к трудам досократиков, включая Протагора, Парменида, Гераклита и Пифагора.

Считается, что Брисон из Гераклеи, живший в конце V века до н.э., работал как с числом π , так и со значениями слов⁹. Его современник Антифон из Рамнуса, которого считают первым профессиональным спичрайтером, писал свой знаменитый трактат о риторике (ныне утраченный) в то же самое время, когда значение числа π пытались использовать при разрешении вопроса о квадратуре круга¹⁰. Климент Александрийский в конце II — начале III веков уделял особое внимание единству слов и музыки, иллюстрируя свои мысли посредством нововведений, которые в начале VII века до н.э. предложил поэт Терпандр. (Одним из них, в частности, стало постулирование ряда законов музыки¹¹.) Более красноречивый пример сочетания вертикальной и горизонтальной интеграции едва ли можно предложить, хотя чем глубже в историю мы уходим, тем больше ощущается упор на вертикальную интеграцию¹².

Постепенное разделение свободных искусств

После того, как Афины были разорены, а их философские академии распущены, интегрированный подход к обучению свободным искусствам в какой-то мере подхватили стоики. Сенека объединяет метафизическое и физическое, рассматривая Божественное (у него это Юпитер) как синоним рока, провидения, природы и

Вселенной¹³, а Марк Аврелий вообще не разграничивает творческую силу божества и души¹⁴. Вместе с тем, вероятно, под влиянием культурного синтеза идей, генерируемых в Александрии, Милете, Риме и на Родосе, стоическое понимание логоса (logos), в отличие от его трактовки Аристотелем и Марком Аврелием, обнаруживает в эллинистическом подходе к свободным искусствам первые признаки распада вертикальной интеграции¹⁵.

Попытка примирить эллинистический подход с зарождающейся христианской доктриной реализовалась в рамках так называемой неоплатоновской философии, особенно в работах Мариа Викторина, который первым перевел труды Плотина, Порфирия и других неоплатоников с греческого на латынь¹⁶. В его комментариях к трактату «О нахождении» Цицерона вновь звучат темы падения и возвышения души, а также роли философии в культивировании мудрости, помогающей душе «вернуться к ее естественному состоянию»¹⁷. Викторин, учитель риторике в Риме, принявший крещение около 355 года, оказал влияние на оформление классического христианского мировоззрения, представленного в работах Климента Александрийского¹⁸, Оригена¹⁹ и Блаженного Августина²⁰.

Хотя получившийся в итоге гибрид до определенной степени помогает специалистам вникать в чисто духовные и интегративные аспекты христианства — это обеспечивается за счет приложения к нему методологии свободных искусств²¹, — сложившаяся религиозная доктрина допускала возможность энозиса (henosis) лишь посредством акта веры или божественной благодати²².

Формальная классификация семи свободных искусств впервые появляется в авторитетном труде Марциана Капеллы «О бракосочетании Филологии и Меркурия», написанном в V веке²³. Капелла рассказывает в нем историю о готовя-

щейся свадьбе смертной Филологии и бога Меркурия, на которой семь свободных искусств выступают прислужницами невесты. Соединивший их брак превратил Филологию в богиню; союз помог обоим супругам стать звездами.

Популяризация трудов, подобных книге Капеллы, во многом стала заслугой таких людей, как Кассиодор, который оказался преемником Боэция на посту *magister officiorum*, т.е. руководителя остготского чиновничества в Италии при Теодорихе Великом. Он основал монастырскую школу, для которой написал «Наставления в науках божественных и светских» — учебное пособие, содержащее краткое изложение аналитического метода, которым он пользовался при анализе Книги псалмов в своей ранней работе «Толкование псалмов»²⁴. В использованном им подходе мы снова видим горизонтальное объединение слова и цифры, влекущее человеческую душу к вертикальному соединению с божественным началом. В качестве средств, предлагаемых им для достижения такого единства, выступают семь свободных искусств²⁵. Упомянутая выше работа Капеллы влияла на программу изучения гуманитарных наук с момента своего появления вплоть до XII столетия. Каналами этого влияния выступали монастырские образовательные центры, учрежденные Карлом Великим в конце VIII века в ответ на потребность интеграции знаний в монастырском контексте. Такие центры стали предшественниками будущих школ при католических соборах, например, в Шартре, где идея интеграции воплощалась в мыслительной и творческой деятельности учеников. Желая представить масштабы того, что происходило тогда, Найджел Хискок ссылается на следующие лингвистические наблюдения: «Опыт называют приятным в тех случаях, когда все его составляющие согласуются между собой, подходят друг другу, в результате чего рождается гармония. И ла-

тинское *ars* — искусство, и греческое *arête* — добродетель, происходят из общего индоевропейского корня *ar-*, что опять же означает “подходящий”, “ладный”. ...Свободные искусства представляют собой набор компонентов, которые, сочетаясь друг с другом, образуют целое. Поэтому математика включает в себя изучение музыки, которая на деле имеет мало общего с сочинением приятных мелодий... дарованная Музами тому, кто “преодолеывает внутренний разлад посредством разума”. Арифметика всегда имела дело с теорией числа. Нечто по-настоящему

значимое в английском языке до сих пор передается посредством ссылки на числовую последовательность: ведь несущественное есть то, что “не идет в расчет” (*it does not count*)»²⁶.

Эпоха Шартра стала свидетельницей подъема интегрирующих дисциплин — например, «спекулятивной грамматики» модистов, — и работы над синкатегорематикой (*syncategoremata*) в XIII веке. Если говорить о мышлении в целом, то следует обратить внимание на происходивший тогда сдвиг от диалектики к логике, в ходе которого особый акцент делался на связи между формой и содержанием. Типична в этом плане работа «О происхождении наук» Роберта Килвардби, автор которой разграничивает логику как «науку о словах» и логику как «науку о суждении», в конечном итоге сводя их в единое целое: более того, он говорит о логике не в единственном числе, как о «науке», но во множественном, как о «науках о словах». Таким образом, язык, мышление и науки о числе разрабатывались по направлениям, которые предполагали горизонтальную и вертикальную интеграцию.

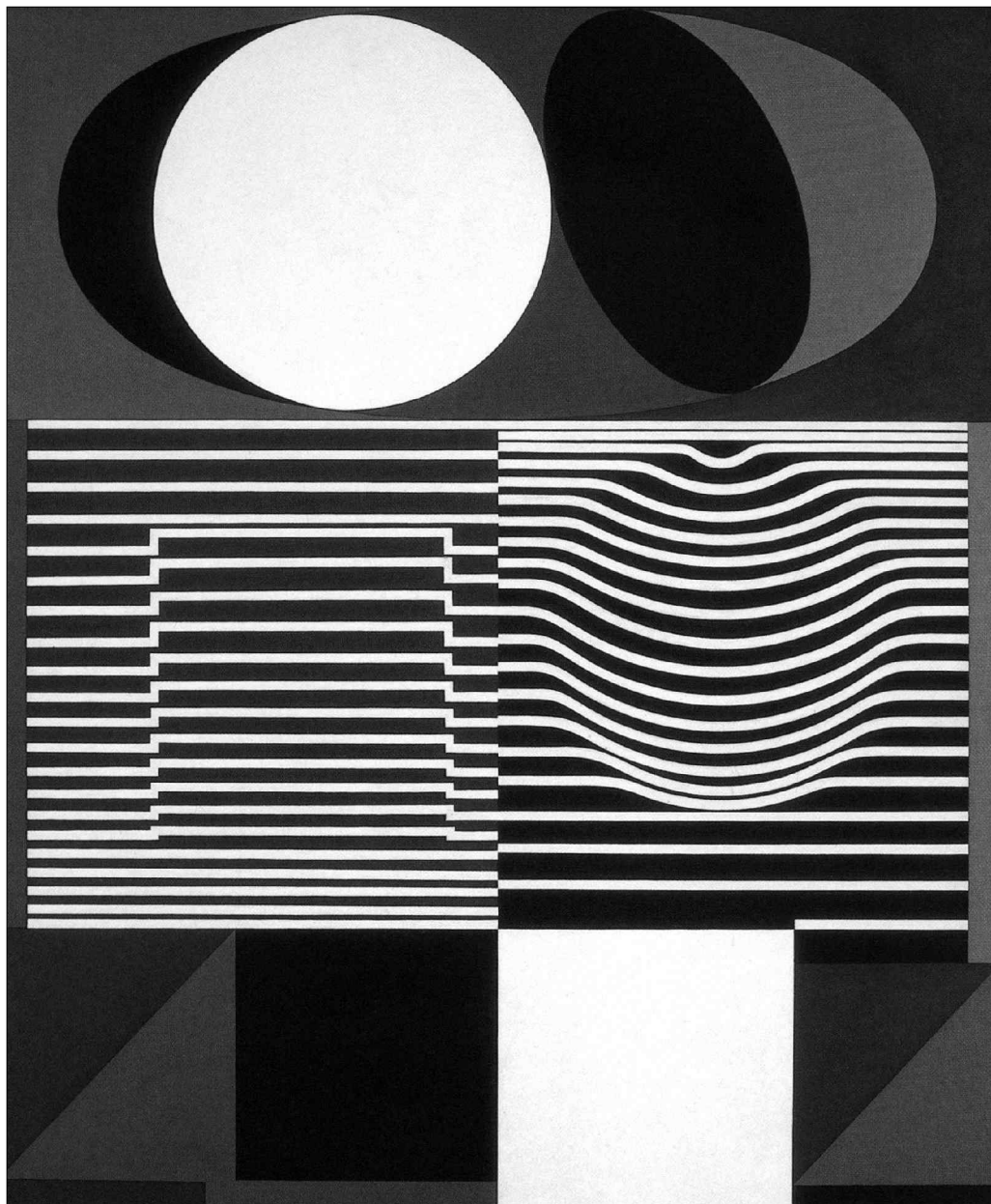
Вместе с тем и в теории, и на практике в свободных искусствах наблюдалось дроб-

ление. Фома Аквинский, Сигер Брабантский и Иоанн Дунс Скот разными способами пытались примирить свободные искусства с христианским учением. Поскольку энозис считался достижимым, возможность интеграции, как принято было считать, обуславливалась исключи-

В наши дни лишь немногие выпускники университетов могут в равной мере выразительно и со знанием дела писать о столь же широком спектре вопросов, какой был доступен в античные времена Аристотелю и Платону

тельно божественной милостью, а не погружением в свободные искусства, рассматриваемые как самоцель. Парадоксальный взгляд Плотина на Единое как на «принцип всех вещей» и на «слияние с Единым» как на цель бытия, реализуемую посредством преодоления пространства и времени²⁷, был переработан Августином, согласно которому «троичность реализуется в нас и через нас», а душа, созерцая ее, способна раскрыть в себе образ Троицы²⁸. Рассуждая метафорически, в этом можно усмотреть первый шаг на пути к энозису; если же воспринять сказанное буквально, то тогда перед нами предстанет обособление от истоков. Водораздел между верой и разумом, который представлялся Августину вполне проницаемой перегородкой, превращался в каменную преграду по мере того, как в нем начали видеть буквальный догматический ограничитель, вызывающий критику и диспуты. Я имею в виду попытки инквизиции через принуждение и насилие контролировать, *во что* верят люди и *как* они это делают²⁹.

Акцент на диспутах как на части традиции, восходящей к классической диалектике, особенно важен в свете того, что

Виктор Вазарели. *Ондхо-Нез*. 1960–1961

тезисы Мартина Лютера, несмотря на широкое их распространение в печатном виде, впервые все-таки были вывешены на церковной двери: именно так было положено начало диалектическому диспуту, целью которого виделось установление истины. Точно так же обстояло дело и с 900-ми тезисами Джованни Пико

делла Мирандола. Возможно, именно из-за затвердевания проницаемой преграды, которая прежде не ограничивала свободу самовыражения, на заре Нового времени были найдены новые пути для осуществления вертикальной интеграции.

Итак, в начале Нового времени в свободных искусствах соседствовали два мето-

да, и напряжение между ними дало положительный результат. С одной стороны, мы наблюдаем сдвиг, в результате которого Практика/Теория Боэция превратилась в Философию/Теологию, а на смену греческой букве π пришла *phi*.³⁰ С другой стороны, мы видим сдержанно секулярный подход к свободным искусствам в работе Пьетро Паоло Верджерио «О благородных нравах и свободных науках» 1402-1403 годов, в которой он помещает историю, моральную философию и красноречие в начало своего списка учебных дисциплин, объединяя словесный подход с числовым и считая приоритетом соблюдение пропорциональности между словесными дисциплинами. Тем самым он подчеркивал интегративный характер своего подхода в целом.

Секуляризация учебной программы свободных искусств наряду с растущим практическим значением таких элементов, как эпистолярное творчество, стилистика и композиция в рамках риторики, продолжилась в годы Контрреформации³¹. Нововведения в логике, которые предложили Петер Рамус, Раймунд Луллий и Роджер Бэкон, повлияли на последующее становление символической логики, что, как указывает в своей лекции Адлер, привело к смешению логики и грамматики³². Грамматические новшества, привнесенные в рамках нарождающейся науки лингвистики таким ученым, как Уильям Буллокар, были отмечены тем, что вернакулярную грамматику попытались заложить в основание латинского языка. Логические и грамматические перемены внесли свой вклад в дезинтеграцию тривиума.

Становление научного рационализма постепенно привело к размежеванию и увеличению числа предметов в квадривиуме. Это произошло, в частности, благодаря трудам Рене Декарта, из-за которых заметно углубился разрыв между дисциплинами, в основании которых лежало слово, и дисциплинами, базировавшимися

на числах. В особенности это повлияло на университетские программы, хотя иногда удавалось успешно совмещать оба вида наук. Попытка формализации универсального интегрированного подхода к образованию, предпринятая Яном Амосом Коменским в так называемую эпоху Просвещения, заслуживает высокой оценки с точки зрения методологии, но в наше время очевидно, что его сковывало предубеждение христианина против языческого мышления. В основу подхода, предложенного Иоганном Генрихом Песталоцци, лег видоизмененный картезианский постулат: «я существую, следовательно, мыслю». Так был сделан шаг к развитию интеграции в духе картезианства, предполагающей использование более универсального подхода к изучению человека.

Со временем возрождение неоплатонизма привело к тому, что в 1852 году у кардинала Ньюмена появилась необходимость высказаться в пользу восстановления методологии свободных искусств в университетах. Это решение стало частью долгой истории с предпочтительным приемом протестантов в британские университеты, восходящей к временам Елизаветы I и появлению института признания под присягой, санкционированного Актом о супрематии. Намерение Ньюмена вполне соответствовало духу времени; его также стоит рассматривать в контексте персональной борьбы кардинала за католическую веру, историческим фоном которой было закрепление антикатолических настроений в законодательстве. Его работа «Размышления о границах и природе университетского образования» увидела свет в Дублине всего лишь через два года после того, как Папа Пий IX в 1850 году восстановил католическую иерархию в Англии, что спровоцировало бурные выступления на улицах Лондона, эхо которых долетело и до парламентских кабинетов вновь отстроенного Вестминстерского дворца. Кардинал выступал за примирение католи-

ческой и протестантской теологии, а также веры и разума; наилучшим образом, по его мнению, это можно было реализовать в рамках учебного курса, основанного на свободных искусствах³³.

В 1947 году призыв к интеграции был подхвачен Дороти Сэйерс, чьи работы несут на себе едва различимый отпечаток идеи целостной природы свободных искусств. Этот подход проявился не столько в ее обращении к духовным материалам (возможно, то была реакция на наследие Ньюмена), сколько во внимании автора к таким тонкостям, как, например, важность обучения общей грамматике, являющейся основой инструментария, используемого нами для познания мира и передачи информации, в ущерб обучению специальной (классической латинской) грамматике. Впрочем, поскольку и Ньюмен, и Сэйерс были утопистами, стремящимися к вертикальной интеграции общего уровня, они не могли противостоять набирающей силу дезинтеграции на горизонтальном уровне.

Сенека Младший в I веке писал, что «свободные науки» не имеют ничего общего с греческой программой общего образования (*enkyklios [paideia]*), несмотря на то, что на латыни ее также называют «свободной». Настоящие свободные науки, по его мнению, должны культивировать добродетель и способствовать раскрытию подлинного смысла вещей. Для него изучение свободных наук было только подготовкой к действительно свободному образованию, освобождению человека посредством наставления его в добродетели, конечной целью которого выступает познание природы вселенной. Интеграция, несомненно, была составной частью подхода Сенеки к свободным искусствам³⁴.

Если бы Сенека оказался нашим современником, то он обнаружил бы такое же разграничение между «свободными науками» и подлинным обучением свобод-

ным искусствам. Но ему, сверх того, потребовалось бы приложить немалые усилия, чтобы выявить моменты, где интеграция, ведущая к преодолению двойственности, уже успела превратиться в норму. Ограничусь лишь одним примером. В то время как в комментарии Прокла к «Началам» Евклида евклидовым определениям точки и прямой посвящены двенадцать исписанных убористым почерком страниц, составитель сайта «Истории математики», поддерживаемого Университетом Сент-Эндрюс, посвящает этому фрагменту всего лишь три слова, а именно: «Это довольно странно». В наши дни лишь немногие выпускники университетов могут в равной мере выразительно и со знанием дела писать о столь же широком спектре вопросов, какой был доступен в античные времена Аристотелю и Платону. И поэтому призыв Адлера, которым открывалась эта статья, приобретает еще большее значение, выходя за рамки тривиума. Он касается всего интегрированного подхода к свободным искусствам, взывая к органически связанным с ним мудрости и свободе. Вспомним, что картезианский гимн разуму рождается из сомнения, а сомнение присуще интуиции, но не рассудку. Мы зачастую полагаем, что на цифры можно положиться, хотя дискретизация чего-либо всегда останется субъективной и условной. На самом же деле верно обратное. Что такое «семь», если не семикратный повтор единицы, а определить единицу можно только благодаря интуитивной способности к дискретизации. Мы утратили нечто значимое, позволявшее нам отдавать предпочтение рассудку перед интуицией, хотя я вовсе не призываю к утверждению обратного соотношения. Мы не сумеем понять что-либо с помощью интуиции или иным образом использовать ее себе во благо, если не пропустим ее через разум. Мы не можем положиться на произвольные

рациональные подходы к пониманию мира, в котором живем, пока не признаем, что интуитивное основание этих рациональных моделей помогает нам принять этот мир. Целое, которое необходимо воссоздать, в равной мере должно включать в себя и рассудок, и интуицию. Результатом этого процесса станет, по утверждению Мириам Джозеф, появление подхода, который воздействует на личность как непереходный глагол (например, «роза цветет»)³⁵. Этот подход не только свободный, но освобождающий; он есть единственный из всех подходов, который можно ассоциировать с традицией свободных искусств. Его не нужно привязывать к привычным учебным дисциплинам, но там, где имеют значение категории «слово — число» и «онтологическое — ориентационное», мы должны поощрять возвращение к либеральному и объединяющему обе сферы взгляду. Тривиум же, как подчеркивает Адлер, является для этого идеальной отправной точкой, пренебрегая которой мы не сможем даже подступиться к изучению прочих дисциплин.

Воссоединение свободных искусств в XXI веке

Воссоздание тривиума. Тривиум — это не искусственная конструкция, которую мы навязываем себе откуда-то извне. Она как бы встроена в нас, а ее структура основана на нашем инстинктивно сложившемся видении мира. Обращение к тривиуму помогает человеку использовать способности, присущие ему от рождения, то есть, обеспечивает саморазвитие. Рационально пользоваться словами можно только в том случае, если внутренне интегрировать их с абстрактными или конкретными понятиями, которые они означают. Здесь грамматика и логика работают сообща. Чтобы стать интегративным, любой метод изучения грамматики дол-

жен включать в себя работу с категорематическими и синкатегорематическими словами. Его использование должно упрочивать умение различать подлежащее и сказуемое, ибо как еще — буквально — вы можете знать то, о чем говорите? Для определения и познания объекта исследования десять категорий существования, предложенных Аристотелем, просто незаменимы. Столь же важную роль в сравнении и сопоставлении двух объектов исследования играют шестнадцать логических операций Цицерона, обеспечивающих надежную основу для перехода к более формальному изучению логики. Изучая различные способы выражения мысли, Эразм Роттердамский интегрирует грамматику и риторику на страницах трактата «Об изобилии слов и предметов». Почему бы нам не возродить практику диалектической игры, в основу которой положено обоюдное стремление к истине, и использовать парадокс для развития подлинной вертикальной интеграции, а не «софистического» типа дебатов, постоянно встречающегося сегодня? Исследование поддерживающих риторические конструкции звуков, слов, фраз, предложений помогает развивать красноречие и подводит к пониманию тех явлений, из которых происходит квадравиум.

Использование слов как вместилища смысла, который отнюдь не локализуется в рациональности, но лишь обнаруживается в процессе рационального мышления, должно быть целью любого учения о слове. Такой подход не стоит считать несовместимым с современными подходами к обучению грамоте — мультимодальным, цифровым, визуальным. Фонетический метод обучения маленьких детей чтению посредством многократного прочитывания вслух оказался гораздо менее эффективным, чем традиционный устный рассказ — более древняя по сравнению с письменным словом форма коммуникации. По сути своей такой под-

Николай Полисский. Буква «П». 2010-2011

ход неразрывно связан с базовыми ценностями, которые, в свою очередь, вплетены в классическую риторику и, чтобы быть выраженными, в равной мере нуждаются и в грамматике, и в логике. Фактически, Джозеф и Адлер следуют за классиками, делая акцент на основных ценностях и универсальных понятиях правды, красоты, доброты и справедливости. Именно

эти универсалии создают основу и средства для применения тривиума, а также перехода от него к философии, научному познанию мира посредством современной интерпретации квадриума, метафизическому и духовному развитию, осмысленной гражданской деятельности.

Воссоздание квадриума. Воссоздание типа мышления, который ориентирован

на число или континуум, прежде всего означает исследование чисел как символов единства. Почему бы не вернуться к обучению тому числовому ряду, которым пользовался Платон, не пренебрегая при этом и современными наработками, такими, как постулирование ноля и отрицательных чисел? Почему бы не изучать геометрию, отталкиваясь от отправных точек, представленных Евклидом, приспособив такое изучение к запросам различных возрастных категорий учащихся? Занимаясь этим, стоит учитывать, что малыши любят устные повествования, младшим школьникам под силу творческие и художественные задания, в средних классах уже уместны умственные изыскания, а в старших классах можно углубляться в метафизические материи. Пусть даже разъяснения различных свойств чисел, двухмерных и трехмерных фигур, адресуемые каждому возрасту, в какой-то мере остаются субъективными; ведь все равно, незыблемым фактом будет то, что круги не есть треугольники, а изучение свойств отдельных фигур или чисел ради обретения собственного представления об их отличительных свойствах заранее оправдывает себя, как и умение измерять длину окружности или площадь различных фигур, поскольку приобретаемые в этом деле навыки пригодятся при освоении предметов группы STEM (предметов НТИМ — науки, технологии, инженерии, математики). Здесь, кстати, вновь вступают в свои права шестнадцать логических операций Цицерона — наряду с базовыми правилами традиционной логики.

Из общеобразовательной подготовки можно исключить астрономию или астрологию, но нельзя удалять музыку. Принципы музыки вновь обнаружат себя при изучении движения тел или инженерного искусства. И хотя сегодня постижение музыки продолжает оставаться центральной частью образовательной программы, здесь

есть свои проблемы. В то время как практические занятия, несомненно, способствуют экспрессии (ведь исполнение музыкального произведения, будь то сольное или групповое, всегда есть нечто большее, чем ноты и ритм), теория зачастую сводится к правилам нотации, тональности, гармонии и формы, обходя стороной основополагающие свойства взаимоотношений звуков, которые, собственно, и образуют сердцевину музыки, являясь общими для различных музыкальных культур. Именно из них возникают формальные выражения ритма и тона, которые повсюду в мире называют музыкой³⁶. Вслед за Марсилио Фичино я не вижу оснований, которые мешали бы включить артистическую деятельность в программу изучения свободных искусств. В конце концов, важна не деятельность сама по себе, а то, как она влияет на формирование личности.

Интеграция личности. Как напоминают Лакофф и Джонсон, разум имеет телесную форму. Физические упражнения и правильное питание жизненно важны для поддержания физического здоровья человека. Артистическая деятельность столь же существенна с точки зрения экспрессивной коммуникации. И то, и другое принципиально для развития интеграции в том смысле, что обе эти грани совершенствуют наши инстинктивные способности: например, способность сделать шаг или отбить мяч в единственно подходящий для этого момент благодаря природному чувству координации; способность к импровизации и обратной реакции на сцене; способность к вживанию в образ персонажа, которого играешь. Все это вместе, работая в связке, культивирует осмысленную эмоциональность. Важно ощущать ощущение себя частью целого, чувство взаимосвязи с другими, причастности к совместному существованию, через которое человек связан с остальными людьми, делаясь частью общего опыта, выходящего за рамки «я» или «они».

Умение соединить онтологический и ориентационный подходы так, чтобы они интегрировались в единый комплекс суждения, эмоции и интуиции, помогает людям стать не только активными членами общества, в котором они живут, но и полноценными, состоявшимися личностями. Оно позволяет индивидам подвергать осмыслению метафизические и духовные пути, которыми они идут — как в применении интегративного подхода к их выбору, так и в дальнейшем следовании им. Развитие подобной спо-

собности — неотъемлемая часть интегрированной программы изучения свободных искусств, которая, для того, чтобы нормально работать, требует настоящего диалогического подхода к преподаванию. Сейчас самое время для того, чтобы возродить и заново запустить эту программу, поскольку в ней равно заинтересованы и те, кто обучается, те, кто их учит.

*Перевод с английского
Екатерины Захаровой*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. лекцию «Метафизика и предметы тривиума», прочитанную 8 мая 1935 года в Колледже Сент-Мэри в Индиане и хранящуюся в библиотеке Чикагского университета: Adler M. Papers, Special Collections Research Center, University of Chicago Library. Box № 58: Memoirs, materials for chapter ten, «Metaphysics and the Trivial Arts», St. Mary's College, Indiana, May 8, 1935.
- ² Там же. Уточнение использованных мной терминов см. в работах: Joseph M. The Trivium: The Liberal Arts of Logic, Grammar, and Rhetoric. — Philadelphia: Paul Dry Books, 2002. — P. 36–40.
- ³ См.: Gardner M. Plato's Mathematics // Planetmath.org (<http://planetmath.org/platosmathematics>)
- ⁴ Аналитическую интерпретацию, предложенную этими авторами, см. в работе: Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. — New York: Basic Books, 1999. — P. 178–234.
- ⁵ О метафизической интеграции линии и плоскости см.: Lakoff G., Johnson M. Op. cit. — P. 561–568; о «бытии» см.: Ibid. — P. 355–357, 377; о «становлении» см.: Ibid. — P. 561ff; об интеграции «бытия» и «становления» см.: Ibid. — P. 566–568. Об ousia и energia см.: Milne J. The Mystical Cosmos. — London: Temenos Academy, 2013. — P. 31.
- ⁶ См.: Hadot P. Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault. Blackwell: Oxford and Malden (MA), 1995. — P. 99–100.
- ⁷ Luhtala A. Grammar as a Liberal Art in Antiquity // Kibbee, Douglas A. (Eds.). History of Linguistics. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. — P. 68.
- ⁸ Hadot P. Op. cit. — P. 11–13.
- ⁹ Аристотель. Вторая аналитика. 75 b4; Он же. О софистических опровержениях. 171 b16, 172 a3; Он же. Риторика. 3.2 140 5b 6–16.
- ¹⁰ Авторство работы о числах приписывается софисту Антифону, но при этом остается открытым вопрос о том, являются ли софист Антифон и Антифон из Рамуса одним и тем же лицом.
- ¹¹ Климент Александрийский. Строматы. I. 16.
- ¹² Например, см.: Evangeliou C. Hellenic Philosophy: Origin and Character. — Aldershot (UK): Ashgate, 2006; Uždavinys A. Philosophy as a Rite of Rebirth: From Ancient Egypt to Neoplatonism. Westbury (UK): Prometheus Trust, 2008.
- ¹³ Сенека. Исследования о природе. IV. 45.
- ¹⁴ Марк Аврелий. Размышления. IV. 21.

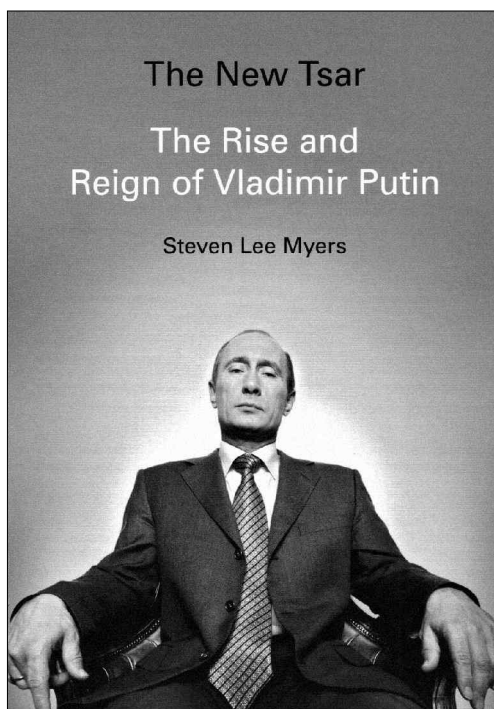
- ¹⁵ Law V. *The History of Linguistics in Europe from Plato to 1600*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 29, 41.
- ¹⁶ См.: Bruce F. *Marius Victorinus and His Works // The Evangelical Quarterly*. 1946. Vol. 18. — P. 132-153; Hardy B. *The Emperor Julian and His School Law // Church History*. 1968. Vol. 32. № 2. P. 131-143; Copeland R., Sluiter I. (Eds.). *Medieval Grammar & Rhetoric: Language Arts and Literary Theory, AD 300–1475*. — Oxford: Oxford University Press, 2009. — P. 104 ff.
- ¹⁷ Викторин. Комментарий к трактату «О нахождении». Цит. по: Copeland R., Sluiter I. (Eds.). *Op. cit.* — P. 107.
- ¹⁸ Климент Александрийский. *Строматы*. VI. 10–11.
- ¹⁹ Ориген. *Филокалия*. XIII–XIV.
- ²⁰ См.: Hadot P. *Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault*. — P. 107, 128 ff; Hadot I. *Arts Libéraux et Philosophie dans la Pensée Antique*. — Paris: Études Augustiniennes, Paris, 1984. — P. 101–136; Heidl G. *The Influence of Origen on the Young Augustine: A Chapter of the History of Origenism*. — Piscataway (NJ): Gorgias Press, 2009. — P. 27–36.
- ²¹ См.: Hadot P. *Op. cit.* — P. 107 ff.
- ²² См.: Ориген. *Филокалия*. XV; Климент Александрийский. *Строматы*. I. 7; Hadot P. *Op. cit.* — P. 138–139.
- ²³ О влиянии и последующем распространении этого сочинения см.: Copeland R., Sluiter I. (Eds.). *Op. cit.* — P. 149 ff.
- ²⁴ *Ibid.* — P. 210–211.
- ²⁵ О символическом значении числа «семь» для Кассиодора см.: *Ibid.* P. 221.
- ²⁶ Hiscock N. *The Wise Master Builder: Platonic Geometry in Plans of Medieval Abbeys and Cathedrals*. — Hampshire (UK): Ashgate, 2000. — P. 139.
- ²⁷ См.: Hadot P. *Op. cit.* — P. 101.
- ²⁸ Августин. *О Троице*. VII. 6.12; Hadot P. *Op. cit.* — P. 107.
- ²⁹ Здесь уместно сослаться на всестороннее исследование сложных взаимоотношений между Галилеем и инквизицией, в котором приводятся основания для обвинения Галилея в ереси: Feldhay R. *Galileo and the Church: Political Inquisition or Critical Dialogue*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- ³⁰ См. гравюру Дюрера «Философия» (1502) и комментарий к ней в книге: Hope C., McGrath E. *Artists and Humanists // Krays J. (Ed.). The Cambridge Companion to Renaissance Humanism*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — P. 181–182.
- ³¹ О развитии эпистолярной риторики см.: Mack P. *Renaissance Argument: Valla and Agricola in the Traditions of Rhetoric and Dialectic*. — Leiden: Brill, 1993. — P. 228–256.
- ³² См.: Adler M. *Op. cit.*
- ³³ См.: Newman J. *Discourses on the Scope and Nature of University Education Addressed to the Catholics of Dublin*. — Dublin: James Duffy, 1852. — P. V–XXX.
- ³⁴ См.: Сенека. *Письма к Луцилию*. 88.2, 88.20, 88.23, 88.46.
- ³⁵ См.: Joseph M. *The Trivium: The Liberal Arts of Logic, Grammar, and Rhetoric*. — Philadelphia: Paul Dry Books, 2002. — P. 4.
- ³⁶ Хорошей отправной точкой в изучении этого вопроса является следующая работа: Snider G. *In Defense of Music's Eternal Nature: On the Pre-eminence of Musica theorica Over Musica practica*. A Thesis Submitted to the College of Graduate Studies and Research in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts in the Department of Philosophy, University of Saskatchewan, Saskatoon, 2005 (http://ecommons.usask.ca/bitstream/handle/10388/etd-01282005-145722/thesis_submission_January_2005.pdf?sequence=1).

Куда плывет корабль «Россия»?

Steven Lee Myers. The New Tsar: The Rise and Reign of Vladimir Putin. New York: Alfred Knopf, 2015. — X, 574 p.

Книга эта заканчивается очень грустно. «Даже если в 2024-м (после завершения очередного президентского срока. — А.З.) Путин отойдет от власти, ему будет меньше семидесяти двух лет. Между тем, находясь в должности, Брежнев умер в семьдесят пять лет, а Сталин в семьдесят четыре года. Возможно, он передаст власть новому лидеру, опять Медведеву или кому-то другому из своего окружения, а может быть, и не станет делать этого. В конечном счете только ему решать, уходить или оставаться» (с. 481). Впечатляющее жизнеописание, составленное проработавшим семь лет в России корреспондентом *New York Times*, никак не способствует оптимистическому восприятию подобной перспективы. Взвалив на себя задачу почти непосильную — ибо аура тайны, окутывающая личность нынешнего вождя, почти непроницаема, — автор все же сумел создать яркую картину, в которой попытался детально и всесторонне показать, как режим единоличной и неограниченной власти функционирует в России начала XXI века.

Писать о вождях нашей страны всегда было непросто, в некоторые эпохи за неосторожное слово могли и голову оторвать, а единственным исключением, пожалуй, была и остается пока эпоха Горбачева. Впрочем, на фоне цинизма, лицемерия, унылости современной российской политики светлые надежды и наивная искренность перестройки уже да-

вно кажутся детской забавой. Озабоченность имиджем, взращенная победоносным шествием телевидения и Интернета, приобрела в наши дни характер патологии — особенно в тех общественных системах, которые не дружат с демократией. В России, в частности, образ правителя, над которым работает целая индустрия и который потом предлагается потребляющим его подданным, живет самодостаточной жизнью; мы толком и не знаем, есть ли что-то общее между этой глянцево-картинкой и реальной личностью. Задолго до появления ОРТ и РТР Макиавелли объяснял, что люди в основном судят о вождях по виду, поскольку увидеть глазами дано всем, а вот потрогать руками лишь очень и очень немногим. «Государю нет необходи-

мости обладать добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими, — писал флорентийский классик. — Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстает как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие». А теперь попробуйте представить себе, что значит работать над биографией политического деятеля, чувствующего себя в подобном контексте, как рыба в воде, и особенно нажимающего на благочестие. Это, понятное дело, очень и очень сложно.

Предприимчивостью американского журналиста можно восхищаться: несмотря на все противопоказания, он взялся за эту работу и даже неплохо с ней справился. Эту книгу можно было бы посоветовать всем тем, кто хотел бы узнать, есть ли у нынешнего президента России внуки, как он проводил досуг, работая в Дрездене, за кого болел во время шахматного матча между Карповым и Каспаровым и что делал в дни августовского путча 1991-го и сентябрьского переворота 1993-го. В объемном произведении, кстати, нет никакого очернительства: господина Навальный или, скажем, Белковский высказываются о Путине куда более нелицеприятно. Настоящий журналист, как и настоящий историк, должен действовать по принципу «догадайся-ка, читатель, сам»: главное — предоставить факты, и желательнее побольше. А их в этой книге более чем достаточно, все-таки без малого полтысячи страниц. Есть тут и чеченская война, и гонения на программу «Куклы», и подлодка «Курск», и мюзикл «Норд-Ост», и школа в Беслане, и лондонский полоний, и наш Крым. Автор беспристрастен, он ни в чем, абсолютно ни в чем не обличает и не обвиняет своего героя. Кремль, который в последнее время устал отбиваться от «информационных вбросов» враждебных сил, едва ли станет обижаться на эту книгу, а Марии Захаровой не придется возвысить против нее гневное слово. В самом деле, кого спо-

собны оскорбить рассуждения, например, о том, что многие приятели и друзья, окружавшие Путина в юности и молодости, за пятнадцать лет его правления стали очень-очень богатыми людьми? Во-первых, это правда, а во-вторых, так ведь могло получиться абсолютно случайно. Или, скажем, констатация того, что глава государства неравнодушен к творчеству Григория Лепса и Филиппа Киркорова? Ведь у каждого из нас свои представления о прекрасном, а живем мы в свободной стране. Замечательная же история о том, как мать будущего президента еще в советское время выиграла в государственную лотерею «Запорожец», и вовсе глубоко символична: вложив в дело 30 копеек, можно порой, благодаря чистому везению, получить отдачу в 3,5 тысячи рублей, что и доказывают некоторые политические биографии, как зарубежные, так и отечественные.

Огорчили меня не столько описанные автором причудливые (и в основном, кстати, общеизвестные) детали и подробности общей картины нынешнего царствования, сколько показанная в книге историческая логика функционирования абсолютной власти. Многим читателям, полагаю, станет не по себе именно в тот момент, когда увлекательное повествование подведет их к неминуемому вопросу: неужели в сложнейшем мире XXI столетия огромная многомилионная страна может управляться по воле одного человека, ни в чем и никогда не встречающего возражений? А если одинокий кормчий развернет корабль нашего государства поперек всех ветров и течений и по невнимательности — ведь мы же не боги, всего не предусмотреть — направит его на рифы, кто же подскажет ему, что он не прав? Автор, разумеется, оставляет эти интереснейшие вопросы без ответа. И это не удивительно, поскольку отвечать на них надо не ему, а нам, российской публике.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Гордин А.И. *Искусство мыслить*. — Иркутск: Изд-во ФГБОУ ВПО «ВСГАО», 2014. — 312 с.

Мышление — одновременно самая очевидная и самая непознанная человеком способность. Самая очевидная, потому что, вроде бы, не требует никаких объяснений, она всегда дана в присутствии — вот я, читающий эти строки, уже что-то «подумал». Что может быть более простым и естественным? Более того, если не задавать вопросов, то, кажется, что я подумал «хорошо». То есть подумал и достаточно, и ясно. Но нередко бывает, что нужное дерево как раз труднее всего найти в лесу. То же самое с мышлением — стоит только начать анализировать его, как появляется множество неочевидных ранее вопросов и затруднений, на которые мы не знаем, как реагировать. Начиная с того, что наш анализ собственного мышления — это тоже мышление и заканчивая тем, что, вмешиваясь в процесс мышления, мы его затрудняем дополнительно. Пока от нас не требуется конкретный результат, вся глубина несвободы нашего мышления не осознается. Ситуация становится очевиднее лишь когда надо решить конкретную задачу — изучить какой-то материал и написать исследование, или понять, как думают или чувствуют другие. В этом случае всегда есть точные критерии достижимости результата или сравнения, которым бывает непросто соответствовать. Мыслительная недостаточность вызывает фрустрацию, когда привычный образ себя как владельца собственного мышления не соответствует реальным возможностям. Но еще интереснее, когда оказывается, что ты не свободен пользоваться своим умом естественным образом. Свободу мыслить надо еще, в самом прямом смысле слова, зара-

ботать. Оказывается, что и тут верно это «freedom is not free» (свобода не бесплатна) — давняя максима, увековеченная в камне и бронзе.

Именно поэтому и нужен такой учебник, как «Искусство мыслить» Александра Гордина, изданный в Иркутске — написанный лаконичным и подчас нарочито сухим языком, за которым автор скрывает свою страсть к предмету. Это очень большой труд и каждый, кто сам учился мыслить на трудах великих, знает это. Но будет ли он полезен, сможет ли сократить путь от точки, в которой человек обращает внимание на непрозрачность для него собственного мышления, к осознанию определенных норм и целей пользования мыслительным аппаратом? Можно ли научить мыслить по каким-то методическим указаниям и сработает ли такое средство? Можно ли синтезировать методологически и теоретически теории сотен авторов и, часто, не вполне четко сформулированные? Конечно, все знают, что обучаясь логике мы развиваем свое мышление, но ведь логические операции это далеко не всё, о чем автор учебника прекрасно осведомлен, разделяя мышление на интуитивное, рациональное, творческое, сознательное и подсознательное, интуитивное, публичное, вербальное, да еще и утверждая, что даже это разделение далеко не окончательное.

Автор выбрал внешне простое, но изящное решение, которое в чем-то можно сравнить с методологией Фердинанда де Соссюра: когда тот начал рассуждать о предмете своего исследования, ему пришлось говорить не столько о языке, сколько о структуре мышления и о том, как оно оперирует знаками, о развитии языковых структур во времени и фактически об интегральном счислении — только не на математическом языке, и не по поводу

математических величин. Сосюр создал, можно сказать, аналоговую версию интегрального исчисления для гуманитарных дисциплин. Решил классическую апорию древнегреческого философа Зенона «Ахиллес черепаха» — в области эволюции языка. Точно так же автор учебника пытается рассматривать не само мышление или сознание (он очень внимательно отнесся и к их связи и к различиям), а их процессы в филогенезе, онтогенезе, диахронии и синхронии, раскладывая на простые конструктивные элементы и выяснять, как они взаимодействуют, как изменяется структура и её части. С этой точки зрения можно совмещать множество теорий, не как средство ответа на поставленный вопрос — что есть мышление, а как способ описания нашей работы с ним. Это может даже показаться эклектикой, но в данном случае автору удалось сделать ее продуктивной, создать из систематизации некий стиль. В итоге грамотная систематизация становится ценной сама по себе — именно такое впечатление создает учебник с первых страниц.

При изначальном скепсисе, а я не большой любитель учебников, мне было потом интересно осознать, например, как перцепция становится апперцепцией, а затем единством апперцепций. Автор, разумеется, достаточно подробно рассматривает связь между разными типами мышления, между «субстанцией протяженной» и нематериальной, анализирует как связаны мышление и язык, публичные и индивидуальные аспекты использования мышления. Но он также пытается подтолкнуть читателя к представлению о возможности некой метатеории мышления, которая может существовать только как личная работа с собственным мышлением и сознанием. И вот это последнее, пожалуй, самая важная для меня характеристика.

Цель автора — помочь совершить шаги на пути «решения проблемы собственного

существования». Мне учебник нравится как раз тем, что он при некоторой заданной жанром прямолинейности, упорно проговаривает и дает практическое понимание невозможности прямых ответов на вопросы, связанные с сознанием и мышлением, автор не старается использовать язык так, как мы это делаем обычно.

Надо понимать, что речь идет тут о тонких различиях. Даже так — о различии, как об основной и фундаментальной процедуре нашего мышления. От того, насколько тонко и точно выстроен процесс различения зависит всё. Поэтому для меня важно, что автор бережно относится к мышлению и сознанию, не позволяя себе прикасаться к ним непосредственно, в лучших традициях феноменологии, но без её сложных для восприятия языковых изысков. В этом он фактически следует за американским физиком Дагласом Хоффштадтером, применившим понятийный аппарат теоремы Гёделя о неполноте формальных систем для анализа и описания процессов творчества и креативности. То есть, мы имеем дело с учебником о мышлении, который не закрывает возможности для самого мышления. Не пытается загнать его в своды формальных правил, но помогает организовать и изучить само себя; учебник будит мысль, а не убивает ее, загоняя в рамки и схемы. Весьма нетривиальная задача, решение которой вызывает уважение. Ну и, конечно же, на его основе можно проводить курсы: это готовая программа обучения, методическое пособие для университетского преподавателя гуманитарных дисциплин. Если бы наше государство было заинтересовано в развитии граждан, изданный в 2014 году учебник «Искусство мыслить» уже был бы издан за государственный счет и использовался преподавателями вузов страны.

*Денис Греков
г. Барнаул*

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

Контрапункт

РОССИЯ — АВТОРСКИЙ ПРОЕКТ ПУТИНА?

Известный российский журналист Михаил Зыгарь написал книгу о новейшей российской истории, которая немедленно стала бестселлером (Зыгарь М. *Вся кремлевская рать: Краткая история современной России*. — М.: Интеллектуальная литература, 2016. — 408 с.). В России вышло уже два издания, которые быстро раскупаются. Книгу активно переводят на основные европейские языки и издают за границей.

Книга прекрасно восполняет зияющий пробел нашего коллективного незнания нашей же истории последних 15 лет, то есть путинской эпохи. Дни и годы летят мимо нас, многое нами не осознается толком и тут же забывается, и Михаил Зыгарь оказался первым, кто записал и написал эту историю, и более того — сделал убедительную попытку не только рассказать нам про эти 15 лет, но и объяснить их.

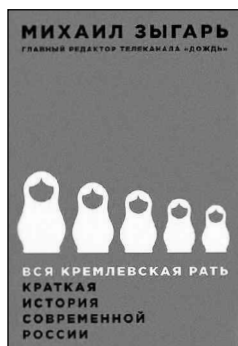
Для реконструкции главных событий путинской эпохи автор прибег не только к изучению обширного массива доступных материалов — публикаций, интервью и информационных сводок, но и к большой серии глубоких интервью с реальными участниками событий, в том числе и с теми, кто принимал ключевые политические решения (например, среди собеседников автора — Александр Волошин, Глеб Павловский, Михаил Ходорковский и Анатолий Чубайс). Его конфидененты в большинстве случаев предпочли закрытый анонимный формат, опасаясь плохих для себя последствий. Тем не менее, на условиях строгой анонимности, они рассказали Михаилу Зыгарю очень многое и откровенное. Такой богатый инсайд, полученный от непосредственных деятелей эпохи, — сильнейшая сторона книги.

Вся эпоха Владимира Путина (от прихода к власти в конце 1999 года и до убийства Бориса Немцова в конце февраля 2015 года), эпоха, которая далеко еще не завершилась, разделена автором на четыре периода. Первый — от прихода Путина к власти в 2000 году до ареста Ходорковского в 2003-м и отставки Касьянова с

поста премьер-министра. Этот начальный этап — этап постепенной консолидации власти в руках Путина и его команды, ослабление и отход от власти бывшей ельцинской команды и «семьи» первого российского президента. Второй этап, 2003–2008 годы («Путин 2 — великолепный»), — этап укрепления власти Путина, начала трений с Западом и подбора преемника на посту президента, которым в итоге стал Дмитрий Медведев, а не Сергей Иванов. На этом этапе внутренней политикой заведовал Владислав Сурков и утвердилась концепция «суверенной демократии». Третий этап (2008–2012) — ограниченное (во всех смыслах) президентство Дмитрия Медведева. В эти четыре года Путин, сидя в кресле премьер-министра, зорко следил за своим молодым выдвиженцем, не выпуская из рук вожжи реальной власти. Не случайно эта глава в книге называется «Царевич Лжедмитрий». Робкие надежды Медведева на сохранение президентского поста разбились в прах, и весной 2012 года Путин вернулся в Кремль. Начался четвертый, нынешний период путинской эпохи, названный Зыгарем «Путин III Грозный». Это оказался период закручивания гаек, посадок активистов протестного движения, борьбы с НКО, с «иностранными агентами», «пятой колонной», врагами на Западе и их «приспешниками» внутри страны.

События изложены автором подробно, в целом очень точно, с множеством любопытных и характерных деталей. Много в книге верных и образных обобщений — как по отдельным фигурам, так и по ключевым событиям. Например, говоря о доминировании агрессивного антиамериканизма и антизападничества в российских медиа после 2012 года, Михаил Зыгарь справедливо отмечает: «Возможно, антизападничество российских политиков — не паранойя, а тонкий расчет. Они знают свой электорат и стремятся говорить с ним на одном языке. После «болотных протестов» 2011–2012 годов они ориентируются на широкие народные массы. А те любят конспирологию, не любят Америку. Больше того, российские руководители знают, что если телезрителю не предложить простой и правдоподобный ответ на мучающий его геополитический вопрос, то он сам придумает что-нибудь похуже. Впрочем, и эта теория — конспирологическая. Нет никаких доказательств, что российские чиновники столь хитроумны. Скорее всего, они вправду верят в собственные выдумки».

Как же объясняет Михаил Зыгарь извилистую траекторию, пройденную страной за минувшие 15 лет: от становящихся демократии и либерализма 90-х — к авторитаризму и монополистическому, загнивающему госкапитализму 2000-х (выстроенному словно по ленинским, классическим, лекалам)? От ориентации на интеграцию с Западом — к жесткому с ним противостоянию? Необычно, но последним виновником такой траектории Михаил Зыгарь считает лицо эпохи — самого Владимира Путина. В заключительном параграфе, показательно названном «Король навсегда», автор формулирует главную мысль всей своей книги: «Путинский королевский двор принял твердое решение идти до конца... Никто из моих собеседников не видел перспективы изменения ситуации... очень интересный миф: будто все в России зависит от Путина, а без него все изменится. Эта книга демонстрирует, что Путина, каким мы себе его представляем, не существует в природе. Вовсе не Путин привел Россию к ее нынешнему состоянию — он даже

долгое время сопротивлялся этим метаморфозам. Но потом поддался, поняв, что так проще. ...Его приближенные думали, что они стараются угадать его замыслы, — на самом деле они осуществляли свои. Нынешний образ Путина — грозного русского царя — придуман за него и зачастую без его участия... Мы все себе выдумали своего Путина. И, скорее всего, он у нас — далеко не последний».

В интерпретации Михаила Зыгаря Путин всегда, и исключительно, — лишь реагировал на события. И никогда не продвигал свою собственную стратегию и повестку дня. Причем реагировал скорее как ведомый, нежели как лидер. Реакции на события предлагались ему могущественными фигурами в его окружении (Волошиным, потом Сечиным, теперь — Николаем Патрушевым), а сам он лишь более или менее точно следовал их рекомендациям. Вот оно и вышло, что поначалу путинская Россия отражала представления о ней Волошина, потом Сечина, а ныне — главы Совбеза Патрушева, с его ярко выраженной антиамериканской и антидемократической паранойей.

Такое смелое ключевое допущение автора требует по меньшей мере дальнейшей проверки и изучения. Возможно, представление о пассивности и ведомости Путина, об отсутствии у него изначальной стратегии и системы ценностей, о том, что его все эти годы «играла свита» (или, по Зыгарю, «вся кремлевская рать»), сформировалось как бы само собой — в силу того, что автор книги говорил со многими людьми из путинского окружения (ближнего и дальнего). И в результате сложился образ Путина глазами окружения, взгляд именно из окружения.

Людям свойственно приписывать именно себе решающее влияние на события — этим заполнена вся мемуарная литература. «Я зашел... я предложил... я настоял... он подумал... и... согласился». Особенно это свойственно людям, обладающим властью и влиянием на первых лиц. Так, из их воспоминаний может возникнуть искаженный образ первого лица, игрушки в руках своего окружения, лишь реагирующего на события и глядящего на них глазами своих советников. Но в какой мере это относится к Владимиру Путину? Ключевой вопрос всей путинской эпохи — именно этот. Имел ли Владимир Путин, уже в момент прихода к власти, свой взгляд на будущее России? Свою, пусть и смутную поначалу, стратегию? Был ли он уже в августе 1999 года, когда Ельцин внезапно для всех выдвинул его на пост премьер-министра и в качестве своего преемника, носителем ценностей российского великодержавия, традиционализма, консерватизма? Намеревался ли он уже тогда свернуть молодую российскую демократию? Думал ли он о том, что его будущая власть станет столь долгой, по природе своей несменяемой? Если да, то все его последующие шаги, все его действия в моменты кризисов определялись этими ценностями и этой долгосрочной стратегией. Окружение влияло и влияет, и это нормально и естественно в любой политической системе, в тех же США, но все же решающий выбор всегда делал сам Владимир Путин и двигали им его базовые представления о том, что такое Россия и российский народ. Если нет, если он просто плыл по течению, то тогда действительно короля могла сыграть и играет поныне его свита.

Лично мне при чтении замечательной книги Михаила Зыгаря бросился в глаза один важный пробел. А именно — отсутствие упоминания и анализа ряда программных и важных, с моей точки зрения, текстов, которые могут сдвинуть общий вывод в пользу первого варианта.

Прежде всего речь идет о первой программной статье Владимира Путина, которая была опубликована в «Независимой газете» 30 декабря 1999 года. Ровно за день до сенсационной досрочной отставки Бориса Ельцина с поста президента, в результате которой Владимир Путин стал и.о. президента, и тут же дал старт скоротечной президентской кампании, сделавшей его главой государства в первый раз. Статья называлась «Россия на рубеже тысячелетий» и была ничем иным, как впервые обнародованной политической стратегией нового лидера России, к тому моменту успевшего набрать огромную популярность.

Я помню свое впечатление от этой статьи. Она была очень необычная, эта статья. В ней (уже тогда!) вдруг зазвучала совсем другая музыка, в сравнении с тем, к чему мы все привыкли в 90-е годы. В ней было много обыкновенного, либерального, привычного — о демократии, правах человека, европейских ценностях, реформах, либеральной экономике, интеграции России в мир. Но было в ней и нечто совсем другое, непривычное, принципиально новое. То, что сразу отделило Путина от ельцинской эпохи. То, что сегодня, 16 лет спустя, стало российским мейнстримом.

Центральным разделом той — программной — путинской статьи стала глава «Русская идея». Уже само это словосочетание обозначало резкий разрыв с горбачевско-ельцинской эпохой, ориентированной на интеграцию России в развитый демократический мир. Но еще более поразительным было содержание раздела. Владимир Путин утверждал, что основой развития страны должны стать «исконные российские ценности, выдержавшие испытания временем». Какие же это ценности? Патриотизм, державность («Россия была и будет оставаться великой страной»), государственничество (прямо противопоставленное либеральным демократиям Запада), социальная солидарность («в России тяготение к коллективным формам жизнедеятельности всегда доминировало над индивидуализмом»).

Нетрудно заметить, что все четыре предложенные преемником Ельцина «базовые ценности» российского общества носили нелиберальный, если даже не антилиберальный характер. И что уже самые первые шаги Путина на посту президента — взятие под контроль телеканалов НТВ и ОРТ, реформа Совета Федерации и изгнание оттуда влиятельных региональных лидеров, введение института полпредов в федеральных округах, ограничение самостоятельности субъектов Федерации, сокращение полномочий органов местного самоуправления (земств), провозглашение главного лозунга — строительство «вертикали власти» — все это с самого начала носило антидемократический и антилиберальный характер, было направлено на ослабление, а дальше — и полную ликвидацию других центров власти и политического влияния.

Мне рассказывали очевидцы, что, еще работая в Санкт-Петербурге, первым заместителем мэра Анатолия Собчака, в середине 1990-х годов, Владимир Путин на нескольких публичных встречах с западными представителями

переходил на жесткую антизападную риторику, напоминающую его позднейшую и знаменитую «мюнхенскую речь» (2007).

Из этого и многого другого может сложиться совсем другая картина, нежели та, что представлена Михаилом Зыгарем. А именно что Владимир Путин уже в момент прихода к власти, в конце 1999 года, имел вполне цельную картину мира, всецело сформировавшиеся правоконсервативные взгляды, пусть и общее, но при этом довольно последовательное представление о необходимости «наведения порядка» в стране, в изложенном выше правоконсервативном духе. И что все его решения, пусть и под сильным влиянием момента и окружения, принимались в одной и той же логике, всякий раз поворотом руля государства в одну и ту же — правую, а теперь и в крайне правую — сторону.

Это вовсе не отменяет справедливого заключения о том, что Владимир Путин, одновременно со своими личными представлениями о должном, выразил и чаяния самого общества, правящих элит, переживающих глубокий рессентимент — после распада СССР, экономического и морального упадка 90-х, ослабления позиций России в мире, неудач рыночных и демократических реформ. Путинская эпоха ввела в широкий общественный оборот понятие «лихие 90-е» и провозгласила себя счастливым избавлением от них, «вставанием России с колен» (как бы все это ни было далеко от реальности).

Лично мне представляется, что Владимир Путин является не столько продуктом влияния внешних шоков, рабом социологических опросов, разнонаправленных влияний своего пестрого окружения, своего менталитета работника советских спецслужб, сколько умелым и хладнокровным политиком, у которого с самого начала была стратегия консолидации власти, ухода от демократической «вольницы», запрета бизнесу заниматься политикой, ограничения власти регионов и городов, наведения порядка в традиционном для России, авторитарном, виде. Он не был и не является лишь зеркалом, отражающим других, он принимал и принимает свои собственные решения, резонирующие с обществом и меняющие страну, как он сам верит, в лучшую сторону. И в этом смысле путинская эпоха — гораздо более персональный, авторский проект, чем это может показаться.

Блестящая книга Михаила Зыгаря открывает всем нам возможность профессиональной дискуссии на эту ключевую тему, как, впрочем, и на другие тоже. В том числе и для обсуждения второго ключевого вопроса книги — способно ли российское общество в принципе выдумать для себя что-то другое, кроме как новых путиных?

ЗАВЕЩАНИЕ МУДРЕЦА

В начале января 2016 года, зайдя по своим делам на московскую радиостанцию «Эхо Москвы», я обнаружил там предназначенный мне приятный подарок. Это была толстая зеленая книжка в мягкой бархатистой обложке, дружески подписанная мне автором. Я держал в руках только что вышедшую из печати книгу Георгия Ильича Мирского «Исламистское безумие, российские страсти и прошлые напасти» (Санкт-Петербург: Астерион,

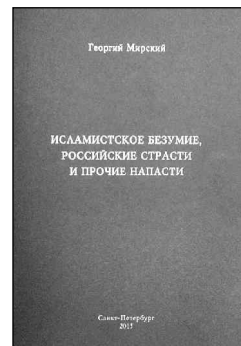
2015. — 448 с.) Лестная надпись гласила: «Владимиру Рыжкову с пожеланием пробиться к политическим высотам на благо России». Сам Георгий Мирский лежал в эти дни в больнице, готовясь к онкологической операции. 26 января 2016 года его не стало. Ему было без малого 90 лет. И я не успел поблагодарить его за подарок и теплое пожелание. А книга, изданная крохотным тиражом на деньги его почитательницы из Питера, оказалась последней в его жизни.

Георгий Мирский был выдающимся советским и российским арабистом, ярким публицистом и просветителем. В годы войны он, тогда подросток, работал медбратом в военном госпитале, шоферил, латал московские теплотрассы. В 1952 году окончил Московский институт востоковедения. С 1957 года и по последний день жизни работал ведущим востоковедом в ИМЭМО (почти 60 лет!). Читал курсы в ведущих российских и американских университетах, издал 17 книг, из них четыре — в США. Мирский был выдающимся арабистом мирового класса. Его книги о роли армии в странах третьего мира стали классическими.

В последние годы жизни Георгий Ильич, которому была уже далеко за 80, раскрылся с совершенно новой и неожиданной стороны. Он стал популярным блогером, завел свой блог на сайте «Эха Москвы» и принялся регулярно писать там на остроактуальные темы. Публика быстро распробовала его полные юмора, сильных образов и выдающейся научной эрудиции тексты и бросилась жадно их читать. Каждая короткая заметка Мирского выходила в топы, набирая порой больше 100 тысяч прочтений. И вот подаренная мне зеленая книжка собрала все эти тексты воедино, от первой записи, датированной 17 февраля 2011 года, и заканчивая последней, от 24 ноября 2015 года, за два месяца до смерти. Первая запись рассказывала о беспорядках «арабской весны» в Бахрейне и о самом начале народных выступлений в кадаффистской Ливии. Последняя — объясняла читателям, что представляет из себя ИГИЛ — «чума XXI века» (выражение самого Мирского).

Три темы волновали Мирского, ученого, гражданина и просветителя, в последние годы жизни. Три темы проходят сквозной линией через все его тексты на «Эхе». Во-первых, ситуация на Ближнем Востоке, распад там государств и режимов, подъем радикального исламизма и терроризма. Во-вторых, российская история, острая борьба за ее интерпретацию, становящиеся все более назойливыми попытки ее фальсификации в угоду тем или иным политическим силам, возрождение в России агрессивной идеологии шовинизма, антиамериканизма и антизападничества, попытки реабилитации сталинского режима. И наконец, в-третьих, современная российская политика, все более пугавшая Мирского нарастающим откатом в мрачное прошлое, столь ему памятное.

Если Михаил Зыгарь описывает нашу эпоху как молодой современник, живущий в текущем времени и в его смыслах, что делает почти невозможной задачу «вынырнуть» из потока современности, посмотреть на него со стороны, отстраненно, как бы сверху, то Георгий Мирский глядит на все это с высоты своего огромного жизненного опыта, прожитых десятилетий,

огромных и конкретных знаний того, что было на самом деле. Он — свидетель эпохи, точнее, сразу трех эпох (как он сам пишет в своей книге мемуаров) — советской, постсоветской демократической и нынешней, путинской, эпохи реванша и попыток обращения вспять. Это придает его воспоминаниям и оценкам редкое значение истины, подлинности, даже непрерываемости. Звучит голос умного и точного свидетеля и очевидца, которых у нас осталось, тем более с таким глубоким научным пониманием самой сути вещей, совсем немного.

Отправным моментом для каждой статьи Мирского, по требованиям жанра — короткой, афористичной, ясной по языку и по мысли, становится изумление, интеллектуальная и гражданская оторопь. Увидев, или услышав, или же прочитав в который раз что-то несусветное, что-то совершенно несуразное и невообразимое, Мирский буквально замирает от изумления: «Да что же это такое?! Вы это всерьез?!» И пишет в ответ разящий текст. Он не просто свидетель трех эпох, он свидетель и лекарь абсурда.

Вот взять, к примеру, обуявший едва ли не все наше общество зоологический антиамериканизм. В заметке «Браво Обама! Огонь по душегубам!» (от 11 сентября 2014 г.) Мирский горячо приветствует решение американского президента начать бомбить позиции ИГИЛ в Ираке и Сирии. И тут же иронизирует над многочисленными нашими новоявленными «патриотами»: «Предвижу визги и вопли, которые сейчас раздадутся: как, радоваться тому, что Америка опять будет кого-то бомбить? ...Джихадисты из ИГ стоят на одной доске с эсесовцами и полпотовскими «красными кхмерами», это надо сказать четко и определенно. И это не те люди, к которым применимы формулы «политическое решение», «переговоры», «международная дипломатия». Только уничтожение. Об этом прямо и сказал Обама. ...Не сомневаюсь, что множество людей в нашей стране в глубине души предпочли бы Гитлера, если бы он воскрес и стал воевать с Америкой. Иначе и быть не может после стольких лет чудовищной антиамериканской пропаганды. И это зловоние все крепчает, включите телевизор». И, завершая, припечатывает: «американцы никогда не пошлют смертников взрывать московское метро. А Халифат — вот он пошлет, можете не сомневаться». Все последние годы Мирский говорил о том, что именно ИГИЛ — самый наш злой, самый смертельный враг, притом общий враг и для России, и для США. Что в отношении радикальных исламистов может быть лишь одно решение — уничтожение. Что США и Россия должны быть союзниками в этой войне. И вот только-только, в 2016 году, дело с обеих сторон начинает идти к пониманию этого.

Как свидетель эпохи, переживший войну в Москве, Мирский много и подробно рассказывает об огромной, неоценимой помощи, которую оказали США Советскому Союзу, своему союзнику в борьбе с Гитлером. Про продукты питания, бензин, локомотивы, одежду и обувь, лекарства, про «Студебекеры» и «Виллисы», за рулем которых он намотал немало километров. Про все то, без чего наша страна недосчиталась бы еще многих миллионов жизней. «Америка спасла нас — вот что говорю я уверенно и демонстративно всем лжецам и фальсификаторам истории».

Для чего же в обществе изо дня в день разжигается ненависть к США, Европе, Западу в целом? А вот зачем, ясно формулирует Мирский: «сверху

дается железобетонная установка: за спиной всех террористов, убийц, диверсантов, заговорщиков, вредителей стоят только американцы. И все это ведь не просто ради того, чтобы заклеить и облаять ненавистный Вашингтон — нет, об этом даже не обязательно думать. Все только для поддержания «патриотической мобилизации», сохранения атмосферы осажденной крепости, закрепления восторженно-преданного отношения к власти. А люди верят. Я даже слышал такой разговор: «Вот и хорошо, пусть там пиндосы, арабы и чечены друг друга режут. Логично и закономерно».

Той же цели, цели мобилизации народа вокруг авторитарной и при этом малоуспешной в экономике и социальной сфере власти, служит и ползучая реабилитация Сталина. Надо обязательно убедить народ, что диктатура, несменяемая власть, власть, никому и ни в чем неподотчетная и есть то, что нужно для России. Ведь победила же Гитлера наша кровавая диктатура! — кричат поклонники Сталина. Кому это все нужно? А тем, кто «промывает людям мозги и создает условия для того, чтобы вернуть в нашу жизнь страх, запуганность, доносы, стукачество, «охоту на ведьм», ненависть ко всем, кто иначе думает и не так живет, двоемыслие, запрет свободы слова, рабское пресмыкательство и ощущение полного бессилия перед всемогущей властью, ничтожество личности, подавляемой государством от лица народа, обожествление вождя с его единственно правильной идеологией. Именно то, что роднит сталинизм с фашизмом». И замечу уже от себя, тем, кто, добившись всего этого, надеется править Россией вечно и вечно же и бесконтрольно ее разворовывать.

Мирский идет напролом против течения, против массовой ностальгии по утраченному «советскому раю». Он, проживший в СССР 65 лет жизни, свидетельствует, что простые русские люди крыли Сталина матом до, во время и после войны, что за те пять лет, которые молодой Мирский отработал с простыми рабочими, он не слышал ни одного доброго слова ни о Сталине, ни о советской власти, разорившей как крестьян, так и рабочих. Народ воевал с немцами не за Сталина и советскую власть, а за Россию. А раненые из под Ржева говорили Мирскому, что никто из простых солдат не поднимался в атаку со словами «За Родину, за Сталина!» — это обязаны были кричать только командиры и политработники, а простые солдаты кричали только «Ура!» да матерились.

Еще он вспоминает, что в 1991 году никто (!) не вышел защищать СССР и власть коммунистов — ни военные, ни чекисты, ни партработники. Ни один человек! Такова была истинная цена этой власти и этого «рая». А Верховный Совет, состоявший сплошь из бывших и настоящих коммунистов, дружно проголосовал за роспуск СССР и Беловежские соглашения. Мирский считал, что СССР развалила в первую очередь гласность. Когда люди узнали обо всех преступлениях советского режима, они задались простым вопросом: «Какое право имеет эта партия, наломавшая столько дров, продолжать руководить страной?»

Ключевая тема для Мирского-арабиста — истоки, история, природа, мотивы, перспективы исламистского терроризма и способы борьбы с ним. Это, наряду с правдой о российском прошлом, основное завещание Мирского, то, что мы должны понять и применить на практике.

«Аль-Каида» Усамы Бен Ладена — это сетевая организация, бренд и идеология. Ее цель, как и ее преемницы — ИГИЛ — захват власти в ключевых мусульманских странах — Саудовской Аравии, Пакистане, Египте, Иордании. Установление там жесточайшей диктатуры и шариата в его самой жесткой радикальной форме. Эти цели достигаются путем джихада, трактуемого исключительно как вооруженная борьба с «неверными» (включая мусульман — шиитов и умеренных суннитов). Помимо «Аль-Каиды», Бен Ладен создал еще и «Всемирный исламский фронт борьбы против иудеев и крестоносцев», то есть людей Запада, включая европейцев и россиян.

«Аль-Каида» — вовсе не порождение американцев, как утверждает наша пропаганда. Она выросла из движения афганских моджахедов, а те стали реакцией на советское вторжение в Афганистан в конце 1979 года. Так что отцы терроризма — скорее Брежнев, Андропов и Устинов. Американцы помогали моджахедам в их борьбе с советской агрессией, но сразу после бегства СССР из Афганистана те немедленно повернули оружие против самих США, став их самыми лютыми врагами, организовавшими нападение на башни-близнецы в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Усама лично отбирал 19 исполнителей этого теракта. Теперь исламистский терроризм, убивающий и взрывающий людей по всему миру, — «единое глобальное зло». Применительно к России цель террористического Интернационала — оторвать от России не только и не столько Кавказ, сколько Татарстан и Башкортостан, «чтобы водрузить на их землях черное знамя халифата».

Каков рецепт Мирского борьбы с исламистами-джихадистами? Во-первых, подробно и часто объяснять народу разницу между исламом — великой мировой религией и террористами — «раковой опухолью» на теле ислама, ничтожным меньшинством мусульман. И во-вторых, увы, и никак иначе — «уничтожить, истребить бесследно извергов ИГ!».

В четкой расстановке, отделении лжи от истины, определении приоритетов — главная сила Мирского — мыслителя и публициста. Он тяжело переживал во многом фарсовое возрождение советских практик и символов в России XXI века — на фоне безудержного частного потребления и обогащения новых постсоветских «элит». Он писал о расцветшем здесь «блатном капитализме». А на вопрос американских ученых-коллег: «Почему у вас такой кривой, дикий капитализм?» отвечал: «какой был социализм, такой вышел и капитализм».

Мирский верил в российский народ. И обвинял в его многочисленных помрачениях власть — с ее ложью и пропагандой. Это значит, что он был настоящим демократом. Он писал, что за 60 лет изучения Ближнего Востока еще не видал там ситуации хуже, чем нынешняя. А по поводу России — что нынешняя общественная атмосфера, атмосфера смеси злобы, равнодушия и агрессии, даже гаже, чем советская, где хотя бы отношения между людьми были теплее и чище. Более того, он видел, что моральный упадок объят в наши дни весь мир, включая и Европу, что, возможно, свидетельствует о глубоком кризисе всей цивилизации.

Оставляя нас со всем этим, он лечил время своим бесподобным юмором. Получая, за полгода до смерти, премию «Просветитель», Мирский сказал залу: «Об одном только жалею сегодня. Что умру, так и не узнав, чем закончился палестино-израильский конфликт».

Когда происходит экономический кризис, подобный тому, что мы переживаем сейчас, необходимо полностью задействовать программы экономической стабилизации. И именно в этот сложный период важно уделять особое внимание вопросам экономической справедливости, пишет в предисловии к русскому изданию книги «Как человеческая психология управляет экономикой...» один из ее авторов.

Предлагаем читателю одну из глав этой книги*.

Справедливость

Джордж Акерлоф,
лауреат Нобелевской премии по экономике (2001),
профессор Калифорнийского университета
в Беркли, США

Роберт Шиллер,
профессор Йельского университета, США

Альберт Рис был человеком мудрым и рассудительным. Он сделал образцовую карьеру. Родился в 1921 году, высшее образование получил в Оберлинском колледже, докторантуру проходил в Чикагском университете, где ему оказали огромную честь, предложив остаться. Постепенно он поднялся по академической лестнице: сначала ассистент, потом доцент, профессор и даже декан факультета экономики. Рис специализировался на экономике труда и написал весьма авторитетную книгу «Экономика профсоюзов»**. В 1966 году

он перешел из Чикагского университета в Принстон и посвятил почти все свое время административной работе. В итоге президент Джеральд Форд назначил Риса директором Комитета по стабильности цен и зарплат. Позднее он вернулся в Принстон, где стал проректором, а закончил свою деятельность в должности президента Фонда Альфреда Слоуна. Незадолго до смерти Рис написал статью для конференции, организованной в честь его старого друга Джейкоба Минсера, выдающегося экономиста Чикагской школы, также занимавшегося вопросами экономики труда. (Аналогичная конференция в честь самого Риса

* Акерлоф, Дж., Шиллер, Р. *Spiritus Animalis*, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. Пер. с англ. Д.Пряткина. — М.: ООО «Юнайтед Пресс». 2011. — СС. 41-47.

** См.: Rees, Albert. *The Economics of Trade Unions*. — Chicago: University of Chicago Press, 1973.

прошла тремя годами ранее.) В этой статье он подвел итог своей многолетней научной работе и сделал весьма примечательное признание: оказывается, в его теоретических разработках было колоссальное упущение. Работая на административных постах, он постоянно был вынужден решать, что справедливо, а что нет. Между тем, как экономист он вообще не затрагивал понятие справедливости в своих исследованиях.

Вот что он написал: «В неклассической теории формирования заработной платы, которую я преподавал на протяжении 30 лет и которую попытался изложить в своем учебнике... ни слова не говорится о справедливости... Начиная с середины 1970-х я нередко занимал должности, где мне приходилось назначать зарплату другим. Я был членом трех правительственных агентств по стабилизации заработной платы при администрациях Никсона и Форда, членом совета директоров двух корпораций (в одной из них я возглавлял комитет по компенсациям), работал проректором частного университета, президентом фонда, членом попечительского совета гуманитарного колледжа.

На всех этих постах теория, которую я преподаю, мне не пригодилась. Факторы, участвующие в формировании зарплат в реальной жизни, похоже, сильно отличаются от тех, что прописаны в неоклассической теории. И чрезвычайно важным фактором во всех ситуациях представляется справедливость»*.

Значение справедливости

Рис в определенном смысле преувеличивает, говоря о том, как экономисты пре-

небрегают понятием «справедливость». Как и все прочие, они знают, какое значение люди придают этому критерию. Родителям нередко случается наблюдать бурные детские «разборки» по поводу того, кого папа любит больше. И всем хорошо известна библейская версия этой «драки в песочнице»: история о том, как отец Иосифа оделил его «разноцветной одеждой»** в знак предпочтения перед братьями. Сначала они бросили его в ров, намереваясь оставить там умирать, но потом передумали и, совместив приятное с полезным, продали работоторговцам, направлявшимся в Египет.

По нашим оценкам, понятию справедливости экономисты посвятили тысячи статей. Забавно, что некоторые из них написал экономист по имени Эрнст Фер (Ernst Fehr), чья фамилия по-английски созвучна слову «справедливый» (fair).

Но прозрение Риса вполне можно отнести не только к его трудам, но и ко всей экономической науке в целом. Сколько бы статей ни было написано на тему справедливости и сколь бы важной она не считалась, в экономических теориях это понятие упорно оттесняется на задний план. Хотя в некоторых учебниках справедливость упоминается как один из мотивов, она неизменно задвинута в самый конец, ближе к сноскам — в те разделы, которые, как прекрасно знают студенты, учить к экзаменам вовсе не обязательно. Профессорам же такие учебные пособия позволяют со спокойной совестью говорить, что в них говорится обо всем, что имеет отношение к предмету, — и даже о справедливости. Между тем по своему значению стремление к справедливости, возможно, не уступает другим экономическим стиму-

* Rees, Albert. *The Role of Fairness in Wage Determination* // *Journal of Labor Economics*, 1993, № 11. — P. 243-244

** Вероятно, «разноцветная одежда» — это неточный перевод. Многие ученые считают, что на самом деле речь идет о рубахе с рукавами.

лам и не заслуживает того, чтобы быть отодвинутым на второй план.

Непопулярность справедливости в экономической науке объясняется и другой причиной. Принято считать, что учебники по экономике должны рассказывать об экономике, а не о психологии, антропологии, социологии, философии — короче, не обо всех тех науках, которые изучают феномен справедливости. А преподаватели предпочитают те учебники, где не упоминаются науки, в которых они не сильны. «Чистая» экономическая теория, несомненно, имеет множество ценнейших применений, но ее используют и там, где потребность в ней не столь очевидна. Исключительно рационалистическая теория позволяет подавать материал четко и красиво. Всего лишь упомянув о том, что причина некоторых важных экономических явлений лежит за пределами формальной дисциплины под названием «экономика», вы грубо нарушите этикет, которому следуют составители учебников. Это все равно, что громко рыгнуть на званом ужине: так поступать не принято — и это не обсуждается.

Опросы

Научные данные указывают на то, что соображения справедливости в итоге с большой вероятностью возобладают над рациональными экономическими мотивами. Одно из наиболее, на наш взгляд, интересных исследований на эту тему провел психолог Дэниел Канеман вместе с двумя экономистами — Джеком Кнетшем и Ричардом Талером*.

Метод исследования понятен уже из первой предложенной ими ситуации. Приемлемы ли действия владельцев скобяной лавки, поднявших цены на лопаты для уборки снега после бурана? С точки зрения элементарной экономики вопрос лишен смысла: повышение спроса (надо же людям очищать дорожки и тротуары

*Стремление к справедливости,
возможно, не уступает другим
экономическим стимулам и может
возобладать над рациональными
экономическими мотивами*

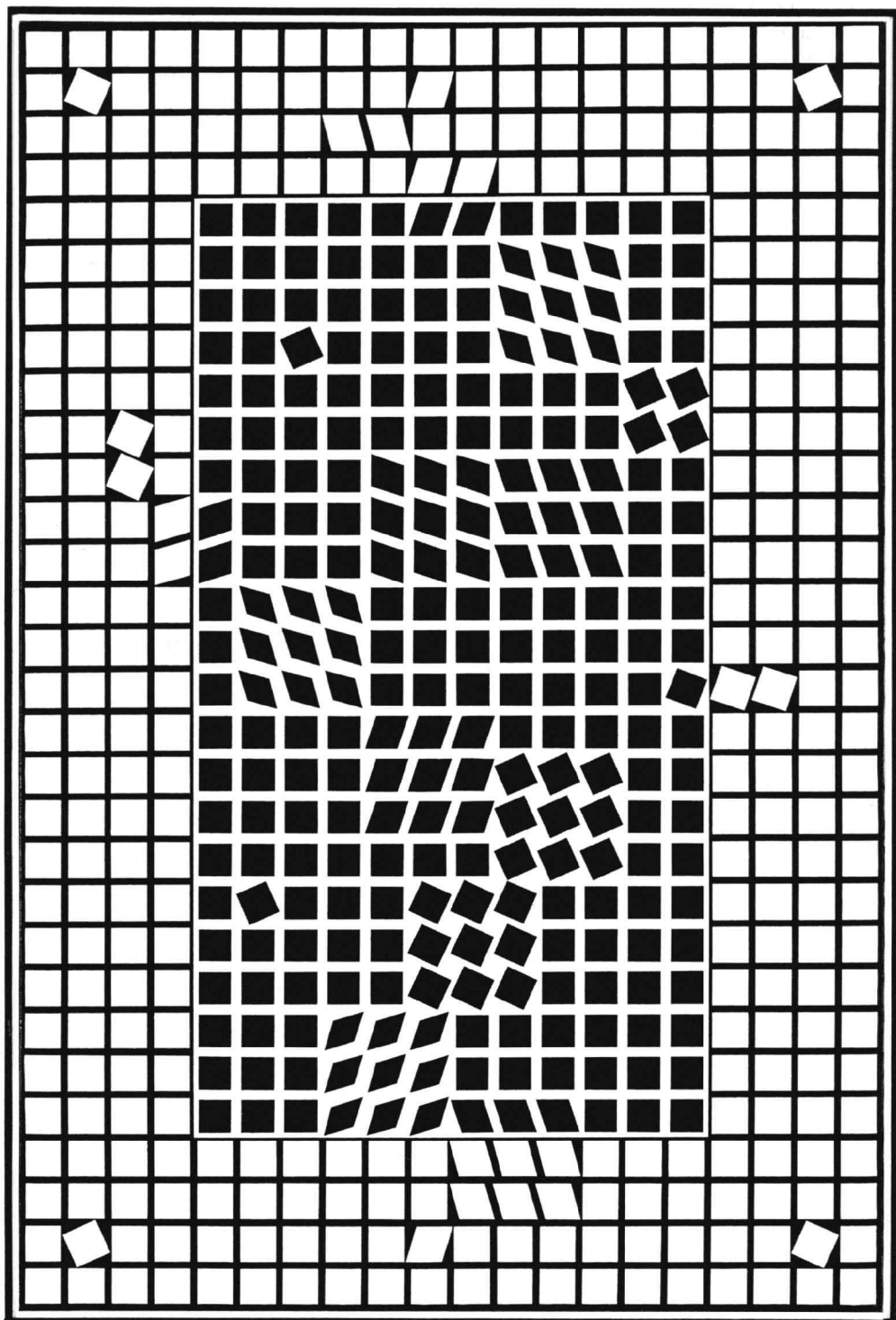
от снега) должно влечь за собой повышение цены. Однако 82% респондентов посчитали, что увеличение цены на лопаты с 15\$ до 20\$ несправедливо. Скобяная лавка, не увеличившая затрат на приобретение лопат, попросту воспользовалась безвыходным положением своих клиентов. Нужно сказать, что крупнейшая торговая сеть Home Depot после урагана Эндрю (1992 г.) учла настроения потребителей и компенсировала возросшие цены на фанеру, избежав тем самым обвинений в их взвинчивании**.

То, что соображения справедливости могут быть важнее традиционных экономических мотиваций, подтверждается и другим экспериментом Канемана, Кнетша и Талера.

Допустим, вы лежите на пляже в жаркий день, а из напитков в вашем распоряжении только ледяная вода. Вы подумываете, что неплохо было бы выпить холоденького пива. Ваш знакомый собирает-

* Kahneman, Daniel, Jack Knetsch and Richard H. Thaler. *Fairness as a Constraint on Profit-Seeking: Entitlements in the Market* // *American Economic Review*, 1986, 76(4). — P. 728–741.

** См.: Lohr, Steve. *Lessons from a Hurricane: It Pays Not to Gouge* // *New York Times*, 1992, 22 IX.

Виктор Вазарели. Битлинко. 1956

ся сходить позвонить и может купить его по пути (респондентам предлагается два варианта: в захудалом магазинчике или баре фешенебельного отеля). Он говорит, что пиво, возможно, стоит дорого, и интересуется, сколько вы готовы заплатить за бутылку. Он купит пиво, только если цена будет равной или ниже названной вами суммы. Вы доверяете этому знакомому, а возможности поторговаться (с барменом из отеля или хозяином магазинчика) нет. Какую цену вы назовете*?

Большинство респондентов в баре отеля готовы были платить в среднем на 75% больше, чем в простой забегаловке.

Эти ответы подтверждают, что чувство справедливости может возобладать над рациональными экономическими мотивами. Если бы мы думали только об удовольствии глотнуть пива, загорая на пляже, логично было бы заплатить за него одинаковую цену, вне зависимости от того, где оно куплено. Вместо этого мы готовы отказаться от дополнительного удовольствия, если в магазине запросят «слишком уж много». И отнюдь не потому, что у нас нет лишних денег. Очевидно, люди полагают несправедливым, чтобы в магазине с них запрашивали цену выше той, что они определили для себя как максимальную.

Эксперименты

Роль справедливости наглядно подтверждается и многочисленными экономическими экспериментами. Наиболее интересные провели Эрнст Фер и Симон

Гехтер**, которые несколько видоизменили известный лабораторный опыт, выявляющий уровень сотрудничества и доверия между людьми. В стандартной версии испытуемым предлагают положить некоторое количество денег в «кубышку», содержимое которой умножается на некий коэффициент и затем делится поровну между участниками группы. Если все будут сотрудничать, группа набирает максимальное количество денег. В то же время существует стимул действовать эгоистично: мой результат будет лучше, если все положат деньги, а я не положу. Обычно игра протекает так: в начале все сотрудничают, но в следующих розыгрышах понимают, что кто-то играет нечестно, и сами начинают жульничать. В конце концов, мошенничать станут все игроки. Эта модель поведения практически универсальна: она отмечена не только у людей, но и у обезьян***.

Фер и Гехтер слегка изменили правила игры. Теперь участники могли наказывать тех, кто не сотрудничает, но для этого им нужно было заплатить из своего кармана. И испытуемые охотно этим воспользовались. Попутно выяснилось, что в этом случае игроки вели себя менее эгоистично и даже после множества партий продолжали класть деньги в кубышку. Очевидно, испытуемые придавали большое значение справедливости и сердились, когда другие проявляли эгоизм.

Фер провел еще один эксперимент, в котором мозг игроков сканировался на томографе****. Он сделал вывод, что,

* Kahneman, Daniel, Jack Knetsch and Richard H. Thaler. *Fairness and the Assumptions of Economics*, // *Journal of Business*, 1986, 59 (4, part 2) — P. 287–288.

** См.: Fehr, Ernst and Simon Gächter. *Cooperation and Punishment in Public Goods Experiments* // *American Economic Review*, 2000, 90(4). — P. 980–994.

*** См.: Chen, Keith and Mark Hauser. *Modeling Reciprocation and Cooperation in Primates: Evidence for a Punishing Strategy* // *Journal of Theoretical Biology*, 2005, 235. — P. 5–12.

**** De Quervain, Dominique J.-F., Urs Fischbacher, Valerie Treyer et al. *The Neural Basis of Altruistic Punishment* // *Science*, 2005, 305. — P. 1254–1264.

наказывая партнера, человек испытывает удовольствие, так как у него возбуждается задняя часть особого отдела мозга — полосатого тела. Именно эта область активизируется в предвкушении вознаграждения*.

Теории справедливости

Основа основ экономической науки — теория обмена: она описывает, кто, с кем, чем и где обменивается. Но существует также и социологическая теория обмена. От экономической она отличается главным образом тем, что центральное место отводит справедливости. Социологам нужна своя теория, поскольку они понимают обмен шире, нежели экономисты. Они стремятся объяснить еще и вне рыночные сделки: внутри фирмы, между друзьями, знакомыми, членами семьи. Социологи знают: когда обмен несправедлив, сторона, считающая себя обманенной, испытывает недовольство. Импульсы, порождаемые недовольством, корректируют обмен в сторону справедливости.

Социально-психологическая теория обмена называется теорией равенства. Согласно ей, у обоих участников обмена затраты должны быть эквивалентны вознаграждению**. На первый взгляд, это очень похоже на то, что происходит на рынке. Например, в супермаркете вы получаете продукты и взамен отдаете их денежный эквивалент. Поэтому социологи и говорят, что их теория мотивирована экономистами (и оттого, возможно, кажется социологам чуть-чуть ущербной).

Между двумя этими теориями существует принципиальная разница: экономисты и социологи под затратами участников обмена подразумевают разные вещи. У последних в игру вступают, в том числе, и субъективные оценки, например, статус персон, участвующих в обмене.

Одна из ранних версий теории обмена выросла из исследования Питера Блау, наблюдавшего за государственными служащими, вовлеченными в сложную судебную тяжбу***. По правилам им было запрещено обращаться к кому-либо кроме руководства. Разумеется, служащие не хотели бегать к начальству при каждом затруднении, чтобы не выглядеть надоедливыми, а главное — не расписываться в собственной некомпетентности и несамостоятельности. Поэтому они систематически нарушали запрет и советовались между собой.

Блау наблюдал за этими консультациями и интерпретировал их через теорию равенства. Он заметил, менее опытные работники редко обращались за помощью к своим более квалифицированным коллегам. Вместо этого они советовались с «братьями по разуму». А более компетентные служащие тоже советовались между собой. Почему это происходило?

Дело в том, что работники с невысокой квалификацией, помимо слов благодарности, немного могли предложить более опытным взамен полученных знаний. Поначалу подобное вознаграждение может приносить удовлетворение, но очень скоро приедается. Да и благодарить все время тоже утомительно. А с

* Электронное письмо Эрнста Фера Джорджу Акерлофу от 1 ноября 2008. Фер также отмечает, что поскольку задняя часть полосатого тела активизируется и при виде воды, когда человек испытывает жажду, и в предвкушении мести, когда человек разгневан, «жажду мести» можно испытывать в буквальном смысле.

** См.: Brown, Roger. *Social Psychology*. 2nd ed. — New York: Free Press, 1986.

*** Blau Peter Michael. *The Dynamics of Bureaucracy; A Study of Interpersonal Relations in Two Government Agencies*. — Chicago: University of Chicago Press, 1963.

себе подобными обмен был более или менее равноценным.

Когда в оценку этой ситуации привносятся субъективные элементы, такие как благодарность, мы оказываемся в поле теории справедливого обмена. Благодарность, выраженная менее квалифицированными агентами за обмен с более опытными, делает транзакцию справедливой: затраты с одной стороны равноценны вознаграждению с другой. Эта теория объясняет, почему те, чей статус в обществе ниже (например, темнокожие или женщины в традиционных обществах), часто ведут себя подобострастно. Чтобы уравнивать объективные и субъективные затраты и вознаграждения при обмене, им приходится отдавать больше, чем тем, у кого статус выше.

Нормы и справедливость

Теория равенства может быть распространена и еще шире. Социологи знают, что у людей есть твердые представления о том, как должны себя вести они сами и окружающие. Джордж Акерлоф в соавторстве с Рэчел Крэнтон подробно писал об этом*. Оказывается, одна из главных составляющих счастья — это когда мы реализуем свои представления о том, как вести себя правильно, то есть поступать по справедливости. При этом, когда другие считают, что мы несправед-

ливы, это нас оскорбляет. Одновременно мы хотим, чтобы и другие соответствовали нашим представлениям о том, как себя вести. Мы недовольны, когда нам кажется, что окружающие поступают несправедливо (вспомним испытуемых в экспериментах Фера с их желанием наказать). Справедливость, таким образом, вносит в экономическую науку наши представления о том, как должны себя вести мы сами и окружающие.

Справедливость и экономика

Соображения справедливости — важный мотивирующий фактор для многих экономических решений, они связаны с тем, как мы понимаем доверие и насколько хорошо умеем сотрудничать. Современные экономисты смотрят на справедливость двояко: с одной стороны, этому вопросу посвящено довольно много литературы, но, с другой — при анализе экономических событий — ей уделяется второстепенная роль.

Мы убеждены, что отодвигать этот критерий на второй план можно, только если есть для этого серьезное обоснование. Справедливость позволяет объяснить такие базовые явления, как вынужденная безработица и соотношение между инфляцией и валовым национальным продуктом, которые без учета этого фактора остаются загадкой.

* См., в частности: Akerlof, George and Rachel E. Kranton. *Economics and Identity* // *Quarterly Journal of Economics*, 2000, 115(3). — P. 715-753.

CONTENTS

TO OUR READER

Yury Senokosov 5

SEMINAR

We have to assume the responsibility...

Alvaro Gil-Robles 7

Discussion 13

THEME OF THE ISSUE

Civic Universalism
in the Globalized World

Dmitrii Gorin 21

CHALLENGES AND THREATS

Paths of the Global Economy

Fredrik Erixon 30

How Universal are Europe's Civic Values?

Michael Mertes 40

RULE OF LAW

Freedom and the Law

Vadim Klyuvgant 49

A VIEWPOINT

Prospects of Globalization
and Democracy

Robert Skidelsky 57

CIVIL SOCIETY

Civic Education in the Context
of World History

Alexander Sogomonov 65

RUSSIA AND EUROPE

A Necessary and Inevitable
Choice

Vassily Zharkov 79

DISCUSSION

Banality of Evil and Hybridity
of Morals

Dmitry Shevtchuk

Arevik Markarian

Julia Schastlivtseva 79

EDUCATION**IN THE 20TH CENTURY**

Integration and Liberal Arts:

A Historical Overview

Leon Conrad 96

BOOKS

Whereto Sails Ship *Russia*?

Andrei Zakharov 108

REGIONAL**BOOK REVIEW**

Denis Grekov 110

COUNTERPOINT

Vladimir Ryzhkov 112

NOTA BENE

Justice

George Akerlof

Robert Shiller 121

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Общая тетрадь» за 2015 год

К ЧИТАТЕЛЮ

Сенокосов Юрий
Культур много, цивилизация — одна
(№ 2–3)
Интеллектуальная альтернатива кризису
(№ 4)
Счастливецва Юлия
«Круг чтения»: наш новый проект (№ 1)

СЕМИНАР

Бовт Георгий
Информационный контекст и пределы
свободы (№1)
Хиль-Роблес Альваро
Мы должны взять ответственность
на себя (№ 4)

ТЕМА НОМЕРА

Горин Дмитрий
Гражданский универсализм
в глобальном мире (№ 4)
Зубаревич Наталья
Чего ждать от кризиса (№ 1)
Кудрин Алексей
Вызовы экономической политики
России (№ 1)
Рыжков Владимир
Российское общество:
реалии и химеры (№ 2–3)

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Мертес Михаэль
Насколько универсальны
гражданские ценности Европы?
(№ 4)
Паин Эмиль
Джихадизм — новая угроза (№ 2–3)
Эриксон Фредрик
Траектории глобальной
экономики (№ 4)

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА

Клювгант Вадим
Свобода и право (№ 4)

Эспада Цезарио Гутьерес
Международное космическое
право (№ 2–3)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Волков Александр
Откуда и куда идем? (№ 2–3)
Зубов Андрей
Интеллектуальные истоки
демократии (№ 1)
Мошкин Сергей
Политическая деятельность и
гражданское участие (№ 1)
Скидельски Роберт
Перспективы глобализации и демократии
(№ 4)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Гати Тоби
О гражданском обществе в США (№ 1)
Согомонов Александр
Гражданское образование в контекстах
мировой истории (№ 2–3)
Согомонов Александр
Гражданское образование в контекстах
мировой истории (№ 4)

РОССИЯ И ЕВРОПА

Жарков Василий
Необходимый и неизбежный выбор (№ 4)
Колесников Андрей
Россия и Европа после
«конца истории» (№ 2–3)

ДИСКУССИЯ

Дмитрий Шевчук
Аревик Маркарян
Юлия Счастливецва
Банальность зла и «гибридность» морали
(№ 4)

КОНЦЕПЦИЯ

Чен Ян
Эскиз дорожной карты России и
Китая (№ 2–3)

ГОРИЗОНТЫ ПОНИМАНИЯ*Алтинай Хакан*

Хорошая новость, которую вы не слышали, и кое-что еще (№ 1)

СМИ И ОБЩЕСТВО*Архангельский Александр*

Зачем нужны журналистика, литература, образование, если они ничего не могут изменить? (№ 1)

Лосева Наталья

Персонализация информации: возможности и пределы (№ 2–3)

Пил Квентин

Журналистика как власть и ответственность (№ 1)

Хаугсгьер Хильде

О СМИ и этике журналиста (№ 2–3)

ОБРАЗОВАНИЕ XXI ВЕКА*Конрад Леон*

Интеграция и свободные искусства: исторический обзор (№ 4)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА*Шеррер Ютта*

Отношение к истории в Германии и Франции (№ 1)

Шеррер Ютта

Отношение к истории в Германии и Франции (№ 2–3)

ИСТОРИЯ УЧИТ*Захаров Андрей*

Макиавелли и мы (№ 2–3)

Конрад Леон

Нужны ли границы дозволенного? (Цензура и лицензирование литературы в Англии) (№ 2–3)

НАШ АНОНС*Розанваллон Пьер*

Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность близость (№ 1)

КНИГИ*Захаров Андрей*

Олигарх, заключенный, диссидент. Что дальше? (№ 1)

Куда плывет корабль «Россия»? (№ 4)

**РЕГИОНАЛЬНОЕ
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ***Греков Денис (№ 4)***КОНТРАПУНКТ***Владимир Рыжков (№ 1, 2–3, 4)***К 85-ЛЕТИЮ****М.К. МАМАРДАШВИЛИ***Гаршин Родион*

Мераб Мамардашвили как аналитический философ (№ 2–3)

Сенокосов Юрий

Встреча (№ 2–3)

NOTA BENE*Акерлоф Джордж**Шиллер Роберт*

Справедливость (№ 4)

Лиходеев Леонид

Последний год той жизни... (№ 2–3)

Сорокин Питирим

Обязанности власти и обязанности гражданина. Задачи ведомства народного просвещения (№ 2–3)

Турен Ален

Культур много, гражданство одно (№ 1)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНСТИТУТЫ
И ИСТОКИ ПРАВОВОГО САМОСОЗНАНИЯ

Наши авторы:

Хулио Гонсалес

Василий Жарков

Андрей Захаров

Алексей Кара-Мурза

Вадим Кловгант

Алексей Кудрин

Элла Панеях

Михаэль Сульман

Владимир Рыжков

Александр Согомонов

Альвапро Хиль-Роблес

Джеффри Хоскинг

Подписано в печать 28.04.2016.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 8,25.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Школа гражданского просвещения

127006 Москва,

Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1

<http://www.civiceducation.ru>

ISBN 978-5-93895-108-2